

Анна Рэй

Самая плохая адептка

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Как же мне повезло! Я обручилась с самым завидным женихом – ректором Провинциальной магической академии. Подумаешь, жених не успел со мной познакомиться. Сделаю ему сюрприз и поступлю в академию на престижный целительский факультет – пусть гордится невестой! Только что-то пошло не так. Вместо «Анатомии» я штудирую «Бестиарий», подопечные магические существа похожи на монстров, а приготовленные зелья напоминают яды. Ректор грозит выгнать, считая меня самой плохой адепткой, а вредный старшекурсник ставит палки в колеса, пытаюсь выжить неудачницу из академии. Но не на ту напали! Докажу, отомщу, влюблю... а заодно всех вылечу!

- [Анна Рэй](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
-

Анна Рэй

Самая плохая адептка

Глава 1

Предсказатели – не шарлатаны, а посредники между судьбой и обеспеченными клиентами

– Дочери, я нашел жениха! – торжественно произнес за обедом отец.

– Мне? – оживилась Валежка.

– Элиске. Она старшая, сперва нужно пристроить ее, – тяжело вздохнул папенька и покосился в мою сторону.

– Не надо меня никуда пристраивать! – возмутилась я и отвлеклась от чтения свежего выпуска «Аптекарского вестника». Даже отложила в сторону булочку.

Ох, чувствую, неумное желание отца выдать меня замуж до добра не доведет! Казалось бы, должен угомониться после того, как в прошлом году сосватал мне сына своего приятеля-банкира. Жених позорно сбежал за день до свадьбы, а я была уверена, что после такого меня оставят в покое. Как раз собиралась пойти поучиться на целителя. Но нет же! Мой отец, Адам Кошмарек, известный в Альмерии владелец аптек, буквально грезил о том, чтобы поскорее выдать нас с сестрой замуж. У красавицы Валежки ухажеров было видимо-невидимо, а вот у меня – точно невидимо. Все равно что искать живого на кладбище. Нет-нет, там я точно искать не буду. Я не некромант, а приличный светлый маг, пусть и с самым скромным резервом. И с такими же скромными внешними данными. Но тут уж папенька постарался: невзрачный цвет волос и небольшой рост я унаследовала от него, как и пухлые щеки. Конечно же я мечтала похудеть! А кто не мечтает? Но такая уж у меня комплекция – кость широкая. Вон младшая сестрица за обе щеки пирожные уплетает, и хоть бы что! Изящная блондинка Валежка была копией нашей покойной матушки. Сестрицу, как и маменьку, кроме нарядов и ухажеров, больше ничто не волновало. Это я гредила об учебе, но

последние два года занималась тем, что помогала отцу управлять аптеками и варила зелья красоты. А как иначе?

Когда мама покинула сей мир и ушла за Занавесь, сестре стукнуло шестнадцать, а мне исполнилось восемнадцать. В тот год я должна была отправиться на обучение в магический пансион, но планы изменились. Отец принялся топить горе в вине, заодно и семейный бизнес пошел ко дну вместе с нашим банковским счетом. Сначала я спасала папеньку из лап зеленого змия, потом — из лап кредиторов, а затем и работу наших столичных аптек наладила, заполонив их популярными у дам настойками красоты. Отец недовольно ворчал, что некогда приличное заведение превратилось в забегаловку. Но именно мои простенькие магические примочки красоты стали самым ходовым товаром в аптеках «Кошмарековы зелья» и вновь сделали бизнес прибыльным.

— И кто же тот несчастный, согласившийся взять меня в жены? — на всякий случай поинтересовалась у отца. — А главное — где ты его нашел?

— На этот раз я доверил выбор магическому шару архимагистра Страшневицкого, — с гордостью сообщил отец и пробурчал себе под нос: — Раз все женихи, найденные мной, разбежались.

— Ты обратился к аферисту Страшневицкому?! — охнула Валежка. — Его же судили за незаконные махинации!

— Он не аферист, а оккультист! — поправил сестру отец. — И его оправдали! Да, он ушел из королевских звездочетов, но у лера Страшневицкого теперь частная практика с солидной клиентурой. Многие аристократы обращаются к нему за помощью в подборе невесты.

— И сколько ты заплатил этому афери... оккультисту, чтобы сбегать меня замуж?! — нахмурилась я.

— Между прочим, жених сам выбрал тебя из нескольких кандидаток, предложенных ему магическим шаром! — поторопился ответить отец, явно не желая обсуждать затраченные на этот «выбор» средства. — И почему сразу «сбегать»? Это лучший жених из всех, кто у тебя был!

Я обреченно вздохнула. Спорить с папенькой было бесполезно. Мы уже прошли все стадии: от мирных переговоров и убеждений до ссор, шантажа и побега из дома. В итоге самым действенным

способом оказалось тайное вредительство. Но для этого мне необходимо познакомиться с избранником поближе.

– Да кто жених-то?! – нетерпеливо повторила мой вопрос Валежка.

Отец многозначительно произнес:

– Ректор Провинциальной магической академии!

– Провинциальной? – скривилась сестра. – Да еще и ректор! Значит, старый.

– К тому же безумный, коль искал жену при помощи магического шара, – поддакнула я сестрице.

– Жених совсем не старый, ему еще нет тридцати, – возразил отец. – Светлый маг высшей категории, аристократ. В Протумбрии его многие знают...

– Мы не знаем, потому что здесь столица, а не провинция! – резонно заметила Валежка. – А тридцать – уже пожилой!

Я фыркнула. Ухажеры восемнадцатилетней Валежки были ее ровесниками, и все, кто старше двадцати, казались ей пожилыми. Меня, в отличие от сестры, ни возраст ректора, ни он сам не волновали. А вот Провинциальная магическая академия очень даже заинтересовала, ведь с недавних пор там на целительский факультет принимали девушек! И если для того, чтобы поступить, нужно временно стать невестой ректора – я согласна. Потом придумаю, как отвертеться от брака.

– Когда смотрины? – продолжила расспросы сестра.

– Смотрин не будет! – категорично заявил папенька. – Брачный договор я подписал, приданое обговорил! Свадьба следующим летом, когда в академии закончится учебный год. Ректор – очень занятой человек.

– Жених что, даже не познакомится с нашей Элиской? – возмутилась Валежка.

– У алтаря и познакомится! – проворчал отец.

Видимо, не желал представлять меня жениху заранее, памятуя о прошлом провале. Нет, я, конечно, понимаю, что не такая красавица, как сестра, и нечего раньше времени расстраивать будущего мужа. Но все же обидно! А поговорить? А обсудить мое поступление в академию? Неужели папа думал, что я при первой же встрече подсыплю ректору отворотное зелье, как предыдущему жениху? Или

подолью в чай слабительное, как еще одному ухажеру? Да связываться с ректором магической академии себе дороже! Я, может, впервые в жизни согласна с решением родителя. Жених меня заинтриговал, вернее, возможность учиться в его академии. О чем немедленно и сообщила.

– Никакой академии и преждевременных встреч! – воспротивился глава семейства. – Знаю я твое знакомство! Мне нужно, чтобы жених благополучно добрался до алтаря, желательно живой и здоровый! Поэтому ты, Элиска, на год отправляешься в закрытый магический пансион – будешь учиться хорошим манерам, танцам, овладеешь бытовой магией. И наконец-то похудеешь!

– Мне? Худеть?! – Я с ужасом вскрикнула и потянулась к пирожку. Чувствую, он будет последним в моей жизни. – Хочешь замуровать в закрытом пансионе до свадьбы?!

– Папа, это же меня ты обещал отправить в элитный пансион учиться танцам! Элиске они ни к чему! – надула губы сестра.

– Тебя отправлю в следующем году. А пока ты поедешь к тетушке Лижбет в Ликарнию!

– В глушь? В деревню?! – округлила глаза Валежка. – Там же нет ни приличных магазинов, ни развлечений!

– Вот именно, – согласился папенька. – Дочери мои! Вам пора повзрослеть! Одна днями напролет шастает по светским раутам и бегают на свидания с бесперспективными женихами, другая не вылезает из лаборатории – уже три взрыва устроила! На наряды и зелья все деньги извели! Так и без приданого останетесь!

– Но как же так... – Мы с сестрой попытались возразить.

– Молчать, когда отец говорит! – заорал родитель и схватил графин с горькой настойкой на лимонных корках, которую употреблял вместо успокоительного. – Моя задача – удачно выдать вас замуж! Именно об этом перед смертью просила ваша мать! А для этого тебе, Элиска, нужно заняться внешностью и манерами, поэтому ты едешь в пансион! А тебе, Валежка, – прочитать хотя бы одну книжку и научиться экономно расходовать средства! Твоим обучением займется тетя Лижбет, у этой скряги каждая копейка на счету. Уезжаете сегодня! Идите собирать вещи!

Я пыталась объяснить отцу, что тетушка Лижбет вряд ли сможет обучить Валежку хоть чему-то. Старушка была подслеповата, да и

слышала плохо. Мне ли не знать – я регулярно переводила ей средства на дорожные целебные микстуры и на очки с магическими линзами. Да тетя до сих пор считает, что у нее не «маразма», а харизма! Старушка видела нас лишь на портрете и толком не разберется, какая именно из внучатых племянниц к ней приехала!..

Я замерла и неожиданно для сестры согласилась с решением папеньки.

Потому что, кажется, нашла выход!

Вскочив из-за стола и буркнув, что мы отправляемся собирать вещи, потянула за собой рыдавшую в голос сестрицу.

– Я знаю, что делать! – сообщила Валежке, как только мы оказались наедине в ее спальне.

– Да что тут поделаешь? Целый год ни новых туфелек, ни развлечений, – всхлипнула сестрица. – А я так мечтала учиться в пансионе! Там изучают не только танцы, но и моду!

– Будет тебе пансион!

– Как? – шмыгнула носом Валежка.

– Мы с тобой поменяемся, – подмигнула я ей.

– Как это «поменяемся»?

– Очень просто. Ты едешь вместо меня танцевать и шить модные наряды, а я...

– А ты отправишься к тетушке Лижбет? – наконец догадалась сестра.

– К тете я, разумеется, тоже заскочу, а на самом деле отправлюсь поступать в Провинциальную магическую академию. Заодно и на жениха посмотрю – что мне за счастье такое привалило.

– Ничего не понимаю, – захлопала глазами сестрица. – Как же ты увидишься с тетушкой, если поедешь в академию?

– А ты помнишь, где живет тетя Лижбет?

– Где-то в Ликарнии. Какая-то дыра на границе с Протумбрией. От нас очень далеко, – тяжело вздохнула Валежка, вероятно представив захолустье во всей красе.

– Именно! Ликарния граничит с Протумбрией, а там рядом... академия! – торжественно пояснила я. – Остановлюсь у тети, она слепа и не разберет, которая из племянниц к ней пожаловала. Совру, что посещаю курсы кройки и шитья или кружок магического домоводства, а сама буду ездить на занятия в академию.

– Элиска, как же ты все здорово придумала! Ты такая умная, – с восхищением произнесла сестрица. – Тебе обязательно нужно учиться! Только, боюсь, меня в пансионе разоблачат, ведь они будут ждать тебя.

– Да кто догадается? Пансион закрытый, деньги отец наверняка заплатил немалые. Так какая им разница, кто из сестер Кошмарек учится?

– А твоя Провинциальная академия – та еще дыра, там тоже никого из знакомых не встретишь! – Валежка вдруг нахмурилась. – Только придется сознаться ректору в том, что ты его невеста. Он тебя по фамилии вычислит, она у нас слишком известная.

– А я скажу, что документы потеряла, – не сдавалась я. – Да что-нибудь придумаю, главное – поступить!

– Обязательно поступишь и станешь лучшей адепткой! – обнадежила меня сестра и покосилась на шкаф. – Ладно, Элиска, нечего время терять. Давай собирать вещи. Мне нужно столько с собой взять!

И Валежка принялась вытаскивать из шкафа роскошные наряды, которые в один саквояж точно не поместятся. Я тоже отправилась в свою комнату паковать книги по анатомии, тетради с рецептурами и флаконы с ингредиентами для зелий. Уверена, и редкие сушеные лапки тысячелистниковой козявки, и настойка ахирантеса десятилетней выдержки мне обязательно пригодятся – ведь я собираюсь стать лучшей ученицей на целительском факультете!

Глава 2

Не столько мир посмотреть, сколько себя показать

Я попрощалась с папенькой и Валежкой, села в поезд и помахала из окна вагона родителю ручкой, даже утерла для приличия единственную, выдавленную с трудом, слезинку. Сошла уже на следующей станции и час провела в привокзальном кафе. Там меня и обнаружила сестрица, которая совершила похожий маневр. Да, мы не искали легких путей, но папеньку необходимо убедить в том, что дочери уехали – далеко и надолго. Хорошо у меня были собственные деньги на новые билеты, даром, что ли, я последние два года работала в семейных аптеках.

Нам с сестрой пришлось провести на вокзале еще час, дожидаясь поезда. Это время мы потратили с пользой, применив маскировку. Я с трудом втиснулась в Валежкино платье и прикрыла бархатным жакетом все то безобразие, что бесцеремонно вываливалось из корсета. На голову мне сестрица нахлобучила блондинистый парик. Куплен он был в спешке в одном из привокзальных магазинчиков, качество еще то: волосинки напоминали солому, а прическа – взъерошенную траву. Но алхимичить с волосами было некогда, как и применять сложный грим. Поэтому Валежка наспех пощекотала кисточкой мое лицо и смазала губы липкой помадой. Я чихнула и облизнулась.

– Не ешь помаду! Знаешь, сколько я за нее заплатила? – укорила меня сестра.

– Даже знать не хочу, – проворчала я и нахмурилась, рассматривая свой новый образ в зеркале дамской комнаты.

Если Валежка думала, что в жутком парике и с ярко-розовыми губами я стану похожа на нее, она жестоко ошиблась. Из меня вышла сельская простушка, заявившаяся с полей прямо на бал.

– И не забывай! На тебе платье из последней коллекции лиры Ширнель! Береги его! – зудела сестра, поправляя оборки на моей груди.

– Да как тут забудешь! Я в эту «шинель» еле влезла. Боюсь, что как только сяду – швы по бокам разойдутся!

– А ты не садись! И не ешь в дороге! Хотя я шнуровку ослабила, можешь воды попить, – разрешила Валежка. А затем тяжело вздохнула, рассматривая наряд, полученный в обмен: – Ты привезла мне мешок!

– Вовсе не мешок, а очень удобный сарафанчик, – буркнула я, привязывая к животу и бедрам сестры маленькие подушки. – Ткань приятного дымчатого цвета, практичная, не мнется. И фасон свободный – ешь не хочу.

– «Не хочу» – это явно не про тебя! – фыркнула сестрица.

Она с интересом наблюдала за тем, как ее стройная фигура превращается в бесформенную, а белоснежные локоны скрываются под темным париком.

Валежка тоже не стала мной, но какое-то смутное сходство с оригиналом возникло. Главное, ее неземная красота теперь не так бросалась в глаза. Правда, и моя не бросалась. Да что там «не бросалась» – она спала беспробудным сном!

С вокзала мы с сестрой дали телеграммы в пансион и тетушке о задержке в пути. Устроив Валежку в вагоне первого класса и убедившись, что поблизости нет типов сомнительной наружности, я обняла сестрицу, передала ей свои документы и напомнила, чтобы она не забывала писать мне письма.

Как только поезд тронулся, я отправилась на свой перрон, а вскоре уже заходила в вагон. В уютном одноместном купе расположилась на удобном диване и под мерный стук колес задремала, мечтая об академии.

Будеж, городок, в котором проживала тетушка Лижбет, оказался маленьким, провинциальным и, как ни странно, очень милым. По прибытии на вокзал я тут же разузнала о поездах, отправлявшихся из Ликарнии в Протумбрию. Оказывается, путь до академии занимал меньше часа. Как же все удачно складывалось! Оставалось придумать, что соврать тетушке, но с этим позже разберусь. А пока заметила на перроне старичка с табличкой в трясущейся руке «Валежка Кошмарек». Как только приблизилась, мужчина заулыбался:

– Ли́ра Кошмарек? Я сразу вас признал! Вылитая вдова Лижбет в ее молодые годы! Только что-то вы припозднились.

– Перепутала время, села на другой поезд, – пояснила я в свое оправдание.

– Бывает, дело молодое, – пожал плечами провожатый и поковылял к стоянке мобилей.

Я последовала за ним. И уже потянулась к дверце длинного серебристого красавца, как услышала довольное кряканье:

– Ну вот и моя шустрая малышка!

Старик открыл дверцу маленького красного недоразумения, что стояло по соседству с роскошным мобилем, и закинул мой увесистый саквояж на заднее сиденье. Я же с трудом втиснулась на пассажирское место, и мобиль, шумно фыркая и кряхтя, тронулся.

Пока мы медленно ехали по городу на «шустрой» малышке, я краем уха слушала городские байки. А вскоре мобиль со страшным скрипом притормозил возле двухэтажного ярко-желтого особняка с розовыми колоннами и рыжей черепичной крышей. На скромное жилище болезной и стесненной в средствах вдовы дом никак не походил. Да и тетушка была в добром здравии. Из распахнутого окна доносился залиvistый смех.

На крыльцо вышла дородная светловолосая дама с добродушным лицом, в белом чепце и фартуке. Из переписки с тетей я знала, что с ней жила помощница по хозяйству – Марта. Женщина приказала водителю отнести багаж наверх, а сама провела меня в гостиную. Но прежде чем войти, Марта громко покашляла, постучала кулаком в дверь и какое-то время потопталась на пороге. Только после этого меня пустили внутрь.

На диване, укутанная в плед, дремала тетя Лижбет. Я заметила край ярко-желтого платья и мысы туфельек в тон наряду. На голове тетушки красовался кружевной чепец, из-под которого выглядывали рыжие, то ли крашенные, то ли накладные кудряшки. Я собиралась поздороваться и сделать тете комплимент, как чудесно она выглядит, несмотря на возраст, тугоухость, слепоту, радикулит и маразм. Тетя приоткрыла один глаз и заохала.

– Тетушка Лижбет, у вас что-то болит? – бросилась я к старушке.

– Все-о-о, – простонала родственница. Она поморщилась, открыла второй глаз и приподнялась на локтях. Откуда-то из-под пледа появился монокль, а я сразу признала мой подарок, отправленный

посылкой на зимний праздник. – Э... Элиска? Нет, та страшная. Ой! В смысле старшая, а ты – Валюшка!

– Валежка, – подсказала я.

– Я так и сказала! – буркнула тетушка и жестом приказала выйти в центр комнаты, чтобы лучше рассмотреть. – М-да. На портрете, который несколько лет назад присылал Адам, ты казалась худенькой, миленькой – вылитая мать. А сейчас стала копией папаши и старшей сестры. Хотя... я бы предпочла, чтобы приехала Элиска.

– Это почему? – возмутилась я.

Нет, мне, конечно, приятно, что тетя обо мне хорошего мнения, оценила микстуры, а заодно и денежные средства, которые я регулярно переводила ей на лечение. Но за Валежку все же обидно.

– Потому что ты черствая и равнодушная! – резко ответила тетя. – Адам написал, что ты думаешь только о развлечениях! Ничего, я это живо исправлю!

– Но я... – попыталась возразить.

– Конечно, ты! Ни разу не поинтересовалась, как я живу после смерти моего драгоценного Вольдемара! Не живу, а выживаю! Думаешь, мне не нужны наряд... в смысле лекарства? Элиска – единственная из вашей семьи, кто заботился о бедной тетушке из Ликарнии! А та чудодейственная микстура, которую она отправила мне в последней посылке, оказалась настоящим живительным источником!

Тетя Лижбет мечтательно улыбнулась, а я только сейчас обратила внимание, что на лице у нее слой пудры, ресницы подкрашены, а на губах помада. Бедняжка! Даже в таком состоянии взяла себя в руки и привела в порядок, потому что не хотела выглядеть беспомощной и больной.

– Простите меня, – искренне покаялась я перед тетей.

Вернее, перед троюродной бабушкой.

На самом деле мы с Валежкой приходились хозяйке этого дома не племянницами, а троюродными внучками. Но об этом тетя Лижбет запрещала не то что говорить, а даже думать! И, кстати, какую именно микстуру она имела в виду? В последний раз я отправляла ей посылку с бутылочкой домашнего ликера, чтобы задобрить местного аптекаря, и внушительную сумму на дорожную слуховую трубку, которую она заказала у этого скряги.

– Жу-Жу, прости девочку! – раздался мужской голос, а я только сейчас заметила в кресле, что стояло у окна, импозантного пожилого мужчину в строгом костюме и накрахмаленной рубашке. Его буйной шевелюре мог бы позавидовать и молодой, если бы не седина.

Мужчина поднялся с места, подошел ко мне и галантно поцеловал руку.

– Мм... Валюшка, познакомься со старинным приятелем моего покойного мужа – лером Гульфриком, – произнесла тетюшка, и в ее голосе послышались игривые нотки. – Он единственный, кто навещает меня. Ах да, еще лер Сигизмунд. Не то что столичные родственники!

– Жу-Жу, у тебя очаровательная племянница! А какие глаза! Так похожа на тебя в юности.

– В свои восемнадцать я была гораздо стройнее! – возразила тетя, а старикашка плотоядно улыбнулся, при этом рассматривал не мои глаза, а грудь, которая неприлично вываливалась из модного платья.

– Кхе-кхе... – закашлялась тетя, а лер Гульфрик виновато покосился на хозяйку дома. – Полагаю, Валюшка устала с дороги. Ей пора.

– Валежка, – вновь поправила тетю.

– Да что ты меня все время перебиваешь?! Дерзкая девчонка, да еще кокетка! – отчего-то разозлилась старушка, недовольно поджав губы. – Надеюсь, ты не доставишь мне неприятностей? В твоей комнате я подготовила брошюры, выбери себе курсы, позже обсудим твой распорядок дня и занятия. Но скажу одно: бездельничать ты здесь не будешь! И вот еще что: тут не столица и выпячивать достоинства не принято. Я подберу тебе наряд из своих запасов. Какое-нибудь скромное платье, что я носила до свадьбы с Вольдемаром.

Я содрогнулась, представив эти «запасы» столетней давности, но возразить не успела.

Тетя взмахнула рукой, отправляя меня восвояси, а Марта любезно открыла дверь, выпуская из гостиной, а затем отвела в отведенные мне покои... на чердаке.

Старомодные обои с розовыми цветочками, комод, заставленный пыльными флакончиками, застиранное покрывало и подушки с вышивкой – все указывало на то, что в этой комнате давно никто не жил.

– В этой спальне лира Лижбет жила до брака и пожелала, чтобы все так и осталось. В шкафу хранятся ее платья, в комод портреты и кое-какие документы. Хозяйка иногда сюда заходит, вспоминает былые денечки.

Я поблагодарила Марту, но как только она вышла, пригорюнилась. Маленькая спальня больше напоминала кладовку, чем гостевую комнату. А где же мне проводить опыты? Где готовиться к занятиям?!

– Обед я тебе в кухне подам, спускайся, как переоденешься. Если что понадобится, обращайся. Слуг у нас мало, я да водитель! – донесся голос Марты, уже спустившейся вниз по лестнице.

Я же принялась разбирать чемодан. Будем считать, воссоединение с родственницей прошло успешно. Теперь можно снять ужасное платье и решить, что надеть на собеседование в академию. Как отлучиться из дома, придумаю позже. Хотя с таким количеством брошюр, что лежали на столе, слишком долго думать не пришлось. Здесь была даже Школа магического домоводства в Жиге, городке, где находилась и Провинциальная академия. Отлично! Вот туда я завтра и отправлюсь!

А пока обошла комнату, заглянула в шкаф, окинула взглядом невзрачные тетушкины девичьи наряды «прощай, молодость». Поочередно открыла ящики комода, собираясь разложить в них белье. И обнаружила старые портреты, письма, а еще запрятанное в дальний угол свидетельство о браке Лижбет и Вольдемара Грачинских. С портрета на меня смотрела тетя в ее двадцать с небольшим: изящная блондинка с озорным взглядом. Рядом с ней возвышался важного вида черноволосый носатый мужчина.

Покопавшись в ящике, достала еще одну бумагу – метрику тетушки Лижбет. То, что родственница скрыла от всех пару десятков лет, меня не удивило. То, что ее настоящее имя по документам – Элиска, измененное в нынче модное Лижбет, я знала – папа неоднократно напоминал, в честь кого меня назвали. А фамилия у тети в девичество была не Кошмарек, а Комарек – наша дальняя родня из Ликарии. Кстати, внешность тетушки до брака была несколько иной – пухлые щеки выдавали любительницу сладкого. Разве что блондинка, как и моя сестрица, только на голове какой-то странный начес. Тетушка в свои восемнадцать чем-то напоминала меня в этом жутком парике.

Я впиалась взглядом в метрику, и меня осенило: а не воспользоваться ли этим документом для поступления в академию? Печати не так легко подделать, как и тисненую бумагу, а вот цифры можно подправить. Все лучше, чем портить Валежкину метрику, с которой я приехала, или покупать сомнительную подделку в подворотне. А что? Как раз преобразователи в косметичке завалялись – растворитель и перо с меняющими цвет чернилами. Эту прелесть мне привезла в подарок одна из благодарных клиенток нашей аптеки, купила в Протумбрии в лавке «Магические штучки». Что ж, раз тетушка забросила документы в дальний ящик, значит, давно о них позабыла. А мне пригодятся!

Через четверть часа я любовалась результатом своей деятельности – измененной датой рождения. И теперь в документе сообщалось об Элиске Комарек восемнадцати лет от роду. Что ж, если сильно не приглядываться, определенное сходство с портретом имеется. Да и кто позволит приглядываться? Мельком покажу приемной комиссии документ, а затем блесну знаниями, а может, и зелье сварганю. Зря я, что ли, тащила с собой пузырьки с настойкой ахирантеса и монстеры?

Удивлю, докажу, поступлю!

Я убрала метрику в сумочку и довольно потерла ладони. Жизнь потихоньку налаживалась. Отца провела, к тетушке благополучно добралась, новые документы состряпала. Остается всего ничего – поступить на престижный целительский факультет и посмотреть на жениха!

Глава 3

Врагов бояться – в академию не ходить!

С утра пораньше я собиралась отправиться в Жижу, соседний с Бужежом городок. Как ни странно, тетушка возражать не стала, что я выбрала курс магического домоводства в Протумбрии. Наоборот, мне показалось, у нее даже настроение поднялось. А уж когда я сообщила, что папенька полностью оплатит не только мое обучение, но и проживание в ее доме, старушка и вовсе взбодрилась, выпив рюмочку ликера, который упорно называла живительной микстурой. Перед уходом я пожелала тете Лижбет здоровья.

– Езжай, Валюшка. И не торопись! – напутствовала родственница. – Изучи хорошенько программу, пообщайся с преподавателями, а может, сразу приступишь к обучению. Мой водитель подождет тебя на станции сколько нужно.

Пообещав тетушке не возвращаться ранее полудня, отправилась покорять Провинциальную магическую академию. Заодно и на курсы заскочу.

Водитель доставил меня на местный вокзал, там я села в поезд, следовавший до Жижы. Я заняла кресло у окна и так залюбовалась мелькающими деревеньками с яркими домами, обширными лугами и лесами, что не заметила, как прибыла в пограничную Протумбрию.

Первым делом забежала на курсы. Пока милая старушка, которая представилась лирой Эндрю и являлась директрисой заведения, подробно рассказывала о предметах и расписании, я прикидывала в голове, как бы так сделать, чтобы и диплом получить, и избежать знаний о расстановке мебели силой заклинания «фуй-шуй».

– А еще есть курсы по управлению газонами и сорняковедению, – увлеченно перечисляла лира Эндрю. – Лекции по подводному плетению корзинок. Есть практический отворотный курс «Отлюбись», но вам больше подошел бы приворотный «Охмурись»... Да-да, знаю, привороты в Протумбрии запрещены, но я подскажу, как приготовить нужное зелье, не нарушая закона!

Старушенция еще час распиналась о дамских секретах и достоинствах школы, которая располагалась почему-то в гостинной маленького двухэтажного домишки. Правда, других учениц я пока не заметила. Но за познавательную беседу, а особенно за чай с плюшками, директрису поблагодарила, забрала расписание и пообещала вернуться. Сама же отправилась на дело – то есть поступать в магическую академию.

Погода стояла прекрасная, и я решила прогуляться. Но, добравшись до здания академии запыхавшаяся и в съехавшем набок парике, я уже пожалела, что не взяла таксомобиль. Хорошо хоть не надела Валежкино платье, иначе дышать бы не смогла. В моем синем расклешенном сарафанчике и дышалось и шагалось свободно.

Я остановилась у мрачных каменных ворот, переводя дыхание. Не так я себе представляла храм знаний, хоть размеры и впечатляли. Над забором возвышались башни, прямоугольное строение с многочисленными пристройками походило на замок. В стороне одиноко стояла уродливая каланча – то ли водонапорная башня, то ли дозорная крепостная вышка. Точно! Серые мрачные стены академии и темные решетчатые окна напоминали оборонительную крепость. Вот и хмурый пожилой сторож, высунув голову из окна круглой будки, окинул меня грозным взглядом, словно встречал врага:

– Кудысь?

– Пришла поступать в академию!

– Поступать она пришла! Свободных мест нет! – припечатал мужчина с характерным местным говорком.

– Как это «нет»? – возмутилась я. – В газете написано, что собеседования проходят до первого учебного дня. Значит, в запасе еще несколько дней!

– Проходят, – согласился сторож. – Только все места среди дамочек разобраны. Кронкурения!

– Но мне очень надо!

– Всем надо, – пожал плечами сторож и захлопнул окошко, исчезнув в будке.

Увы, возле ворот не было ни единой души, чтобы уточнить про набор, лишь плотными рядами стояли мобили. Я заозиралась, прикидывая, смогу ли перелезть через ограду. А пока размышляла, как

проникнуть на территорию, услышала фыркающий звук, а вскоре возле ворот резко затормозил желтый мобильчик, похожий на букашку. Из него выскочила высокая темноволосая девица в модном брючном костюме, какие носили ну очень смелые дамы. Хотя здесь, в провинции, как я заметила, не придерживались классической моды. Это в Альмерии женщины предпочитали длинные платья и изысканные украшения, а мужчины – костюмы-тройки или сюртуки из дорогого сукна. В Протумбрии и Ликарнии я наблюдала в нарядах дикую смесь: от классических фасонов до новомодных укороченных до колена юбок и узких брюк. С завистью покосилась на стройную незнакомку, мечтая, что когда-нибудь смогу надеть такой костюм.

Тем временем девица что-то протянула вновь выглянувшему в окно сторожу, и тот приоткрыл ворота, пропуская ее внутрь.

– Простите, пожалуйста! – Я схватила девушку за руку. – Как пройти на территорию академии?

– Ты из опоздавших? – Незнакомка посмотрела на меня с пониманием.

– Из опоздавших? – переспросила я.

– Ну, из тех, кто поступает в последний день. По слухам, осталось всего три места.

– Да, – неуверенно протянула в ответ и расстроилась: всего три места?!

– Идем! – подхватила меня за руку девица, бросив сторожу: – Она со мной!

– Эй! Мы так не договаривались, нужно накинуть! – возразил мужчина.

Но моя новая знакомая его не слушала, а поторопилась, утаскивая меня за собой, пока ворота не захлопнулись.

– Развели взяточников, хорошо что меня предупредили заранее! А еще хотят стать первым учебным заведением в королевстве! Ну ничего, я им покажу, только бы поступить!

Я вздохнула в ответ. И в Альмерии и в Протумбрии так и не побороли этот «недуг»: взятки без зазрения совести брали как большие чины, так и мелкие сошки.

Незнакомка не позволила мне долго сокрушаться и тащила за собой, подгоняя: «Быстрее же! Опаздываем!»

Мы очутились во дворе академии, и теперь я могла рассмотреть здание основного корпуса. Вблизи оно показалось еще более неприветливым, а башни отчетливо намекали, что никакой это не замок, а самая настоящая крепость, которую раньше брали штурмом враги, а теперь, видимо, – студиозы.

Занятия еще не начались, академия выглядела безлюдно, и только у квадратной железной арки неясного назначения скучали двое молодых людей в синих мантиях с серебристыми нашивками на рукавах. Юноши равнодушно скользнули по мне взглядом, зато заинтересовались моей спутницей.

– Куда торопишься, красotka? – ухмыльнулся рыжеволосый парень, преградив путь.

– Я бы с удовольствием с тобой поболтала, но приемная комиссия уже начала работу. Будет неловко, если я опоздаю и укажу на тебя в качестве причины, – дерзко ответила девушка.

– Оставь их, Бжижек, – встрял второй юноша, статный широкоплечий брюнет. Если бы не высокомерное выражение лица, его можно было бы назвать красавчиком.

Рыжеволосый Бжижек недовольно покосился на нас и активировал механизм. Железная арка-рамка замерцала.

– Твоя правда, Джер, может, эта дуреха еще и не поступит, а я на нее свое драгоценное время трачу.

– О чем ты говоришь? Конечно, не поступит! – высокомерно хмыкнул брюнет. – Да и нужно сперва магическую рамку пройти! Вдруг у этих новеньких нет магии – тогда сразу на выход.

Моя новая подруга фыркнула и смело шагнула вперед. Арка вспыхнула серебристым и загудела, явно подтверждая высокий магический резерв гостыи.

– Быстрее, мы опаздываем! – обернулась ко мне девушка.

Задержав дыхание, я тоже шагнула в арку, которая вяло мигнула и жалобно пискнула.

– Темная Нада! И такие, как эта пампушка, надеются поступить! – закатил глаза рыжеволосый.

Его собеседник лишь скривил губы в улыбке, а я не выдержала:

– Я обязательно поступлю на престижный целительский факультет!

– Мечтать не вредно, – огрызнулся рыжий Бжижек.

– Обязательно поступим! – поддержала меня новая знакомая и хитро улыбнулась: – Только потом не удивляйся, если за ужином вместе с котлетой ты проглотить чихательный порошок или на носу вырастет уродливая бородавка!

– Да вы... Между прочим, на территории академии магичить вне уроков запрещено! – надул щеки рыжий, а темноволосый выкрикнул что-то нам вслед.

Но мы их не слышали, а побежали в главный корпус.

Судя по тому, как ветер с силой захлопнул за нами дверь, парни оказались стихийниками. Ну и пусть. Врагов бояться – в академию не ходить!

Дежуривший на входе еще один студент уточнил, куда мы идем. Выслушав объяснения, указал на одну из дверей. Мы пересекли круглый холл, а я про себя отметила, что внутри помещение выглядит гораздо лучше, чем снаружи. Пол был выложен разноцветной мозаикой, стены из приятного нежно-розового мрамора радовали глаз, а цветные витражи напоминали о прежних эпохах.

– Значит, ты тоже на целительский поступаешь? – спросила я у спутницы.

– А куда еще? На факультете магической механики мест уже нет, а на некромагический принимают только темных магов и парней. Да мне и нужен целительский, жаль, я в зельях не сильна, – честно призналась собеседница.

– Зачем же ты идешь на целительский, раз в зельях не сильна? – удивилась я.

– Надо! – резко ответила брюнетка и открыла дверь.

Я была не из робкого десятка, но сейчас, войдя в аудиторию, ступевалась. В комнате собралось полно девиц, среди которых, разумеется, были магессы с сильным магическим даром, желающие поступить на престижный целительский факультет.

За столом восседала приемная комиссия: трое мужчин в разноцветных мантиях. Худой магистр с взъерошенными волосами в шоколадной шелковой накидке недовольно проворчал:

– Еще две! Какой ужас!

– И прекрасно, – улыбнулся седовласый мужчина в мантии благородного зеленого цвета. – Настоящий цветник!

– Не стойте у входа, занимайте места! – крикнул третий экзаменатор, старик с длинной бородой, и указал нам скрюченным пальцем на свободные кресла в третьем ряду.

– Это декан факультета провидцев, – шепотом пояснила подруга, кивнув в сторону старика. – Тот высокий в коричневой мантии – декан факультета механики. Вредный до ужаса, в этом году так никого из девчонок и не выбрал, а в прошлом лишь одну студентку взял.

– А в зеленом балахоне кто? – поинтересовалась я, пробираясь между рядами.

– Лер Матеуш, бывший ректор академии и декан целительского факультета. Тот, кто нам нужен!

– Нельзя ли потише? – цыкнула на нас тощая девица в огромных очках и с мышинным хвостиком, одетая в унылое бесформенное платье с высоким воротом. Она обложилась книгами и тетрадями, явно готовясь к вопросам.

Остальные девушки тоже недовольно на нас покосились, хотя некоторые разглядывали с интересом.

– Кстати, я Вилария Войта. Можно просто Вилка, – наконец представилась новая подруга, когда мы заняли свободные кресла.

– Я Элиска Кош... Комарек, – запнулась я. – Друзья зовут меня Лиской.

– Вот и познакомились. А теперь давай повторим определения и рецептуры, а то у меня с этим плохо, – вздохнула Вилка и достала из сумки толстенную тетрадь. – Говорят, ректор – тот еще злыдень!

– Строгий? – уточнила я, вспомнив, что ректор академии по совместительству приходится мне женихом. Правда, он еще пока не в курсе, что его благоверная поступает. Вот и посмотрю на него.

– Строгий? – усмехнулась подруга. – Вредный и высокомерный! Ну а что ты хочешь – светлый маг высшей категории, магистр бытовой и правовой магии, старший советник наместника Протумбрии. Год назад возглавил академию, когда лер Матеуш собрался на пенсию, и сразу принялся вводить новые порядки. Некоторые дурехи сохнут по новому ректору, но я-то знаю, что он за тип...

Вилка не договорила, потому что в этот момент в комнату зашел высокий, худощавый, но широкоплечий мужчина лет тридцати. Вилария закатила глаза, а собравшиеся девицы восторженно заохали. Это и понятно: незнакомец был красив, как светлый бог Эвзен.

Белоснежные волосы аккуратно собраны на затылке, профиль словно высечен из камня, на чувственных губах играла легкая улыбка, а уверенный взгляд выдавал знающего себе цену мужчину. На нем была мантия, напомнившая мне растение кардоус козлевичус, в том смысле что такого же насыщенно-лилового цвета. И этот цвет прекрасно подходил к фиалковым глазам. Вообще-то я не слишком жаловала сильный пол и никогда раньше не восхищалась мужской красотой, а уж тем более не замечала за собой учащенного сердцебиения или затрудненного дыхания при виде незнакомцев. Сейчас же поддалась общему очарованию и следила за каждым движением красавца. Повезет же кому-то...

– Ректор Тори, будущие адептки к собеседованию готовы. Ждем только вас, – произнес декан целительского факультета, а я вжалась в сиденье и начала медленно сползать вниз.

Так вот ты какой – ректор Провинциальной магической академии и по совместительству мой жених Амадор Тори!

И вовсе он не старый, как предполагала Валежка, а мужчина в самом расцвете сил. И не глупый, раз ректором работает. А что к оккультисту Страшневицкому за выбором невесты обратился, так в этом особая мудрость проглядывается. Значит, не выбирает спутницу жизни по внешности, а ищет другие достоинства. И я готова их продемонстрировать! Ум, знания и опыт... в аптекарском деле. Ректор будет гордиться невестой – будущей адепткой академии. Замечтавшись, я как-то не заметила, что большинство девиц уже прошли отбор и сейчас многие из них утирали слезы, а кто-то даже тихо подвывал.

– А что случилось-то? Чего они плачут? – поинтересовалась у Виларии. – От счастья, что прошли отбор?

– Угу. От счастья, что больше не увидят ректора, – злорадно хмыкнула Вилка. – Меня, конечно, предупреждали, что он противник прогресса, полагающий, что место женщины – на коврике возле ног мужа. Но не до такой же степени! Ты слышала, как грубо он разговаривал с той рыженькой? А какие замечания отпускал относительно умственных способностей и внешности той светловолосой скромняги?

– И что он ей сказал? – напряглась я.

Поведение красавца-ректора как-то не вязалось с его благородным образом.

– Сказал, что в человеке все должно быть прекрасно: и ум, и уровень магии, и внешность. Она же не проходит ни по одному параметру.

– Не может быть, – пролепетала я, поправляя парик.

Чую, зря затеяла изменения с внешностью. Пока не поздно, нужно хотя бы снять уродливые лохмы и стереть с губ розовую помаду, которую подарила Валежка.

Пока очередная девушка отвечала на вопросы, я решила быстренько пробраться в дамскую комнату. Пригнувшись, направилась к выходу. Но когда цель, то есть дверь, была уже близко, что-то пошло не так. Девушка, державшая ответ перед комиссией, с рыданиями подскочила с места и ринулась в мою сторону. Оттолкнув меня от двери, она выскочила из аудитории, а я, пошатнувшись, отступила назад, к столу, за которым восседали преподаватели. Зацепившись ногой за стул, неловко упала на колени, а сумочка раскрылась, демонстрируя содержимое.

– Что за представление вы нам устроили?! Пересядьте, и желательно на стул! – услышала раздраженный голос Амадора Тори. Надо сказать, красивый такой голос, низкий, с бархатными нотками. – У нас, конечно, монархия, но даже правитель не требует, чтобы перед ним падали ниц. А я всего лишь ректор академии.

– Не скромничайте, лер Тори, – усмехнулся декан факультета механики. – Все девицы перед вами стелются. В переносном смысле, конечно. Но эта, видимо, решила отличиться в буквальном.

Сгорая от стыда, я поднялась. Подобрав с пола сумочку, села на стул, стараясь не смотреть на главу академии.

– Если девушка думает, что таким образом меня разжалобит, она сильно ошибается, – с раздражением проговорил лер Тори. – И как она собирается работать целителем? Все порошки рассыплет или прольет микстуру на больного!

– Ну-ну, Амадор, ты слишком строг к юной лире, – вмешался декан целительского факультета. – Прошу вас, дорогая, передайте нам документы и приложите ладонь к прибору, чтобы подтвердить магический уровень. Пора начать экзамен.

Я с благодарностью посмотрела на декана Матеуша и протянула документы. А глава факультета механики придвинул ко мне круглый ящик с выемкой для ладони.

– Наша новая разработка, – гордо произнес декан. – Одна из моих адепток придумала.

– Единственная ваша адептка, по совместительству жена моего лучшего друга, – буркнул под нос ректор, а затем забрал у лера Матеуша мою метрику и прочитал: – Элиска Комарек из Ликарнии. Что ж, лира Комарек, поторопитесь.

Я робко коснулась прибора, раздался писк, а на панели высветилась надпись: «Светлый маг, первый магический уровень». Хорошо хоть возраст не додумались определять, иначе обман с документами раскрылся бы немедленно. Тем временем ректор Тори взгляделся в портрет тетушки, покосился на меня и нахмурился. Неужели раскусил?

– М-да, негусто, – тяжело вздохнул он. – Сидели бы дома с таким уровнем магии, подумали о замужестве. А вы в академию рветесь!

На помощь вновь пришел декан целительского факультета:

– Возможно, будущая студентка удивит нас знаниями.

– Проверим! Приступим к устному опросу, – согласился ректор и тут же приступил: – Что такое систематика и классификация растений?

– Сисм... Клафсф... – запнулась я.

Только зря посмотрела на ректора. Куда-то подевались и моя решительность и красноречие. А я ведь готовилась и знала ответ на заданный вопрос, но, словно загнанный зверек, тряслась под взглядом хищника и любовалась его красотой, губительной и опасной.

Губы ректора Тори скривились в невообразимо привлекательной и коварной усмешке:

– Не вижу смысла дальше продолжать.

– Возможно, девушка растерялась. С кем не бывает, – вновь поддержал меня лер Матеуш. – Дорогуша, на какую специализацию вы хотели попасть: общую лекарскую, зельеварение или хирургическое врачевание?

О специализации я как-то не подумала, но ближе всего мне было зельеварение.

– 3-3-3... – произнесла я, но голос задрожал, и вместо ответа вышло жужжание.

– Очередная ваша поклонница, лер Тори, потеряла дар речи, – хмыкнул декан факультета механики. Он явно лебезил перед ректором, пытаясь угадать его настроение. – Как и большинство, приехала покорять не академию, а вас.

– Жениться вам надо, Амадор. Тогда на экзамены придут лишь те, кто действительно хочет учиться, – встрял в беседу четвертый участник комиссии, старик-провидец. Он вдруг вперился в меня остекленевшим взглядом, замер, а затем протянул нараспев: – Ночь, улица, фонарь, аптека... Аптеки! Кошмар!

– Ну началось, – закатил глаза «механик». – Прекращайте ваши фокусы, профессор. Мы все верим, что провидческий дар все еще с вами.

– Кошмар! – не сдавался старикашка и указал на меня. А затем вновь вздрогнул, моргнул и улыбнулся, словно не он сейчас хрипел и кричал. – О чем это я?

– О том, что нынешние абитуриентки – сплошь головная боль и ночной кошмар, – усмехнулся Амадор Тори. – И я полностью с этим согласен.

– Ах да, вспомнил! – вскрикнул декан провидческого факультета. – Вы говорили про свадьбу. Когда?

– Следующим летом, – ответил ректор, а преподаватели одобрительно закивали и принялись обмениваться репликами, поздравляя коллегу.

Похоже, члены комиссии позабыли не только обо мне, но и о как минимум тридцати абитуриентках, которые притихли и внимательно прислушивались к беседе.

Декан Матеуш поинтересовался, чем занимается невеста, и в зале наступила гробовая тишина.

– Выбирал мой отец, брак договорной. Девушка сейчас обучается в магическом пансионе.

– Хорошенькая? – оживился старик-провидец.

Правда, в его провидческих способностях я, как и декан факультета механики, сильно сомневалась. Но это к лучшему, иначе старикашка сразу бы меня раскусил.

– Понятия не имею, – пожал плечами лер Тори. – Видел только портрет. Обычная.

Я едва не возмутилась вслух. Что значит «обычная»? Я обладаю деловой хваткой, хорошо разбираюсь в омолаживающих настойках, а какой у меня характер! Внешность – не главное. Но я и не уродина, просто не такая яркая красавица, как сестра.

– В жене главное не внешность, – продолжил Амадор Тори, и я немного успокоилась. Значит, не такой уж он циничный. Просто ценит другие качества.

– А что же? – хором спросили мужчины, а абитуриентки вторили им эхом.

– Хорошее воспитание, чистокровная магия, аристократические корни и покладистый характер. Главная задача жены – подарить наследника и следить за домом. Впрочем, вы, как глубоко женатые люди, должны это понимать.

Деканы согласились, я же шумно выдохнула, не сдержав волнения. Мой жених словно говорил о породистом домашнем питомце, а не о спутнице жизни.

Ректор перевел на меня удивленный взгляд:

– Вы все еще здесь, лира Комар?

– Я Комарек, – пропищала в ответ.

Голос от волнения сел, да и руки тряслись, но уже не от страха, а от злости. Так и хотелось перегнуться через стол, сжать пальцы на ректорской шее и...

– Не важно. Вы провалили устный экзамен, поэтому не вижу смысла продолжать, – огласил приговор лер Тори.

Я расслышала, как часть девиц за спиной радостно захихикала. Но другая часть сочувственно охнула.

– Возможно, она справится с письменным заданием? – Декан Матеуш по-отечески мне улыбнулся и протянул лист: – Ответьте, пожалуйста, на эти вопросы.

Я взяла ручку и уткнулась в вопросник. Сейчас, когда не смотрела на ректора и не слышала его насмешливого голоса, стало легче. Взяла себя в руки и на все вопросы ответила быстро, а кое-где приписала дополнительные характеристики. Закончив, передала лист декану.

– Вот видите, она справилась! – довольно произнес лер Матеуш, демонстрируя ректору ответы. – Великолепное знание свойств растений. Вам, дорогуша, непременно нужно на зельеварение. Я бы предложил...

– Я против! – неожиданно возразил Амадор Тори. – Как она будет общаться с пациентами, если двух слов связать не может?

– А давайте ее... – Декан Матеуш прищурился и, склонившись к ректору, зашептал. Но кое-что я расслышала: – Новое... резервное отделение... с общением там легче...

Я приободрилась. Неужели мне предложат поступить на элитный курс для одаренных студентов? Но тут же расстроилась, услышав вопрос главы академии:

– Это куда вы определили тех оболтусов-второгодников?

– Ребятам надо дать шанс... вот увидите, они еще себя проявят... – убедительно произнес декан.

– Обсудим позже, а пока осталось еще несколько претенденток, хотелось бы уже с ними покончить. В смысле завершить экзамен. – Амадор Тори скользнул по мне равнодушным взглядом и уставшим голосом произнес: – Лира Комарек, вы свободны. Ждите объявления результатов.

Я послушно кивнула, так и не поняв, прошла отбор или нет. На негнущихся ногах поплелась на свое место, а ректор уже выкрикивал: «Следующая!»

На экзекуцию теперь отправилась Вилария, и я пожелала ей удачи. Но наблюдать за тем, как новая подруга сдает экзамен, была не в силах. Едва сдерживала слезы, вспоминая то унижение, через которое пришлось пройти, и то, как позорно растерялась. Значит, по мнению лера Тори, жена только и способна что рожать наследников и следить за домом? Но как же учеба? Любимое дело? А любовь?!

Ну уж нет! Я буду учиться, чего бы мне это ни стоило, и стану лучшей на курсе! Всклипнув, как и большинство девиц в комнате, вновь посмотрела на жениха. В белоснежных волосах играли солнечные блики, светлая кожа будто сияла. Но теперь ректор не казался мне таким уж привлекательным. Вроде бы нос у него длинноват, а губы слишком узкие. И глаза не фиалковые, а цвета увядшего дракункулюса – серо-буро-малиновые! А эта высокомерная улыбка... Она такая... Шмыгнула носом и отвернулась. Кого я обманываю? Просто моему жениху досталась внешность бога Эвзена и нутро аморфофаллуса, или, как его называют в народе, тухлого цветка. Тут уж ничего не изменишь, придется, как обычно, сбежать из-под венца.

От размышлений отвлекли громкие голоса: ректор о чем-то спорил с Виларией, а декан Матеуш, как и в моем случае, защищал абитуриентку.

– Как можно при таком высоком магическом уровне быть бездарем? Вы ничего не знаете!

– Так, может, для этого я и поступаю, чтобы меня научили! – с вызовом парировала Вилка.

Я восхищалась новой подругой. Нет, я никогда не была забитой, но чтобы так дерзко с кем-то разговаривать – смелости не хватало. Вот и отцу научилась не перечить, во всем соглашалась, а тайком делала по-своему.

– Амадор, сам подумай, у девочки седьмой магический уровень. Из всех абитуриенток только у лиры Беде подобный! Это удача для нашей академии – заполучить таких сильных магов. Может, возьмем Виларию Войту на резервный и в этом году откроем новое отделение?

– Только под вашу личную ответственность, лер Матеуш, – нехотя кивнул ректор. – Но если опыт окажется неудачным, после первого семестра всех выгоню!

Оставив последнее слово за собой, Амадор Тори попросил присутствующих покинуть помещение и дать комиссии время для принятия решения. Ну как попросил – рявкнул так, что всех словно ветром сдуло. И теперь толпа девиц сгрудилась возле двери в коридоре, пытаясь подслушать и выяснить, о чем говорят преподаватели. Вилка же потянула меня в сторону, выдала слуховую трубку, себе достала такую же, прижала один конец к уху, другой – к стене, а я повторила за ней. Слышимость была чудесная, я даже различила храп профессора-провидца!

– Обе девочки с характером, и это хорошо. При работе с эмже им это пригодится, – раздался голос декана Матеуша.

– Вот именно что с характером! – возмутился ректор. – А студентки должны быть скромными и не перечить. Да и как они будут учиться? У одной высокий магический уровень, но нет знаний, а у другой магии почти ноль и толком выразить мысли не может, разве что в травах разбирается.

– Это судьба! – выкрикнул старик-провидец, проснувшись, и забормотал: – Ночь, улица, фонарь, кошмарь...

– Хорошо-хорошо, под вашу личную ответственность, декан Матеуш! – поторопился произнести Амадор Тори, перебивая провидца. – Но чувствую, что это ваше новое отделение доставит нам немало хлопот.

– Да что может пойти не так? Всего-то восемь адептов, а не тридцать, как на остальных отделениях. Зато мы получим преимущество перед столичной академией, у них нет подобного направления.

– А кто будет куратором нового отделения? Магистр зельеварения Болек? – поинтересовался декан факультета механики.

– Нет-нет, в кураторы мы пригласим лера Дуба, моего давнишнего приятеля, бывшего вояку, – подсказал лер Матеуш.

– А опыт преподавания у лера Дуба имеется? – въедливо уточнил ректор Тори.

– Как не быть? В свое время он преподавал в военной школе, – подтвердил декан Матеуш и пробормотал: – Лет двадцать назад.

– Хорошо, открываем резерв, ваши протеже будут зачислены на экспериментальное эмже-отделение. Но до первой сессии. А теперь пригласите абитуриентов в зал. Объявим результат.

Мы с Виларией отпрянули от стены, потому что дверь открылась и всех девушек попросили вновь зайти в аудиторию.

– Думаешь, речь шла о нас? – прошептала Вилка.

– Надеюсь, – кивнула я, заходя в зал. – Только что такое эмже?

– Ты же слышала – новое отделение для особенных студентов. Да какая разница! – отмахнулась новая подруга. – Главное, прорваться на целительский факультет, а там разберемся.

Она явно была довольна, что у нас появился шанс поступить в академию. Весь вопрос лишь в том, во что мы влипли и как глубоко.

Я так разнервничалась, что речь ректора Тори пропустила мимо ушей. Лишь когда глава академии принялся перечислять фамилии поступивших, я напряглась, не услышав среди них ни Комарек, ни Войту.

– Поздравляю новых адептов нашей академии: лиру Агнешку, лиру Вуйчик и лиру Беде! – тем временем распинался ректор. – Они с успехом выдержали экзамен и зачислены на престижный целительский факультет, отделение зельеварения и отделение общего врачевания.

Среди подошедших к декану Матеушу девиц я узнала серую мышь в очках и с хвостиком. Ни секунды не сомневалась, что она пройдет.

– Особенно хотелось бы отметить Ханку Беде, – указал на очкастую ректор Тори. – Именно такой должна быть адептка нашей академии. Умная, приятная в общении, с высоким магическим потенциалом. Скромная и аккуратная. Но многие об этом забывают. У некоторых так раскрашены лица, что хочется умыть. Или птичье гнездо на голове. Это недопустимо.

Почему-то при словах о птичьем гнезде лер Тори покосился на меня. Не спорю, парик оказался неудачным, но у каждого свои недостатки, зачем же на них указывать прилюдно? Вот у самого ректора характер противный, но я же об этом молчу.

– Что ж, еще раз поздравляю адептов, остальным желаю за год определиться с тем, насколько сильна ваша тяга к знаниям. И милости просим на экзамены, которые состоятся в следующем году.

Раздались всхлипы и возмущенные возгласы не прошедших отбор девиц, а декан Матеуш прокашлялся и многозначительно посмотрел на ректора.

– Ах да, чуть не забыл. В этом году мы открываем еще одно отделение на целительском факультете. По личной просьбе декана на него зачислены Элиска Комар и Вилария Войта.

– Комарек, – поправила я.

Но ректор уже не слышал. Не желая отвечать на вопросы, он, коротко попрощавшись, устремился на выход.

– Мы поступили, Лиска! – подмигнула мне новая подруга. – Значит, все наши мучения не напрасны!

– Да, – согласилась я и в числе пятерых счастливиц направилась за деканом в приемную подписывать договор с академией.

Правда, как оформляла документы и прощалась с Вилкой, толком не помню. От радости и пережитого стресса кружилась голова. Словно в тумане добралась до Будежа, где на станции меня ожидал тетушкин водитель.

Вернулась домой, как и обещала, после полудня, но к беседам с родственницей была не готова. Да и она, похоже, не жаждала увидеть племянницу. Тетя Лижбет закрылась в гостиной и попросила Марту ее не беспокоить: в гостях у родственницы вновь находился лер

Гульфрик. Это и к лучшему, мне нужно прийти в себя и придумать, что соврать, ведь учеба будет занимать большую часть дня. И хорошо бы решить, как вести себя с Амадором Тори: держаться от него подальше или сразу признаться, что я его невеста. Вдруг он отменит помолвку, и не нужно будет ждать целый год. Очевидно же, что моя Элиска Комарек ему не понравилась. С другой стороны, обо всем сразу же узнает папенька и запретит мне учиться в академии, а Валежку отзовет из пансиона. Нет-нет, нужно пока молчать и посещать занятия под именем адептки Комарек. Вот стану лучшей на курсе, тогда и раскрою правду!

А еще неплохо бы прикупить модные наряды, все девицы так ярко и необычно одеты. Да и замечание ректора Тори задело. Нет, я по-прежнему считала, что красит женщину не внешность, а ее душа, характер, ум. Ну и еще осветляющее зелье, которое завтра же приготовлю и наконец избавлюсь от жуткого парика.

И все же нервничать меня заставляло не разочарование в женихе-ректоре и не возможные последствия обмана. От переживаний я совершенно забыла уточнить у декана, что это за эмже-отделение, на которое нас зачислили.

Ох, чую, влипла я в очередную историю!

Глава 4

Ничто так не красит девушку, как натуральный краситель с заклинанием «охмурился»

Утром я колдовала над алхимическим раствором, благо и горелку и колбы прихватила с собой. Решила обойтись без радикальных мер, ибо ни опыта, ни условий для полноценного окрашивания не было. Поэтому сделала настойку для приема внутрь – мое новейшее изобретение, пользующееся популярностью в «Кошмарековых зельях». Средство на несколько оттенков осветляло волосы, делало светлее кожу, а эффект держался в течение месяца.

Через полчаса я посмотрела на себя в зеркало и была приятно удивлена результатом. То ли переборщила с дозировкой, то ли положила чуть больше, чем следует, лимонника и экстракта белянки, но мои невзрачные темно-русые волосы приобрели приятный жемчужный цвет. Конечно, до белоснежных прядей сестры было далеко, но оттенок мне очень шел и неожиданно сделал хорошенькой. И это гораздо лучше, чем тот желто-соломенный взъерошенный парик.

И почему мысль осветлить волосы, да и в целом улучшить внешность, не приходила мне в голову раньше? Ведь красители, омолаживающие крема и магические примочки – мой конек! Вероятно, потому, что папенька ежедневно повторял, что Валежка – красавица в матушку, а нас с ним природа внешностью обделила, и тут уж ничего не поделать. А если еще похудеть и избавиться от толстых щек, в талии немного уменьшиться, а особенно в бедрах... Нет, с этим точно не выйдет – у меня же кость широкая.

Надев серое бесформенное платье в пол и привычно стянув на затылке в пучок не слишком длинные, но пышные волосы, я взяла брошюры и отправилась к тетушке, чтобы доложить о поездке в Жижу. Но обнаружила родственницу не в спальне, а в столовой – в ярком наряде, глупо хихикающую в окружении двух почтенных старцев. В глазу у тетушки весело поблескивал монокль в золотистой оправе.

– Валюшка? – неприятно удивилась тетя, заметив меня на пороге.

– Валежка, – поправила я родственницу.

– Я так и сказала! – огрызнулась она и нахмурилась: – Я полагала, ты еще спишь. Адам писал, что младшенькая раньше полудня не встает. Что ж, отправляйся на кухню, Марта тебя покормит.

– Жу-Жу, не будь так строга с девочкой, пусть позавтракает с нами, – предложил уже знакомый седовласый лер Гульфрик.

Мужчина подскочил ко мне, поцеловал ручку и подвел к столу.

Тетя натужно улыбнулась и кивком позволила остаться. Я же не могла скрыть изумления. Еще вчера она лежала, кряхтя и жалуясь на недомогание, а сегодня принимает гостей. Да и выглядела тетя превосходно. Рыжие кудри с чуть проступающей сединой обрамляли круглое, гладкое лицо. Уж не этот ли краситель для волос тетя просила приготовить для помощницы Марты? Судя по тому, что у экономки волосы светлые, красящую в рыжий цвет настойку тетя прибрала к рукам. Как и выравнивающий кожу крем «Молодильные яблоки», который тоже в свое время высылался для Марты.

– Я смотрю, вам гораздо лучше, тетушка Лижбет, а ведь еще вчера вы едва дышали, – не удержалась от едкого замечания.

Чувствую, кто-то долго дурил голову родственникам, прикидываясь немощной старушкой и выжимая немалые деньги «на лечение».

– Да и ты преобразилась, – заметила тетя, пристально рассматривая меня. – Вчера у тебя на голове был стог сена, а сейчас такой приятный оттенок. И цвет лица улучшился. Местный климат явно пошел тебе на пользу. Осталось заняться твоей фигурой.

Тетя коварно улыбнулась и отодвинула от меня блюдо с пирогом.

– Не нужно так выгибаться, – запротестовала я, ухватив кусок с тарелки, и напомнила ей: – А то у вас радикулит!

– Радикулит? У тебя, Жу-Жу? – не к месту вмешался лер Гульфрик. – Да ты еще дашь фору молодым! Помнишь, как мы на прошлой неделе отплясы...

– Не думаю, что моей племяннице это интересно, – насупилась тетя, перебив поклонника.

– Ну почему же, я бы с удовольствием послушала про танцы.

– Ай! Ой! – вдруг вскрикнула тетушка. – Слева кольнуло! Кажется, аппендикс разыгрался. Мне нужно прилечь!

Мужчины вскочили с мест, подхватили даму под руки и повели к креслу. Лысый господин заботливо накрыл ноги тетушки пледом, седовласый подложил подушку под голову.

– Аппендикс справа и ниже, – подсказала я, видя, как тетя приложила руку к левому боку.

– Да откуда ты знаешь? – буркнула старушка. – Это Элиска у нас зельевар и лекарь, а ты разве что в нарядах разбираешься. – Тетушка окинула меня недовольным взглядом, забыв на минуту о болезни: – Но я в этом сильно сомневаюсь. Я бы даже на свои похороны не надела этот жуткий бесформенный балахон. Вот отлежусь и займусь твоим гардеробом. Кстати, что там с курсами кройки и шитья?

Тетушка уже удобно устроилась в кресле – «аппендикс» явно отпустил. Кавалеры подали ей чай с пирожными и расположились на диване. И все трое уставились на меня. Не завтрак, а какой-то допрос с пристрастием.

– Нашла хорошую школу в Жиже... – начала я рассказ и добавила: – Но расписание очень насыщенное, занятия с утра до вечера.

– Так это ж прекрасно! – обрадовалась старушка. – В том смысле, что ты не будешь без дела слоняться по модным магазинам, а займешься... Чем, кстати, ты там еще займешься, кроме шитья?

Я протянула расписание занятий, и тетя, вьедливо изучив список через монокль, принялась бормотать:

– Это тебе ни к чему – грядок и огородов в столице нет. Подводное плетение корзинок тоже не пригодится... А вот курсы по освоению заклинаний «охмурились» и «одурились» – то, что надо! Еще запишись на «Модный приговор», хотя приговорить я и сама могу... точнее, выбрать тебе приличное платье. И обязательно пройди курс лекций «Как привлечь богатого мужчину за десять дней». Все записи потом принесешь мне. На проверку.

– Жу-Жу, не слишком ли много занятий для девочки? – робко поинтересовался лысый поклонник.

– В самый раз! Ты же видишь, с чем предстоит работать! – Тетушка нахмурилась, глядя на меня, и тяжело вздохнула: – Не думала, что воспитывать внучатую племянницу так тяжело. Все нужно лично контролировать, проверять, изучать!

– Жу-Жу, ты сможешь, я верю в тебя! – подбодрил даму сердца лер Гульфрик.

– А не лучше ли найти школу ближе к дому? Уверен, и в Будеже есть все эти приговоры с охмурилисьми, – вновь встрял второй гость.

– Есть, но не такие, как в Протумбрии! – возразила тетя Лижбет.

Ей явно понравилась идея держать меня подальше от дома, что полностью входило и в мои планы.

– Совершенно верно, таких курсов в Будеже нет, – поддержала я родственницу.

Тетя впервые за все это время одарила меня искренней улыбкой:

– Ох, совсем маразма замучила, забыла тебе представить лера Сигизмунда, старинного приятеля моего мужа. – И тетушка кокетливо посмотрела на пожилого мужчину с лысым черепом.

– У тебя, Лижбет, нет никакой маразмы, одна сплошная харизма, – польстил дамский угодник, а тетушка разомлела и изящным жестом поправила кудри.

Но, перехватив мой удивленный взгляд, родственница строго произнесла:

– Валюшка, иди-ка ты в свою комнату и займись уборкой.

– Но как же завтрак? – возмутилась я.

Ведь, помимо пирога, на столе были блинчики и пудинг!

– Завтрак ты уже съела, нужно следить за фигурой. А то с такими габаритами удачный брак тебе явно не светит.

Тетя даже не представляла, насколько она права. Удачный брак с выбранным папенькой женихом мне точно не светит.

Я пожелала родственнице и ее гостям приятного аппетита и покинула комнату, расслышав, как тетушка жалуется поклонникам:

– Адам просил сделать из младшей дочери экономную и хорошо упитанную... в смысле воспитанную лиру. Непосильный труд! Но я справлюсь, чего бы мне это ни стоило!

Я вздохнула, представив, чего это будет стоить мне, но решила не пререкаться. Что ж, если тетя не станет лезть в мою жизнь и позволит посещать «курсы» в Жиже, то и я сохраню кое-какие ее проделки в тайне от папеньки.

Два последующих дня тетушка сказывалась больной, ее на самом деле прихватил радикулит. Периодически я заглядывала к ней в

спальню, приносила чай и справлялась о здоровье, а Марта готовила мази и примочки по моим рецептам. То есть по тем, что я присылала в письмах.

А сегодня утром я получила письмо от сестры. Намеками Валежка сообщала, что заселение в пансион прошло благополучно, то есть подмену никто не заметил. Радовалась, что ей предоставили отдельную комнату, значит, она какое-то время сможет беспрепятственно подкладывать подушки под платье, пока «не похудеет». Конечно же сестра жаловалась, что с таким «весом» ей очень неудобно заниматься танцами и музыкой, поэтому решила заняться фигурой, а еще перекрасить темный цвет волос в светлый. Сокурсницы, с которыми она уже успела подружиться, ее планы одобрили. Из всего этого я поняла, что вскоре начнется стремительное преобразование неуклюжей, невзрачной Элиски в стройную блондинистую красавицу, какой и была от природы Валежка. Эх, ну почему нельзя продержаться всего лишь год? К чему ей понадобилось это преобразование? Не иначе как в пансионе она заприметила привлекательного мужчину. То-то сестра уже три раза упоминала о волшебных уроках танцев, которые я, к слову, терпеть не могла.

Написав сестрице в ответ, чтобы не слишком усердствовала, я принялась строчить послание папеньке, сообщив, что подыскала курсы домоводства, а тетушка их одобрила. Для правдоподобия поплакалась, как страдаю без магазинов и привычной толпы ухажеров, но приписала, что с таким насыщенным расписанием мне пока не до них.

И вроде бы все складывалось удачно, но к вечеру тетя Лижбет ожила. Под напором мазей и притирок радикулит позорно отступил, и родственница каким-то образом забралась по лестнице на чердак в мою комнату, чтобы лично заняться подбором приличного гардероба. Все мои наряды она отвергла и вручила свое новое платье ядовито-лимонного цвета, которое ей оказалось велико. Тетя настояла, чтобы Марта сделала мне такие же кудряшки, как у нее, в итоге в академию я отправилась «нарядная», похожая на кремовый торт с завитушками.

— Я берегла этот наряд для Элиски, моей любимицы. Недаром девочку назвали в мою честь. Но так уж и быть, подарю платье тебе, — смахнула скупую слезу старушка, провожая меня у порога.

– Так, может, не надо? Сохраните такую красоту для сестрицы, а я уж как-нибудь своим обойдусь, – с надеждой в голосе предложила я, пытаюсь вернуться домой.

– Мне для тебя ничего не жалко, Валюшка! Учись на отлично и обязательно освой заклинание «охмурились», мне оно очень пригодится! – И тетушка, перекрыв вход в дом, подтолкнула меня к калитке.

Хорошо хоть родственница не последовала за мной на станцию в Жижу, иначе как ей объяснить, что я отправилась прямым в Провинциальную академию, а не на курсы мадам Эндрю? Туда я тоже заскочу, но позже. Пока же я встретила с Виларией на вокзале, пересела в желтую «букашку», и чуть позже, с толпой студентов, мы штурмовали ворота академии. При входе проверили наши документы и, найдя в списке, передали ключ-брелок.

В библиотеке мы с новой подругой получили учебники и мантии какой-то неприятной расцветки. Вылитый лох колючий болотный. Да и чувствовала я себя в этой мантии так же. У остальных студентов целительского факультета балахоны были приятных оттенков: изумрудного, цвета летней травы и благородного темно-зеленого, как у монстеры. И эту разницу между лохом и монстерой я почувствовала сразу, как только нас окружила толпа первокурсниц с отделения зельеварения.

– Ой, кто это у нас здесь? Неудачницы, которых пожалели и приняли на резервное эмже-отделение? – Во главе компании стояла знакомая нам по отбору Ханка Беде, правда, всего за несколько дней девица изменилась до неузнаваемости. – Это что же за эмже? Магическая жо... О-о... жаба! Или магический жир? В самый раз для толстушки в нелепом платье!

Девушки противно захихикали, а я вновь отметила волшебное преобразование прежде замухрыистой девицы-очкарика. Нет, очки были на месте, только оправа теперь не уродливо-черная, а изумрудно-перламутровая.

– Адептка в беде? В смысле Беде? – не растерялась Вилка и гордо накинута на плечи болотного цвета балахон. – Смотрю, ты наконец помыла голову? Так гораздо лучше.

Я тоже обратила внимание, что мышиный хвостик странным образом преобразился в копну волнистых волос медового оттенка. Да и

губы стали ярче. Кажется, не я одна применила на экзамене маскировку. Только вот у адепки Беде это получилось гораздо лучше.

Пока Ханка раздувала щеки, пытаясь придумать достойный ответ, Вилка уже потянула меня к выходу. Я поспешно запахнула на груди полы мантии, стараясь скрыть тетушкино платье. Но все же услышала, как девицы обсуждают мой наряд. Эх, жаль, здесь не выдают шапочки, чтобы прикрыть мелкие кудряшки.

– И все же куда мы поступили? Что это за эмже-отделение? – спросила я у Вилки, пока пробирались с ней в зал для церемоний. – Неужто магия жизни?

– Угу, или магическая жила, – хмыкнула в ответ Вилария. – Или жуткие магические формулы. Недолго мучиться, Лиска, сейчас все узнаем!

Мы вошли в огромный зал со стрельчатыми окнами и колоннами. Яркий солнечный свет заливал помещение, играя бликами на светлом мраморном полу и таких же стенах. Тяжелые люстры свисали с высокого потолка на медных цепях, но магические кристаллы сейчас не горели, в них лишь яркими пятнышками плясали солнечные зайчики. На постаментах возвышались величественные статуи почитаемых в королевстве богов – светлого Эвзена и его супруги темной Нады. На стенах были развешаны портреты прежних и нынешних правителей Альмерии и Протумбрии, некогда двух независимых королевств, а теперь одной страны – Альмерии, названной в честь центрального региона.

Все взоры девиц были прикованы к портрету наместника Протумбрии принцу Кристиану – темноволосому привлекательному молодому мужчине с застенчивой улыбкой. Ходили слухи, что в прошлом году произошла чудовищная трагедия. Что случилось, никто толком не знал. Говорили, вроде бы избранница наместника, лира Красимирка, подтасовала результаты отбора и обманом пролезла в невесты, а всех, кто мешал, лишала памяти с помощью запрещенного зелья. После изобличения во лжи она покинула страну. В этой мутной истории каким-то боком был замешан королевский прорицатель и звездочет лер Страшневицкий. Его даже заключили под стражу и хотели судить. Но за него заступился сам правитель. Из королевских звездочетов Страшневицкого разжаловали, но разрешили заниматься частной практикой. И теперь все аристократы и толстосумы

записывались к провидцу в очередь, чтобы выбрать себе жену или определить благоприятные дни для покупки дворцов и украшений.

Все эти сплетни я слышала от сестры и ее подруг, но особого значения не придавала, пока папенька за обедом не объявил, что он тоже воспользовался услугами лера Страшневицкого и выбрал мне жениха. И сейчас этот жених важно шествовал по залу в дорогом светлом костюме, постукивая по мраморному полу изящной тростью, а толпы студентов в почтении расступались перед ним – ректором Провинциальной магической академии.

Амадор Тори остановился рядом с изваяниями Эвзена и Нады, словно тоже причислял себя к сонму богов. Студенты четырех факультетов сгруппировались, выстраивая квадратуру. А ученики пятого и шестого – провидческого и некромагического – факультетов образовали ядро в центре.

Вилария шепотом пояснила, что каждый ряд означает с первого по четвертый курс, а цвет и оттенок мантии говорит о принадлежности к тому или иному факультету и отделению. В слаженных действиях адептов чувствовалась многолетняя дрессировка. Только первокурсники замешкались, создав небольшую сумятицу в рядах. Мы с Вилкой едва успели подбежать к учащимся целительского факультета и занять первый ряд, где разместились первокурсники, а лер Тори уже произносил речь:

– Приветствую студентов и преподавателей в стенах Провинциальной магической академии и поздравляю всех с началом учебного года!

Раздались восторженные вскрики девиц, жиденькие хлопки преподавателей, дружное «ура!» подхалимов и сдержанное хмыканье остальных студентов.

По традиции Амадор Тори представил деканов факультетов, магистров и кураторов отделений, но, как я поняла из перешептываний второкурсников, стоявших позади, особых изменений по сравнению с прошлым годом не произошло.

Как и прочие девушки, находившиеся в этом зале в драматическом меньшинстве, я, словно зачарованная, смотрела на ректора. Сейчас Амадор Тори проходил мимо стройных рядов магических механиков, облаченных в балахоны шоколадного цвета. Затем проследовал к многочисленной группе боевых магов в синих мантиях с

разноцветными нашивками на рукавах. Ректор обошел провидцев в серебристых и некромантов в черных одеяниях, на пару минут задержался возле студентов факультета магического права и бытовой магии в нарядных фиолетовых мантиях и окончательно остановился рядом с теми, кто учился на целительском факультете. Прямо напротив меня.

– В этом году мы открываем в академии новое отделение. Это первый, экспериментальный курс, на котором будут учиться адепты, отобранные лично деканом Матеушем. – Амадор Тори отчего-то поморщился, остановив свой взгляд на мне, тяжело вздохнул и кивнул декану: – Прошу вас.

Декан вышел вперед, добродушно улыбнулся и жестом указал на нас с Виларией и еще на четверых юношей, облаченных в одинаковое безобразие оттенка лох колючий болотный.

– Этим адептам несказанно повезло. Несказанно! Они сами не представляют, насколько!

– Вот чего бойся, – хмыкнула Вилка, а я в ответ нервно икнула.

Неизвестность пугала больше, чем вечно чем-то недовольный ректор Тори.

– Этих студентов зачислили на уникальное эмже-отделение целительского факультета, – восторженно проговорил декан. – Уникальное!

Раздались удивленные выкрики:

– А что там делает Яцек? Его разве не отчислили в прошлом году за взрыв лаборатории? И Змиевского вроде за драку выгоняли?

Я покосилась на сокурсников. Толстяк в смешных круглых очках, худой высоченный паренек со всклокоченными соломенными волосами, приземистый хмурый адепт почему-то с подбитым глазом и плутоватого вида юноша с курносой веснушчатой носом и хитрым прищуром. В прошлый раз декан вроде бы говорил, что на отделении эмже будут учиться восемь адептов, но пока я насчитала только шестерых – четверо молодых людей и мы с Вилкой. Вероятно, двое уже сбежали.

– Тише, тише! – успокоил студентов декан Матеуш. – Я дал адептам еще один шанс, потому что и Яцек и Змиевский – очень талантливые юноши. Очень! Но в прошлом году они не смогли в

полной мере раскрыть свой потенциал. Теперь же, я уверен, у них все получится. Это будет лучшее отделение в академии! Лучшее!

Ректор Тори одарил хмурым взглядом наше «лучшее отделение», а когда декан Матеуш представил пожилого мужчину с военной выправкой и лицом, сильно помятым жизнью, и вовсе помрачнел.

– Магистр Дуб назначен куратором. Прошу любить и жаловать.

Студенты в зале ненадолго притихли, с интересом рассматривая и нас и куратора.

– Так что это за эмже-отделение? – выкрикнули из зала. – Магическая жизнь? Или жесь?

Раздались смешки, а я замерла в ожидании приговора.

– А я разве не сказал? – искренне удивился декан. – Магические животные! Отделение исцеления магических животных! Наши адепты станут первыми дипломированными врачами магических существ!

Зал вмиг загудел, а я ошарашенно смотрела на декана. Животные? Магические?! Это которые с лапками, клыками и хвостами? К тому же преобразованные не одним поколением магов! Но моя страсть – растения! А эти... с этими... Да и как их исцелять? Классификаторов толком нет, не говоря уже о методиках врачевания!

Мои сокурсники тоже находились под впечатлением. Четверо парней недовольно переглядывались, хмурились, а кое-кто даже выдал крепкое словцо. Интересно, что творилось в голове у лера Матеуша, когда он брал нас на этот курс? У меня был первый уровень магии, а тут нужен седьмой, и желательно боевой, чтобы утихомирить какую-нибудь разбушевавшуюся зверюгу. Да, у Вилки с магическим уровнем все в порядке, но она, похоже, совершенно не разбиралась в зельях. Как она будет лечить этих монстров? Представив пасть драконосапиенса, которому предстоит, например, вылечить зуб, я невольно застонала. Кажется, мои мечты об учебе столкнулись с кошмарной реальностью. Хотя и магическим существам не позавидуешь – им ведь тоже придется близко познакомиться с кошмаром, вернее, с Элиской Кошмарек. Отчего-то мне стало их жаль, и я немного успокоилась.

Студенты в зале уже вовсю обсуждали новое отделение и спрашивали, где возьмут столько несчастных животных для опытов.

– Кое-какие экземпляры у нас остались с прошлого года. Кого-то подбросили, кого-то спасли в диких лесах от браконьеров, – ответил ректор Тори. – Остальных подберем по мере необходимости.

– А где взять учебники? – поинтересовался Змиевский.

– Учебные материалы у нас на первое время имеются, – успокоил декан Матеуш. – Адаптированный для студентов «Бестиарий» на базе древнего «Бестиариума Верума». С прочими проблемами будем разбираться по мере поступления.

– Надеюсь, что разберетесь! – Амадор Тори кинул в нашу сторону снисходительный взгляд, а затем вновь разлился редкой певчей птицей: – Наша Провинциальная академия обязана стать лучшей в королевстве... Нет! Не в королевстве. На всем континенте! Мы осуществим прорыв в науке, скажем новое слово в магии, нам не будет равных в боевых дисциплинах и магической механике...

Пока ректор призывал адептов к покорению неведомых вершин, я принялась размышлять, как бы по-быстрому переговорить с деканом и перевестись на зельеварение. Но обратиться с просьбой не успела, Амадор Тори уже завершил напутственную речь, и студенты, разбившись на группы, отправились в аудитории.

– Отряд, сми-ир-рно! По моей команде – в шеренгу стройсь! – зычным голосом прорычал куратор Дуб. – Напра-а-аво! За мной стройным шагом мар-р-рш!

Подхватив сумки с учебниками, которые сиротливо лежали на полу, наша шестерка «избранных» обреченно поплелась за куратором в аудиторию. Или в загон, судя по тому, как называлось наше отделение.

Глава 5

Не нужно бояться чудовищ, пусть они боятся нас

Мы с сокурсниками покинули главный корпус, пересекли вымощенную брусчаткой площадь, миновали спортивную арену и подошли к глухому забору, который отделял основную территорию академии от парка, судя по видневшимся пышным шапкам деревьев.

Куратор открыл калитку и гаркнул:

– Отря-а-ад! Стой на месте, раз-два! Нале-ево! – Как только мы повернулись к нему лицом, он окинул нас хмурым взглядом. – Представляюсь лично. Меня зовут лер Дуб, а если по уставу – куратор Дуб. Буду преподавать у вас основы боевой магии и контролировать успешный учебный процесс.

– А зачем нам боевая магия на целительском факультете? – удивился высокий паренек со светлыми взъерошенными волосам.

– Фамилия! – рявкнул куратор.

– Лер Дуб, а если по уставу – куратор Дуб, – любезно подсказал однокурсник.

Раздались смешки, а наставник приблизился к адепту, сверля недобрым взглядом:

– Да не моя! Твоя фамилия!

– Адепт Воганька, – ответил тот.

– Местный? – уточнил куратор.

– Родом из Ликарнии, но проживаю с отцом в Жиже, он лекарь. Кстати, общежитие мне не понадобится, буду приходить в академию на занятия из города. Декан Матеуш разрешил.

– И мне не нужно место в общежитии, я комнату в Жиже снял, – поддакнул толстячок в очках.

– И я, – кивнула Вилка.

– И мне не надо, я живу в Ликарнии, в Будеже, – добавила я.

– Та-а-ак! Здравсьте! Приехали! – протянул куратор. – Жить вы все будете в общежитии, только так я смогу вас контролировать. Да и не

дело отбиваться от коллектива. Вон все преподаватели, даже ректор, проживают на территории академии.

– Но я не могу! Я уже за месяц вперед заплатил... – обиженно произнес толстячок.

– А у меня тетушка больная, – нашлась я.

– При смерти? – прищурился лер Дуб, подходя ко мне.

– Нет, но...

– Фамилия! – перебил меня мужчина.

– Кошмар... В смысле адептка Комарек! – тут же поправилась я, от волнения запутавшись в показаниях.

– Значит, так, адептка Комарек. Возьмете увольнительную... то есть навещайте старушку в положенный выходной. Да и днем, после занятий, можете к ней навещать. Возражения не принимаются, даю всем две недели, чтобы уладить вопрос с проживанием и заселиться в студенческое общежитие.

– Но я живу с отцом... – встрял студент Воганька.

– Одна неделя! – рыкнул куратор. – Напра-а-аво! За мной шагом мар-р-рш!

Тяжело вздохнув, мы вошли на территорию парка, а браслеты на запястьях замерцали. Куратор Дуб объяснил, что по периметру установлен магический контур, чтобы посторонние почем зря не шастали, а магические животные не вылезли за ограду. Озираясь по сторонам и осматривая территорию, мы последовали за наставником к двухэтажному строению.

Я невольно залюбовалась скрытым от посторонних взглядов заросшим парком как с уже знакомыми мне кустарниками, так и с экзотическими. А сколько здесь было редких цветов и растений! Наверняка зельевары именно тут подбирают ингредиенты для микстур. Вон и огороженные низким белым заборчиком аптекарские грядки видны, я в столице возле папенькиного особняка такие же организовала. В траве зашуршал какой-то мелкий зверек, с ветки на ветку перелетали разноцветные птички, а я вдруг вспомнила, что где-то поблизости обитают те самые страшные и ужасные магические животные, которых нам предстояло изучать и лечить. Очарование вмиг испарилось, а на его место пришел страх. Хорошо что здание, в которое мы направились, было близко, и адепты отделения

исцеления магических животных чуть ли не вприпрыжку достигли дверей, как-то очень синхронно ускорив шаг.

Наш учебный корпус вблизи оказался больше и солиднее, чем выглядел издалека. В центре холла красовалась величественная мраморная лестница с широкими ступенями, на первом этаже расположились аудитории. Куратор открыл одну из дверей, и мы очутились в учебной комнате, похожей на амфитеатр: деревянные столы и лавки устремлялись вверх, в центре помещения стоял продолговатый стол, за ним высились шкафы с инструментами и склянками.

– Это ваш учебный класс по врачеванию и лекарскому делу. В соседнем помещении со следующего семестра оборудуем лабораторию, пока же будете варить зелья в главном корпусе вместе с остальными адептами. Но главное для вас – зоосад и зверинец. Учебники оставьте здесь и следуйте за мной! – приказал наставник. – Изучим, так сказать, животных вблизи. Или они вас изучат, кому как повезет.

Лер Дуб усмехнулся собственной шутке, а вот нам было не до смеха.

– А кто будет преподавать лекарское дело? – уточнил юноша с рыжеватыми вихрами и курносый носом, облепленным веснушками.

– Фамилия?

– Адепт Яцек, – бодро ответил тот.

Я припомнила, как другие студенты говорили, что именно Яцек в прошлом году взорвал лабораторию, и с интересом принялась рассматривать юношу. Так сказать, коллегу, ибо в прошлом году тоже имела неосторожность устроить взрыв в нашей домашней лаборатории. Причем неоднократно.

– Лекарское дело по исцелению магических существ вам будет преподавать декан Матеуш лично в этой самой аудитории, – просветил лер Дуб. – Все другие предметы вы будете изучать в основном здании согласно расписанию. Общежитие устроили здесь же, на втором этаже. Более детально распорядок дня мы обсудим позже, а сейчас в путь!

Мы с Виларией переглянулись. Оказывается, наше общежитие находилось не в тех уютных трехэтажных каменных домах возле главного учебного корпуса, а в этом здании, в парке, где обитали магические звери! А когда мы прошли по тропинке вглубь парка и

остановились у длинного одноэтажного строения с яркой черепичной крышей, проживание в общежитии теперь не просто беспокоило, а пугало. Потому что из здания раздался пронзительный вой.

Все попятились, а из дома, который скорее напоминал сарай, вышел небольшого росточка мужчина. На незнакомце был поношенный сюртук, вытянутые на коленях брюки и стоптанные ботинки. Рубашка выглядела чистой и выглаженной, только жабо жалкими обрывками болталось на шее, словно его кто-то пожевал. На кончике носа гнездились маленькие круглые очки, а голову венчал серебристый пушок. Присмотревшись, я поняла, что незнакомец находится в солидном возрасте, просто круглое гладкое лицо, мальчишеская открытая улыбка и ямочки на щеках вводили в заблуждение.

– Прибыли, яхонтовые мои? – обрадовался мужчина, заметив нашу группу в болотных мантиях. – А мы вас заждались!

– Лер Костюшко, приветствую! – кашлянул куратор, привлекая к себе внимание.

– Ох, а я вас за деревом не заметил, лер Дуб! Как прошло общее собрание? Я хотел подбежать, послушать ректора, но Матюша с утра ведет себя беспокойно. Не рискнул ее оставлять!

Из сарая вновь раздался протяжный вой, а мы с сокурсниками опасливо переглянулись – желание входить внутрь пропало.

– Адепты! Представляю вам зрителя нашего заповедника, – важно произнес куратор и указал на мужчину: – Пафнутий Костюшко. Имеет многолетний опыт по наблюдению за магическими животными. Уникальный специалист. Можно сказать, один из немногих в королевстве. Магистр Костюшко будет вести у вас практические занятия по уходу за зверями.

– По ух... уходу? А можно я сам уйду, пока не поздно? – заикаясь, попросил толстячок.

– И я с ним за компанию. Не думал, что после хирургии меня запихнут в этот хлев, – буркнул темноволосый юноша с подбитым глазом.

– Поздно, адепт Змиевский, – мрачно улыбнулся куратор и преградил нам путь к отступлению. – Документы вы подписали, извольте дотянуть до первой сессии. А уж если вас выгонят по причине несдачи... – Лер Дуб нахмурился и потряс кулаком: – Нет уж,

вы у меня все закончите академию! Даже не сомневайтесь! А теперь в бой! Знакомиться со зверьем!

– С магическими существами. Но лучше называйте их питомцами, – деликатно поправил коллегу магистр Костюшко и жестом пригласил нас в зверинец: – Они все понимают! Уверен, вы полюбите их, как люблю их я!

В этом я сильно сомневалась. Одно дело пельтигера пупырчатая или момордика, вот их я люблю трепетно и нежно. А какого-нибудь дракономopsа, выведенного искусственным магическим путем и поедающего одежду хозяев... нет уж, увольте. Не мое это! Я лучше на общее врачевание переvedусь, если на зельеварении нет свободных мест. Но на МЖ-отделении не останусь!

Кажется, не я одна пребывала в подобных размышлениях, потому что следовать за магистром и знакомиться с питомцами никто особым желанием не горел.

– Мы влипли, – пробормотала Вилка.

– Это точно. Лучше бы меня отчислили за драку, – согласился с ней Змиевский.

– Разговорчики в строю! – рявкнул на нас куратор Дуб и принялся по одному заталкивать в сарай.

Внутри помещение было разделено на два длинных отсека с проходом между ними. Клеток я не заметила, скорее, комнаты с резными дверцами и окошками; деревянная лестница вела на чердак. Пол и поддерживающие опоры были из камня, а вот потолок и стены – деревянными. И что удивительно – вроде бы здесь содержались звери, а дурного запаха не ощущалось. Наоборот, пахло сеном и пряной травой. В загонах, а вернее, в просторных комнатах, виднелись лежанки из сена и деревянные лавки, на которых стояли миски с едой и водой. Пол был устлан сухой травой, а на окнах я заметила решетки, впрочем, тоже деревянные. Зверей внутри комнат не разглядела, хотя дверцы были приоткрыты.

Приоткрыты?!

Неужели магические животные выбрались наружу? Только я хотела спросить об этом магистра Костюшко, как Вилка легонько ткнула меня в бок и указала на дальний конец коридора. Там столпились странные существа.

Кто-то серый и большой сидел на полу. Вокруг него кольцом свернулась длинная блестящая змея с пушистой головой. Еще один зверь, зеленый, маленький, с телом собаки и оскалившейся пастью дракона, суеился рядом. На потолочной балке лежала крупная пятнистая кошка с крыльями и птичьей головой, а к лавке у стены жались два странных зверька, чем-то напоминающих упитанных хомяков, только очень крупных.

Животные, как и мы, тряслись от страха. Так мы и стояли друг напротив друга – звери и адепты, не решаясь приблизиться. Крупный серый монстр завыл трубным голосом, а в одном из загонов мелькнула черная тень и послышались удары копыт. Кто-то не пожелал покинуть свой дом и выйти навстречу гостям. И я его понимала.

– Яхонтовые мои, ну что же вы разнервничались?

Мы обернулись к магистру Костюшко, но, как оказалось, он обращался не к нам. Смотритель направился к магическим существам, улыбаясь и подбадривая:

– Подходите ближе, наши адепты не кусаются. Давайте знакомиться!

– Может, не надо? – заикаясь, спросил один из сокурсников.

– Надо, адепт Воганька, надо, – подбодрил его куратор и громко гаркнул: – Отр-р-ряд! На изучение противника вперед шагом мар-р-рш!

Звери затряслись, серое чудовище вновь завыло, длинная блестящая змея с пушистой мордой нервно забила по полу хвостом, а кошка-птица громко закурлыкала. Хомяки юркнули в одну из комнатушек, но дверь до конца не закрыли, а высунули в щелку носы.

– Прошу вас, тише, лер Дуб, питомцев напугаете, – недовольно произнес смотритель.

Он приблизился к животным и принялся успокаивать, глядя по головам, а у серого пузатого погладил рожки.

– Наши звери еще не отошли от стресса после общения с прошлыми адептами, – продолжал ворчать магистр Костюшко. – Как по мне, тех лекарей гнать нужно из академии, а не дипломы выдавать. Декан Матеуш заверил, что этих специально отобрал для лечения магических существ. Убедил меня, что на этот раз у нас все сложится.

Мы во все глаза смотрели на опасных животных, пытаюсь осознать – их пугают студентами!

– Не нужно бояться, яхонтовые мои, – продолжал успокаивать зверей магистр. – Они вас вылечат.

Пернатый кот что-то гортанно закурлыкал, словно переспрашивал, и магистр Костюшко закивал:

– Конечно, Крылатик, и у Грифа крылышко посмотрят, и Матюше животик полечат.

Серый монстр завалился на бок, закрыл лапами глаза, а я с интересом рассматривала его. Так вот ты какой, Матюша!

Животное чем-то напоминало человека, а ростом было с десятилетнего ребенка. Крупный, с толстыми лапами и большим животом, нижняя часть морды значительно выступала вперед, приплюснутый нос смешно шевелился. На спине у необычного зверя я заметила маленькие крылышки, а на лбу, меж удлинённых ушей, короткие рожки – целых четыре штуки! Тело покрывала серая шкура, потрескавшаяся и твердая, словно старый камень. А еще у зверя имелся хвост с кисточкой, которым Матюша обвил ногу зрителя.

– Это горгулья, или горгулий. Животное относится к классу магических антропоморфных, – пояснил магистр, перехватив мой заинтересованный взгляд и пытаясь освободить ногу из захвата хвоста. – Зверь здесь больше года, но людей сторонится. Подпускает только меня. Ну как подпускает... Позволяет кормить и мыть. Однажды горгулий улыбнулся ректору, в смысле бывшему ректору, ныне вашему декану. В честь декана мы и назвали существо Матюшей. А лер Матеуш не против.

– А я была бы против, если бы ту зверюгу Вилкой назвали, – шепнула мне на ухо подруга, указав на змееподобное существо с головой лисицы.

Зверь словно почувствовал, что говорят о нем, вытянул шею и уставился на Виларию немигающим взглядом глазок-пуговок да еще раздвоенный язык высунул.

Я предпочла отвернуться, чтобы эта монстра... в смысле милая магическая зверушка, не переключила внимание на меня. Лучше рассмотрю хомяков, которые по-прежнему прятались за дверью, но морды высунули и с любопытством следили за происходящим.

– Да не переживайте вы так, – магистр Костюшко поманил этих двоих пальцем к себе, – адепты вас не обидят.

– Вы так говорите, словно они вас понимают, – хмыкнул Яцек, осмелев и приблизившись.

Остальные последовали за ним. Хотя и страшно, но интересно же рассмотреть зверей. Страшно интересно!

– Конечно, понимают! – возмутился магистр, поправив очки. – Это же магические животные! Они могут изъясняться, но по-своему, вы со временем поймете. Сейчас я вам их представлю, а на занятиях подробно расскажу об особенностях каждого вида. И нужно распределить, кто из вас за каким зверем будет ухаживать. Считайте это вашим практикумом.

– Мне хомяков! – первым опомнился толстяк и подмигнул напуганным существам.

Те вновь скрылись в домике, хлопнув дверью.

– Чегой-то тебе? Может, я тоже их хочу! – возмутился адепт Воганька. – Только они какие-то переростки!

Юноши хмыкнули, а магистр вздохнул:

– Переростки они, потому что в прошлом году такие же умельцы, вроде вас, втихаря опробовали на них зелье роста. И это не хомяки, а потто.

– Потс? – захрюкал адепт Воганька.

– Потто! Относятся к отряду сумчатых дасуроморфий, – с важным видом пояснил магистр, не обращая внимания на фыркание и насмешки.

Хомяки, которые на самом деле оказались потто, вновь выглянули из укрытия, а я теперь обратила внимание, что шерстка у них серая, местами бурая с золотистым отливом, грудки белые, мордочки широкие, с крупными ушами и длинными усами, а глаза большие и умные. Зверьки стояли на задних лапках, а передними придерживали дверь. Тот, что покрупнее, возвышался над мелким и как бы невзначай терся носом о пушистую макушку собрата.

– Очень умные ребята, – улыбнулся существам магистр, а мне показалось, что те улыбнулись в ответ. Во всяком случае, звери продемонстрировали ряд крепких острых зубов. – Одного я назвал Василиусом. Вася, значит. А помельче – Базилиусом. Базя.

– Оригинально, – хмыкнула Вилка и тут же взвизгнула.

Она попыталась отскочить с места, но не смогла – ее ноги обвила та самая змея с головой лисицы. Как животное незаметно подкралось,

загадка. Зверюга прижала морду к Вилкиной ладони и мечтательно прикрыла глаза.

– Вот и чудесно! – обрадовался смотритель. – Полли уже выбрала того, кто за ней будет ухаживать.

– Фамилия? – прозвучал позади нас командный голос куратора.

Лер Дуб стоял у выхода и прикрывал тылы, чтобы никто не сбежал: ни звери, ни студенты.

– Войта, – едва слышно промямлила Вилка, боясь пошевелиться в «объятиях» существа.

– Адептка Войта, закрепляю за вами змия! А за вами, адепт Воганька, – потто. Две штуки.

– Полли не змий, а магический гибрид аспида и рейнеке, – поправил куратора смотритель.

– А мне тогда курицу! – Осознав, что хомяки уплыли, пухлый адепт ринулся к серой пятнистой кошке с птичьей головой и крыльями.

Та недовольно рыкнула и отвернулась, явно не обрадовавшись знакомству.

– Крылатик у нас – карликовый альрун. Удивительное существо! О нем я расскажу чуть позже, а пока предлагаю завершить знакомство. Кто будет ухаживать за дракономопсом? – поинтересовался магистр Костюшко, указывая на неуклюжего маленького зверя с короткими лапками, вытянутым зеленым туловищем и головой дракона. Зверь притаился возле большого Матюши и хитро щурился.

Животных осталось всего ничего, да и нас трое – я, Яцек и Змиевский. Правда, последний в нашем обсуждении не участвовал, он, словно зачарованный, смотрел на кого-то в дальнем загоне. Только я хотела согласиться на дракономопса, как тот подбежал к конопатому Яцеку и уселся возле ног. Парень не растерялся, погладил зверя за ухом. Дракономопс от радости икнул, выпустив тонкую струйку огня. Хорошо пол здесь каменный, и проказник ничего не спалил.

– Прекрасный выбор! – обрадовался магистр Костюшко, хлопнув в ладоши. – Дракономопсы – верные и преданные друзья. Они же в огне не горят и в воде не тонут! Спасут вас из любой передраги. Но их доверие нужно заслужить...

– Адепт Яцек, официально закрепляю за вами дракона... и мопса! – зычно произнес куратор, делая пометки в своем списке, а я обреченно посмотрела на Матюшу.

Вот как чувствовала, что самый кошмарный зверь будет моим.

– Адептка Комарек, – тут же подтвердил мою догадку куратор, – горгулья... вернее, горгулий – ваш!

Осталось добавить: «Заверните!»

Большой серый зверь растопырил пальцы, подглядывая за мной.

– Может, за горгульей лучше адепт Змиевский будет ухаживать? – робко предложила я. – Он больше. В смысле адепт.

– Полагаю, Змиевский уже определился с выбором. И я очень этому рад, – улыбнулся магистр Костюшко, продемонстрировав ямочки на пухлых щеках, и направился к загону, возле которого застыл темноволосый адепт.

Мы все отвлеклись от своих питомцев и тоже приблизились, чтобы рассмотреть магического зверя, который так заинтересовал сокурсника. А подойдя ближе, ахнули. Пред нами предстало прекрасное величественное животное с конскими туловищем, копытами и хвостом, но с головой и крыльями огромного орла. Иссиня-черное оперение на голове переходило в короткий жесткий волос на туловище. Стального цвета клюв и золотистые глаза принадлежали орлиной сущности зверя, как и крылья, которые вызвали особое восхищение. Темные перья удивительным образом отливали серебром. Казалось, взмахни этот зверь крыльями – и взлетит, разрушив мощным телом все преграды. Но, увы, животное сдерживали тонкие цепи, тянувшиеся от ошейника к крюкам в полу, – длинные настолько, что позволяли свободно передвигаться по просторному загону, но не настолько, чтобы сбежать.

Зверь застыл на месте и глядел исподлобья на адепта Змиевского. Тот, в свою очередь, не отрывал взгляда от магического существа.

– Это же гиппогриф! – восхищенно прошептал адепт Воганька. – Но как же так... они же не существуют...

– А почему он прикован? – одновременно с сокурсником спросила я.

– Как видите, существуют, – с неизменной улыбкой произнес магистр Костюшко и жестом показал, чтобы мы не подходили ближе. – Древний летописец Ариосто в своих трудах утверждал, что гиппогрифа создали изначальные маги. Те, что селились в скалах общинами подальше от простого люда. Эти дикие места, удаленные от городов и поселений, позже стали единственным пристанищем

гиппогрифов, которые живут парами, но чаще в одиночестве. А прикован он, потому что не может летать, но не оставляет попыток. К сожалению, этим только вредит себе. Один раз чуть не разбился. Упрямый гордый зверь.

Рассматривая магическое животное, я обратила внимание, что одно крыло ниже второго и сильно искривлено.

– Это из-за крыла, да? Оно повреждено? – спросила Вилка.

– Увы, – подтвердил магистр и развел руками. – Один из лесничих несколько месяцев назад сообщил в полицию, что нашел в диком лесу, возле скал, израненного редкого зверя. Обессиленного, с изломанным крылом.

– Бедненький, – прошептала я.

Гиппогриф расслышал мой шепот, повернул голову и недовольно заклекотал. А затем, словно дикий ветер, принялся метаться по загону, биться клювом о железные прутья и издавать высокие гортанные звуки, явно требуя выпустить его на волю.

– Не бушуй, Гриф! – погрозил ему пальцем магистр. – Не стоит, мальчик. Чуть позже я дам тебе побегать по саду. Но отпустить не могу. Ты опять попытаешься взлететь и расшибешься.

Зверь, как ни странно, прислушался, но отошел к дальней стене и обиженно отвернулся.

– Идемте, яхонтовые мои, – на этот раз лер Костюшко обратился уже к нам. – Для первого раза достаточно, да и питомцы пусть отдохнут. А вы, молодой человек, – магистр пристально посмотрел на адепта Змиевского, – попробуйте-ка наладить с Грифом связь. Глядишь, он вас примет и позволит помочь. Ему бы крыло подлечить. Собственно, по этой причине мы его здесь и оставили.

Адепт серьезно кивнул и спросил:

– Кто же сотворил с ним подобное?

– Охочие до богатства люди. Это же уникальный экземпляр! Думаю, Гриф случайно попался в силки, сопротивлялся. Хорошо лесничий вовремя обнаружил магический всплеск, а затем и разбойников. Негодяев скрутили полицейские, а с гиппогрифом что делать? Взлететь-то зверь не мог, а его дом высоко в скалах. Вот и вызвали меня, я ж раньше в заповедных лесах Протумбрии смотрителем работал, изучал магических животных, это такая редкость в наше время. Но подобный экземпляр увидел впервые.

Лекаря, который подобных зверей лечит, не сыскать. Да и Гриф своенравный, никого к себе не подпускает. Я его только покормить могу, перышки почистить, но я ж не врачеватель! – охал магистр Костюшко, провожая нас к выходу.

Питомцы самостоятельно разошлись по загонам. Видимо, устали от повышенного внимания гостей. Лишь Вилкина «змея» увивалась за новой подругой и терлась о руки лисьей мордой. Вилария, кажется, смирилась со своим чудовищем и перед уходом даже неловко провела рукой по коричневой змеиной шкуре с маленьким пушком, отчего гибрид аспида и рейнеке лизнул взвизгнувшую Вилку раздвоенным языком. Вот когда я поняла, что горгулий, нет, горгулья Матюша, которая уснула сидя и шумно похрапывала, – не самый плохой вариант.

Взбудораженные увиденным, мы вернулись в аудиторию. Пока нас не заставляли приходить к питомцам каждый день – лишь во время практических занятий. Но позже, когда мы привыкнем к магическим животным, а они к нам, следовало их кормить два-три раза в день, чистить загоны и даже выводить на прогулку. Представив, как я иду гулять с Матюшей, вздрогнула. К столь радикальным переменам в жизни я еще не готова. Все же звери – не мое! Зайду на днях к декану Матеушу и попрошу перевести на зельеварение.

После визита в питомник куратор Дуб не слишком зверствовал и практическое занятие по основам боевой магии заменил на теорию. Но расстроил тем, что в очередной раз напомнил о переезде в общежитие.

В целом первый учебный день пролетел как один миг. Но после занятий мне пришлось отказаться и от посещения столовой, и от ознакомительной экскурсии. В отличие от меня, Вилария заинтересовалась библиотекой. Мне же предстояло бежать в город, в школу лиры Эндрю, и прослушать первую лекцию по курсу «Модный приговор».

Я отчего-то не удивилась, увидев, что являюсь единственной студенткой, а класс напоминает тетушкину гостиную. После того как оплатила трехмесячный курс для начинающих, директриса принесла на лекцию чай и вкусные булочки, а также согласилась перенести уроки с утренних часов на послеобеденные.

Не стоит говорить, что в дом тети Лижбет я приехала уставшая и едва передвигала ноги под тяжестью знаний. За поздним ужином клевала носом, невпопад отвечая на вопросы. К счастью, старушка увлеклась записями о модных тенденциях и вскоре уединилась с моей тетрадью в спальне. Ну а я уединилась в своей и моментально уснула.

Мне снилось, как я летаю на гиппогрифе, дрессирую дракономопса и кормлю вкусняшками горгулью. И все бы ничего, но в мой сон зачем-то пробрался лер Тори и принялся отчитывать: что и летаем мы с Грифом низко, и дракономопс выжег огнем ковер в его кабинете, и Матюша съела весь недельный запас в столовой. Под утро сон сделался и вовсе отвратительным, не иначе как в руку, ибо ректор утверждал, что я самая плохая адептка, раз в одиночку не могу справиться со зверинцем.

Поэтому я обрадовалась, когда в шесть утра меня разбудила Марта.

Глава 6

Поклонники – как пыль: не успеешь смахнуть – опять появляются

Последующие дни пролетели незаметно, но я по-прежнему не знала, как сказать тетушке о переезде в академию. Вот и сегодня за ужином попыталась намекнуть, что дорога меня сильно изматывает, на что тетя возмутилась:

– Все же эта лира Эндрю слишком тебя нагружает! Где это видано? В один день ты проходишь и «Модный приговор», и бытовые заклинания! А вот на магическую косметологию отведено мало часов. Пожалуй, мне стоит посетить Жижу и лично переговорить с директрисой.

– Нет! – вздрогнула я, даже аппетит пропал. – Не стоит!

– Почему? – Тетя Лижбет выгнула бровь, рассматривая меня через лорнет с увеличительными линзами. – Безусловно, прическа твоя стала гораздо приличней. Этот жемчужный цвет волос мне определенно нравится. Хотя я бы добавила меди.

Тетушка поправила свои рыжие с сединой кудри и прищурилась:

– Кстати, Валюшка, а как ты состряпала краситель? Разве ты разбираешься в зельеварении? Лира Эндрю не могла тебя так быстро обучить.

– А я... А меня Элиска обучила!

– Ах да, твоя старшая сестрица знает в этом толк. Обучила, говоришь? Значит, ты сможешь и мне приготовить краситель? А то седина пробивается, а Элиска в пансионе.

– Конечно, приготовлю! – поторопилась я согласиться, а то тетушка еще вздумает написать письмо Валежке. – Сестра на всякий случай записала мне рецептуру. И еще состав омолаживающего крема, как вы для Марты заказывали. А для большего эффекта можно добавить заклинание «одурилис», которое я прошла на курсах.

Тетя одобритительно кивнула:

– Все же я в тебе ошиблась. Не такая уж ты вертихвостка, как писал мне Адам. Правда, твою красоту он явно преувеличил. Нет, ты

хорошенькая. Но! У молодой привлекательной девицы все же должна быть талия, дорогуша, а бедра не должны походить на дирижабль.

Тетушка выбралась из-за стола и принялась шустро расхаживать по комнате. А мне казалось, что старушка в прошлый раз хромала и вроде ее радикулит на днях прострелил...

– Юная лира, которая мечтает удачно выйти замуж, должна иметь легкую, завлекающую походку. С твоей комплекцией легкости добиться сложно, но надо постараться. Встань!

Вздыхнув, я отложила пирог и поднялась с места.

Тетя Лижбет окинула меня придирчивым взглядом и взмахнула лорнетом:

– Подойди ко мне, детка! И не сутулься! Плавнее! Походка от бедра! Представь, что паришь над землей!

Я сделала несколько шагов и споткнулась, нечаянно задев бедром стул. Какое там «паришь»?! Сегодня во время практического занятия так набегалась, гоняясь по парку за хомяками Васей и Базей, а затем пытаюсь вместе со зрителем вытащить сопротивляющуюся горгулью на прогулку, что руки болели, а ноги гудели.

– М-да-а, – протянула тетя и кисло улыбнулась. – С тобой еще работать и работать! А твой отец говорил, что ты первая кокетка в столице. Верится с трудом. Хотя... сейчас такие молодые люди, что и звериный оскал примут за кокетливую улыбку. Ну-ка, посмотри на меня!

Взглянула исподлобья на тетю. Ну что ей неймется? Время уже позднее, а мне еще теорию магии зубрить. Занятие, как назло, завтра первой парой, а преподает ректор Тори. Не хотелось бы опозориться.

– Если бы я так смотрела на ухажеров в Будеже, они бы все разбежались! Что ж, придется учить. Ну-ка, посмотри на статуэтку, что возвышается на комод.

Я поморщилась, заметив «статуэтку» – гипсовый бюст какого-то хмурого лысого мужчины.

– Одари его заинтересованным взглядом, похлопай ресницами, чуть приподними брови, словно ты пребываешь в приятном удивлении от вашей встречи.

Я уставилась на «скульптуру» и попыталась приподнять брови, но вместо этого они сошлись на переносице.

– Да не сверли его взглядом! Улыбайся кокетливо!

Пожав плечами, я так и сделала.

– Не криви так губы, словно съела кислое! И не нужно к нему разворачиваться всем телом! Легкий поворот головы, интригующий взгляд, задумчивая улыбка на губах... – не сдавалась тетушка. Не выдержав, она взяла в руки бюст и с любовью на него посмотрела, продолжая давать наставления: – Запомни, дорогая: как бы ни выглядел объект охоты, всегда представляй тот тип, который нравится тебе. Вообрази перед собой высокого интересного блондина с фиалковыми глазами. Я таких очень люблю!..

Тяжело вздохнув, последовала тетушкиному совету и представила на месте гипсового бюста Амадора Тори. Улыбнулась ему и словно увидела, как белобрысый ректор в ответ недовольно поджимает губы и подозрительно щурится. Я хихикнула, а тетушка одобрительно кивнула:

– Во-от! Уже лучше! Запомни, Валюшка, мужчины – они как дети. Улыбайся им, кокетничай, обещай побольше, но делай только то, что нужно тебе. И тогда от поклонников не будет отбоя. Я даже в своем возрасте не знаю, как от них избавиться. Но чувствую, это так же бесполезно, как вытирать пыль с серванта! Только смахнешь, а она опять накапливается.

Вообразив, как ректор Тори разлегся на серванте в гостиной у тетушки, а я пытаюсь его смахнуть, я хрюкнула.

Тетя недовольно поморщилась:

– М-да, мне предстоит большая работа. Нужно написать Адаму, чтобы увеличил сумму за твоё воспитание. И все же следует переговорить с лирой Эндрю, просмотреть план занятий. Хотя твой отец против, надо добавить в программу этикет и танцы. Кстати, что вы сегодня проходили? Принеси-ка мне лекции!

Я послушно поднялась к себе в комнату и взяла из сумки тетрадь. А когда вернулась, тетя уже устроилась в кресле и включила торшер.

– Та-а-ак, опять был «Модный приговор»? Изучали корсеты? Тебе – да, пригодится, а мне они ни к чему. А это что? В моду вновь входят панталоны? – изумилась тетя, вчитываясь в записи. Я, если честно, не запомнила, о чем говорила директриса. Пока записывала, представляла боевую стойку, которую нам сегодня показывал куратор Дуб. Скоро ведь практика, а я путаюсь, куда ногу отставить, как отклонить корпус и какой рукой делать замах. Тетя радостно

вскрикнула: – Ах, так тут с кружавчиками! Совсем другое дело! Ты иди, Валюшка, а я пока почитаю на ночь. В смысле проконтролирую, чем ты там на курсах занималась.

Я поторопилась покинуть гостиную, поднялась в комнату и разложила на столе учебники. Эх, опять лягу спать не раньше полуночи. Но все же оно того стоило: моя мечта сбылась – я теперь студентка престижного целительского факультета! А если завтра наберусь смелости и переговорю с деканом или с самим ректором, может, переведусь на отделение зельеварения. Тогда уж точно стану лучшей адепткой!

Жаль только, снились мне ночью не любимые растения и работа в лаборатории, а ректор Тори и горгулья. Увы, эти двое последние несколько ночей прочно поселились в моих снах.

Глава 7

Моль блондинистая, подвид озверевший

Поезд из Будежа сегодня задержался, и я позорно опоздала на первую пару. Как назло, ректор Тори уже был на месте. Он горделиво стоял за кафедрой, обводя класс надменным взглядом.

На лекции присутствовали студенты всех трех отделений целительского факультета. Вернее, четырех, включая наше малочисленное МЖ. Пятеро моих коллег сидели на последнем ряду, сбившись в кучку. Увидев меня, Вилка и Яцек зашептали, чтобы проворнее шевелилась и пригнулась. Я тихонько попыталась пробраться к своим, но услышала окрик ректора:

– Адептка Комарек! Не нужно ползти. Я же вижу, что вы опоздали!

– Видит он, – буркнула я и уже громче возразила: – Я опоздала всего на минутку!

Положила сумку с учебниками на стол и пристроилась на скамью рядом с Вилкой.

– Иногда минуты решают все, – высокомерно заметил Амадор Тори. – И я не разрешал вам сесть.

– Мне выйти? – уточнила я, вновь складывая учебники в сумку.

Уж лучше пропущу лекцию, чем стану выслушивать колкие замечания.

– Ко мне!

– Что?

– Адептка Комарек, подойдите ко мне! – с раздражением произнес ректор.

И ведь фамилию запомнил, когда не надо! Подбадриваемая сокурсниками, я поплелась вниз, к кафедре, тяжело вздыхая. Удивительно, как такой красивый мужчина может быть столь неприятным?

Проходя мимо первого ряда, столкнулась взглядом с адепткой Беде. Девушка выглядела превосходно: волосы уложены волнами,

изумрудная оправка очков идеально подходила и под цвет глаз, и под цвет мантии, и даже туфельки из мягкой кожи были такого же цвета. Я так отвлеклась, что не заметила, как нога в изящной туфельке пнула меня по щиколотке. Не ожидая подобной подлости, споткнулась и, перелетев через ступеньку, упала в объятия ректора, который в этот момент вышел из-за кафедры мне навстречу.

Ударившись о твердую мужскую грудь, на всякий случай поприветствовала ректора:

– Здрасьте.

– Адептка Комарек, что вы себе позволяете?! – прошипел он под смешки студентов. – Думаете отвлечь меня подобной хитростью?

– Я не собиралась вас завлечь! Отвлечь, хотела сказать.

Под пристальным взглядом ректора поспешно отстранилась, смущаясь. Впрочем, смущалась я, как и все студентки академии, за исключением Вилки.

– Адептка Комарек, объясните, почему вы опоздали? Почему все студенты потрудились прийти вовремя, а вы не смогли?

– Это не я, а поезд. Он задержался... – пролепетала я.

– Вы живете не в общежитии? – нахмурился Амадор Тори. – Нужно прекращать эту порочную практику. По просьбе бывшего ректора Матеуша я пошел навстречу студентам и разрешил приезжать на занятия из Жижы и соседних городов. Но эти постоянные опоздания с первого учебного дня недопустимы! Сегодня же выпущу приказ, что все адепты обязаны проживать в общежитии академии и смогут покидать территорию лишь в строго оговоренные с руководством часы!

Я приуныла. Студенты, может, и обязаны жить в общежитии, но как это объяснить тетушке?

– Адептка Комарек, – не дал опомниться ректор и коварно прищурился, – надеюсь, вы прочитали первый параграф?

– Разумеется! – ответила я и почти не соврала.

– Тогда поведайте мне о принципах магического воздействия.

– Принципы воздействия... – повторила за преподавателем, растягивая слова и вспоминая определение, прочитанное вчера перед сном. – Принципы эти... магические... базируются на законах окружающего мира. Собственная сила, настроенная на определенную

частоту, взаимодействует с объектом и резонирует с чужими магическими потоками.

– А если происходит сопротивление? Если другой объект не откликается и не резонирует?

– Если бы да кабы... В том смысле, что если не откликается, тогда... тогда...

Я запнулась, вспоминая, что же еще было в первом параграфе. Что-то простое и действенное. Жаль, написано занудно. Поэтому я и отвлеклась вчера на «Бестиарий», отложив «Теорию магии». И теперь могла вспомнить только о том, что горгулий или горгулья – андрогин. То есть она, Матюша, – это он. Или оно.

– Адептка Комарек! – рявкнул ректор, и перед мысленным взором картинка из «Бестиария» с неуклюжей горгульей исчезла, зато возник ужасный в гневе Амадор Тори. – Слово! Слово – та же вибрация. Именно оно усиливает резонанс!

Да кто бы спорил? Сейчас от слов ректора у меня в организме такой резонанс происходил, что уши заложило, а все тело вибрировало. Вон колени как дрожат, и если он еще раз крикнет, я рухну на пол без всякой магии.

– Заклинания, проклятия, заговоры! – никак не мог уговориться ректор Тори. – Этим мы усиливаем направленную на объект энергию! Вам ясно?

– Чего же не понять? Заклинания очень хорошо воздействуют на объект, особенно проклятия, – пробормотала я, косясь на разгневанного преподавателя.

Интересно, за что ректор Тори меня невзлюбил? Ведь с первой встречи смотрит с неприязнью. А ведь я, между прочим, его невеста. Правда, он пока об этом не знает, а при таком предвзятом отношении мне и признаваться расхотелось. Мало того что рычит, так еще и унижает!

– Но, боюсь, с вашим первым магическим уровнем никакое заклинание не сработает! – добавил Амадор Тори, решив меня окончательно добить.

– Не надо бояться! Обязательно сработает! – попыталась успокоить преподавателя. – Я как чистокровный светлый маг с неограниченной фантазией на многое способна.

Для притирок и настоек красоты, которыми я заполонила папенькины аптеки и которые приносили неплохой доход, моего магического уровня и простых заклинаний вполне хватало. Ведь в аптекарском деле главное – спрос и смекалка. Последняя у меня имелась в избытке!

– Именно ваша фантазия меня и пугает, – вздохнул ректор. – Вам бы замуж, адептка Комарек, а не в академии учиться. Я принципиально против женщин в науке, но все же могу понять, когда на целительский факультет поступают такие, как лира Беде: с седьмым уровнем магии, блестяще сдавшие экзамен, с пытливым умом. Но вы... Вы!.. Кошмар!

Ректор поморщился и отмахнулся, отпустив меня восвояси. А сам задал новый вопрос о простейших заклинаниях. Разумеется, та самая адептка Беде тут же вскочила с места и громко выдала перечень заклинаний, да еще усиливающие их символы на пальцах показала. Я же под сочувствующие взгляды некоторых первокурсников и под злорадные – небольшой группки девиц – поплелась на место.

– Зверь, а не препод! – сделала заключение Вилка, пытаясь меня подбодрить. – Мошь блондинистая, подвид озверевший! Но ты молодец. Я бы вообще ни на один вопрос не ответила. А уж эти названия заклинаний и вовсе не выговорить: «обливион», «охмурились»... Почему нельзя назвать по-простому: заклинание забвения, заклинание обольщения...

– Обольщения? – повторила я и замерла.

Даже не стала спрашивать, откуда Вилке известно про «обливион», ведь его проходят только на старших курсах. А вот заклинание обольщения – то, что нужно! В школе лиры Эндрю я как раз сейчас изучала «охмурились» и «одурились» с целью привлечения ухажеров. Нет, использовать заклинания против воли объекта строго запрещено. Привороты караются законом! А вот вызвать легкую симпатию не возбраняется. Директриса поведала мне о маленьких хитростях, например, как добавить в зелье микроскопическую дозу руты и вплести заклинание, чтобы поклонник проявил толику интереса. Влюбить в себя ректора я не планировала, но добиться его расположения, чтобы он на меня хотя бы при всех не кричал, было бы неплохо. Эх, наверняка ему так просто зелье не подлить, ведь за красавцем-ректором охотятся все студентки, не я одна додумалась до

подобного. Но, с другой стороны, никто из них не обладает моей фантазией, иначе давно добились бы успеха! Да и школу лиры Эндрю не посещают, судя по тому, что я там единственная ученица. А зря. Ведь директриса дает полезные советы, а главное – все в рамках закона!

Составив в голове план, я довольно улыбнулась и принялась записывать лекцию. Ректор Тори на меня подозрительно покосился, явно что-то заподозрив. Но больше не придирался, а вскоре и вовсе потерял интерес, переключив внимание на адептку Беде и ее подружек, которые смотрели ему в рот и ловили каждое слово.

После занятий у Амадора Тори мы всем курсом отправились на практикум по зельеварению в храм растений и магии, как назвал полуподвальное помещение преподаватель. Как по мне – обычная лаборатория.

Все основные уроки проходили в главном учебном корпусе, а на спортивном поле за академией тренировались боевые маги. Магия... Она до сих пор оставалась для меня загадкой. Ведь мой первый уровень лишь помогал усилить действие трав и заклинаний, а вот видеть незримое, повелевать стихиями, говорить с душами умерших я не могла. Хотя призраков иногда встречала, но кого в наши дни этим удивишь? То ли дело бытовая магия ректора Тори или целительская – декана Матеуша. Но если ректор не любил «дешевые фокусы» на своих занятиях, то декан радовал нас мерцающими в воздухе формулами, летающими колбами с бурлящими в них микстурами, иллюзорными растениями, поднимающимися со страниц книг. А как увлекательно он рассказывал! Жаль, практические занятия по зельеварению вел не лер Матеуш, а молодой магистр Ежи Болек.

Бесспорно, лер Болек обладал необходимыми знаниями, но его снисходительная и уничижительная манера общения коробила. И я почему-то не удивилась, что он, как и ректор Тори, сразу выделил из толпы студентов адептку Беде. Несмотря на то что она пару раз ошиблась в определениях, магистр Болек ей улыбнулся и заметил, что даже гении порой могут оговориться.

Меня магистр игнорировал, хотя на все его вопросы я ответила верно, да и микстуру от грудной жабы сварила одной из первых. Но лучше пусть так. Виларию и адепта Яцека преподаватель сразу

невзлюбил. С Яцеком понятно: по слухам, это именно он в прошлом году взорвал лабораторию на одном из практических занятий, которое, как нетрудно догадаться, вел магистр Болек. Но предвзятое отношение учителя к Вилке было незаслуженным. Да, она перемудрила с зельем. Но ведь он ни разу к ней не подошел и не проверил составленную рецептуру. А когда в колбе забурлила зеленая жидкость, а чуть позже появились огненные пузыри, даже не пошевелился. Именно я первой подскочила к подруге и нейтрализовала зелье.

Магистр Болек лишь взвизгнул:

– Адептка Войта! Вы все испортили! Вас страшно подпускать к больным: вы же их отравите!

– А она учится на отделении «Исцеление магических зверюг», – любезно подсказала Ханка Беде. – Им все равно, что принимать.

Раздались смешки, а магистр согласно кивнул:

– Ах да, я забыл. Кто там у вас на попечении, адептка Войта? Карликовый дракон? Может, ему и сгодится ваша микстура для усиления пламени!

Студенты подхватили шутку магистра и все оставшееся время упражнялись в остроумии. Наша шестерка целителей магических существ общего веселья не разделяла и с мрачным видом выслушивала подколки.

– Так и знал, что стану посмешищем, – прошептал в сердцах Змиевский. – Нужно было сразу забирать документы из академии и уходить.

– Мало того что на второй год оставили, так еще и оскорбления приходится терпеть, – согласился с ним Яцек.

– И выгуливать этих гадов хвостатых, – закивал толстяк в очках, которого, как выяснилось, звали Петр Лежак.

– Кстати, – встряла я, – раз уж речь зашла о животных. Вчера после практического занятия вы все сбежали, и мне одной пришлось кормить и выгуливать питомцев!

– Не все сбежали. Наверняка Змиевский опять возле Грифа почем зря простаивал, – возразил адепт Воганька.

– Змиевский был, – согласилась я, правда, пока не слишком понимала, какой толк от его молчаливого «общения» с гиппогрифом. – А вот ты не пришел. И ты, Яцек, забыл покормить обедом дракономопса. Он слопал еду у Полли, за что та прикусила ему хвост.

– Я делом занимался и проводил важные опыты. А Зубаст молодец, сам о себе позаботился, – парировал Яцек, наградив дракономопса кличкой.

– А я в библиотеке была, – поддакнула Вилка, одарив меня виноватой улыбкой.

– Я вообще не собираюсь приближаться к этой кошке с куриной головой, – наморщился адепт Лежак. – У нее такой злобный вид, заклюет еще.

– Это не кошка, а альрун Крылатик! – подсказала я. – Между прочим, он единственный, кто вчера слушался меня, – погулял, полетал над парком и даже помог выследить хомяков, которые опять прятались в кустах и не хотели возвращаться в дом.

– А чего их отслеживать? Нагуляются и вернутся, – заметил Воганька, ответственный за заботу о Васе и Базе. Вернее, совершенно безответственный тип!

– Значит, так, – заявила я. Как раз прозвенел звонок, студенты ринулись к выходу, и можно было спокойно поговорить с сокурсниками. – Я больше ваших подопечных кормить не буду. И покрывать перед зрителем не стану. Вчера я соврала, что якобы вы попросили меня присмотреть за животными, так как заняты на дополнительных занятиях. Но сегодня выкручивайтесь сами!

Сложив учебники в сумку, я гордо удалилась из аудитории под возмущенные окрики парней. Нет, ну а чего они ожидали? Мне, может, тоже после лекций надо бежать на курсы лиры Эндрю, а вечером возвращаться в Будеж, показывать тете записи и до ночи готовиться к занятиям. А вместо этого я вылавливаю хомяков и выгуливаю Крылатика. И вообще, звери – не мое! Вот были бы растения, совсем другое дело. Я бы часами из оранжереи не выходила!

Пыхтя и возмущаясь, я добралась до парка. Уже возле зверинца меня догнала Вилка.

– Лиска, ну прости, – покаялась она. – Библиотека работает до шести, а я и так по всем предметам отстаю. И если честно, боюсь я эту змеюку! Как обовьет хвостом ногу – у меня душа в пятки уходит! А еще знаешь что?

– Что? – поинтересовалась я.

Долго злиться на Вилку я не собиралась. Она моя единственная подруга в академии и союзница.

– Полли появляется внезапно! – с ужасом прошептала Вилка.

Мы с ней уже подошли к зданию питомника, и подруга опасливо поглядывала на дверь.

– Так она же магическое существо. Магистр Костюшко на последнем занятии как раз упоминал, что магия гибрида аспиды с рейнеке чем-то схожа с магией горгульи. Только последняя перемещается на дальние расстояния и может переносить большие предметы, а Полли вроде бы способна преодолеть магический заслон. Но это все в теории, на практике за ними подобного не замечали: твоя Полли ползает, а моя горгулья даже гулять из клетки не выходит.

– Может преодолеть магический заслон? – заинтересованно повторила мои слова Вилка.

Я не обратила особого внимания на оживление подруги, куда больше меня волновала встреча с Матюшей.

Сегодня горгулья засела в проходе. Кашу с мясом она не доела, а в загоне стоял запах болотной тины. Не иначе животное откуда-то притащило рогоз или осоку и втихаря слопало. Магистр Костюшко разводил руками и уговаривал зверя съесть кашу, Матюша морщилась и отворачивалась. Завидев нас, смотритель пожаловался, что у горгульи опять нет аппетита. А тут и жаловаться нечего – кое-кому надо меньше есть всякую гадость!

К слову, моя пламенная речь возымела действие. Однокурсники, все, кроме адепта Лежака, пришли покормить подопечных. А Яцек даже помыл дракономопса, который утром успел найти грязную лужу и весь в ней извозился.

Адепт Воганька, ругаясь, долго вылавливал в парке спрятавшихся в кустах Васю с Базей.

А Вилка после уборки и кормежки присела на крыльцо, тяжело вздыхая. Наевшись, «змеюка» Полли подползла к новой подруге, пристроила лисью голову на ее плечо и задремала, посапывая.

Вредный, а может, и вредная, Матюша меня принципиально игнорировал. Я так и не определилась, он это или она. Вот с Крылатиком все было ясно. Мало того что откликался на имя, так еще и живо отзывался на приглашение погулять по парку. Зверь важно вышагивал рядом, сложив на спине крылья. А я любовалась плавными кошачьими повадками, мягкой пятнистой шерсткой и такого же цвета оперением, покрывавшим крылья и птичью голову. Но любовалась я на

зверя недолго, вскоре взгляд выхватил в траве знакомый цветок. Найти красную руту – огромная редкость и удача! Подбежав и встав на колени, я принялась рассматривать растение. И расстроилась. То ли ветер, то ли кто-то из магических зверей оборвал все листочки. А для зелья, которое я задумала, нужны именно толченые листья руты, а не красные лепестки и корни. Если использовать лепестки, получится настоящее приворотное зелье, которое определит любой маг. Варить такое – нарушать закон. Корни же хороши для избавления от морщин, прыщей и бородавок. Именно из корней руты я готовила настойки красоты, которые выравнивали кожу и пользовались в наших аптеках успехом. А вот о свойствах листьев я не знала, пока мне об этом не поведала лира Эндрю. По ее заверениям, вместе с заклинанием «охмурились» зелье с листьями руты вызовет лишь мимолетную симпатию. А мне другого и не надо. Я не собираюсь привораживать ректора Тори – только убрать предвзятое к себе отношение. Возможно, тогда он разглядит мой ум, душу, чудесный характер, а не те килограммы, которые все это скрывают.

Но что толку мечтать – листиков на стебле не было. Я разочарованно вздохнула и отползла от цветка. Неожиданно Крылатик толкнул меня в плечо, а затем скользнул хвостом по руке, заключив запястье в кольцо. Зверь прошел вперед, потянув меня за собой.

– Эй, ты чего? Отпусти!

Я попыталась вырваться из захвата, но не тут-то было. Карликовый альрун не обращал на мои возмущенные крики никакого внимания, продолжая пробираться вглубь парка. Я начала нервничать: территория-то огромная, а магические животные до конца не изучены. Магистр Костюшко так и не ответил на вопрос, в чем магия того же Крылатика. Только заметил, что у животного особая связь с природой. Чувствую, что здесь, посреди этой самой природы, альрун мной и отобедает. Вон у него клюв какой огромный, хвост – как канат, и когти острые! Я, глупая, его еще защищала перед адептами. Вдруг Крылатик вчера не помогал мне искать Васю с Базей, а охотился на них?

– Пусти! – Я вновь попыталась вырваться, но зверь припустил, и теперь мне пришлось за ним бежать.

Самое время кричать и просить о помощи. Но крик так и застыл в горле, когда мы очутились на небольшой полянке, усеянной цветами с

красными игольчатыми головками и аккуратными заостренными листиками на тонких изящных стебельках. А как дурманил сладковатый аромат руты! Крылатик принюхался, смешно щелкнув клювом, и улегся на траве, блаженно прикрыв глаза.

– Спасибо! – поблагодарила я зверя, который, как оказалось, привел меня на усеянную цветами красной руты поляну.

Сорвала несколько листиков и на всякий случай прихватила лепестки. Мало ли, как жизнь сложится. Может, слабое зелье не подействует на светлого мага высшей категории, придется пойти на крайние меры и сварить отвар покрепче.

Завернув добычу в платок и убрав в карман, я подошла к Крылатику и погладила по голове. Но затем испугалась и руку убрала. Животное приоткрыло один глаз, насмешливо фыркнуло и заурчало, подставляя голову под мою ладонь. Я осмелела, провела пальцами по перышкам, нежно перебирая, прошла по мягкой шерстке на спине и коснулась хвоста. Крылатик вновь фыркнул, но теперь, кажется, недовольно, поднялся на лапы и прошел мимо, покидая поляну. Я поторопилась за ним. Лишь ближе к жилищу альрун разбежался и легко взмыл в воздух, плавно взмахнув крыльями. А я задумалась. Получается, животное разумное, раз догадалось, что именно я ищу. И ведь знал, где растет красная рута. Вот и связь с природой, о которой говорил магистр Костюшко. Но я была уверена, что это не все тайны Крылатика и зверь еще удивит. Увы, обсудить с магистром поведение альруна я не могла. Тогда придется признаться, что за цветы искала, а главное – зачем. Да и времени на разговоры не было. Я даже с Вилкой толком не успела попрощаться, а мы ведь планировали посмотреть комнату, в которую должны заселиться. Но сейчас я торопилась в город на курсы лиры Эндрю.

По дороге размышляла, как взять директрису в союзницы и попросить помощи в приготовлении охмурительных капель. В подобном у меня опыта не было. И надо решить, куда добавить зелье: в духи, в напиток или в еду? Но еду ректор может и не принять из чужих рук. Или пропитать настойкой страницы книги? А вдруг лер Тори принимает сильный антидот и ему все эти зелья нипочем? Наверняка многие студентки и до меня пытались опоить ректора, но судя по тому, что он нашел невесту на стороне, а не в академии, – пытались безуспешно.

Что же делать? Боюсь, без зелья не доживу до первой сессии, а Амадор Тори так никогда и не узнает, что потерял в моем лице свою самую хорошую адептку!

Глава 8

Какой (не)приятный сюрприз!

На занятия к лире Эндрю я немного опоздала, но это уже стало в порядке вещей. Дама была хорошо воспитана, лишь слегка пожурила и... предложила мне чаю. На самом деле под «чаем» подразумевался большой кусок пирога с бульоном и салатом. Аппетит у меня был зверский, потому что обеды в академии я пропускала. Как и дополнительные занятия в лаборатории и библиотеке.

Слушала директрису рассеянно, а ведь она говорила о важных вещах – как прическа и помада могут разительно изменить внешность. И даже не заметила, в какой момент лира Эндрю забрала из моих рук опустевшую чашку и достала из комода шкатулку с гримом и пушистыми кисточками разных размеров.

– Кожа у тебя хорошая – матовая, нежная, – довольно произнесла директриса, рассматривая меня. И это была чистая правда. Я нередко испытывала на себя крема собственного приготовления, которые варила для аптек. Лира Эндрю продолжила: – Ты симпатичная, у тебя миловидное лицо, густые волосы, а новый цвет тебе очень идет. Одна проблема: ты не умеешь себя правильно подать. Твои наряды не скрывают фигуру, а лишь неудачно подчеркивают недостатки. И розовый цвет помады тебе совершенно не идет, он для ярких блондинок с более светлым оттенком кожи. Тебе нужно подчеркнуть глаза, они у тебя выразительные...

Директриса приговаривала, касаясь моего лица кисточками, а я блаженно прикрыла веки и, кажется, вздремнула. Очнулась, лишь когда услышала знакомый крикливый голос:

– А вот и я!

Вздрогнула и уставилась на вошедшую в гостиную тетушку Лижбет. Надо сказать, выглядела старушка прекрасно. Она явно воспользовалась новым красителем, потому что седина исчезла, яркие рыжие кудряшки кокетливо выбивались из-под желтой шляпки, а та, в свою очередь, гармонировала с платьем. Не говоря уже о туфельках и сумочке, подобранных в тон.

– Тетя Лижбет? Вы? Здесь?! – с ужасом произнесла я. – Но как?

– Меня подвез лер Гульфрик. Мы давно с ним собирались посетить один рестор... в смысле музей в Жиге. Да и тебя хотела проверить. Должна же я знать, где ты пропадаешь с утра до вечера.

– С утра до вечера? – удивилась директриса и вопросительно посмотрела на меня.

Я поглядела на нее с мольбой.

– Конечно! Она целый день проводит на занятиях и только к вечеру добирается до дома. Все-таки очень большая нагрузка, хотя наш выбор пал именно на вашу школу по причине разнообразия предметов. – Тетушка уселась на диван и довольно улыбнулась: – Но, вижу, занятия идут девочке на пользу. С такой прической, Валюшка, ты стала похожа на мать. – Тетя театрально всхлипнула и смахнула несуществующую слезинку. – И глаза такие же огромные, лучистые. Вот если бы тебе еще похудеть...

– Мы с Валежкой это обсудим, – многозначительно произнесла лира Эндрю, явно намекая на то, что позже мне придется ей все объяснить.

Я обреченно кивнула. Как-нибудь выкручусь, главное, чтобы сейчас директриса не сдала меня тетушке. Иначе обман раскроется, и с моим обучением в академии можно попрощаться.

– Чай с пирогом? – вежливо предложила директриса гостю.

– Нет-нет, меня лер Гульфрик ждет в авто. Я ненадолго заглянула, – отмахнулась старушка и огляделась: – А где остальные ученицы? Что-то не вижу. И преподавателей не заметила. Это что же, племянница у вас одна обучается?!

Тетушка прищурилась, заподозрив обман, лира Эндрю смутилась, а я поспешила на помощь:

– Так все уже ушли! Лекции по утрам, группы большие, преподавателей, как и предметов, много. Это я осталась на дополнительные занятия, вы же знаете, тетя, «Модный приговор» мне дается с трудом! А классы напоминают гостиные, чтобы студенты чувствовали себя как дома.

Теперь уже лира Эндрю мне благодарно улыбнулась, а тетя расслабилась, приняв объяснения.

– Это правильно. Тебе, Валюшка, надо много заниматься, до положительного результата еще далеко. А может, на неделе девочка поживет здесь? – неожиданно предложила тетушка. – Помню,

в объявлении была приписка «обучение с возможностью проживания в школе». С такой большой нагрузкой ездить каждый день туда-сюда племяшке тяжело.

– Да! – радостно вскрикнула я, подпрыгнув от нетерпения на диване, а роскошная прическа вмиг развалилась, осыпаясь тяжелыми локонами по плечам.

Только бы директриса согласилась мне подыграть.

– Я не против, – помедлив, произнесла она. – Комнату для Валежки я найду. Но нужно решить вопрос с дополнительной оплатой.

– Это не проблема. Отец нашей девочки – Адам Кошмарек, известный в Альмерии аптекарь. Надеюсь, вы слышали о «Кошмарековых зельях»? Только, дорогая, я сама напишу твоему отцу и попрошу выслать денег. Я даже не предполагала, что воспитание молодой девицы так дорого обходится!

Довольная собой, тетушка проворно поднялась с дивана и направилась к двери.

– Раз мы все решили, жду тебя, Валюшка, в выходные. А пока учись, все подробно записывай, а я проверю.

– Э... а как же мои вещи? – промямлила я.

– А я привезла! – мило улыбнулась тетя, подвинув ногой одиноко стоявший в коридоре саквояж. – Марта на всякий случай собрала, а я на всякий случай прихватила. Теперь, когда я убедилась, что заведение приличное, а ты в надежных руках, можешь остаться. В пятницу вечером мой водитель будет ждать тебя на станции в Будеже. Не провожайте!

Тетя Лижбет отправила мне воздушный поцелуй и направилась к выходу. Мы с лирой Эндрю одновременно прильнули к окну и наблюдали за тем, как тетушка садится в шикарный мобиль.

– А теперь рассказывай, Валежка! – строго произнесла директриса, как только мобиль скрылся за поворотом.

– Я не Валежка, я Элиска, – ошарашила лиру Эндрю и честно во всем призналась.

Рассказала и о помолвке, и о нашем с сестрой плане, и об учебе в академии.

– Вы не переживайте, отец обязательно заплатит и за курсы, и за проживание, – успокоила я женщину. – Только не выдавайте меня! Ведь учеба в академии – моя мечта!

– Значит, ты старшенькая Элиска? – уточнила лира Эндрю после моего рассказа. – И ректор академии, в которую ты поступила, – твой жених? Но он не знает, что ты его невеста? – Я кивнула, а директриса догадалась: – Так это для него ты хотела приготовить симпатическое зелье?

Я подтвердила и это. Как говорится, помирать, так с музыкой.

– Он меня с первого экзамена невзлюбил, а я... а мне...

– А он тебе нравится. – Лира Эндрю посмотрела на меня с сочувствием.

– Вовсе он мне не нравится, – пробурчала я. – Чувствую его предвзятое ко мне отношение и, боюсь, до сессии не дотяну. А хотелось бы сдать... доказать... влюбить... В смысле добить... Ой!

– Пусть будет так, – согласилась лира Эндрю. – Зелье мы приготовим. Только нужна...

– Красная рута? Так я достала! – И вытащила из кармана листики руты.

– Даже не спрашиваю, где ты нашла этот редкий цветок, – усмехнулась наставница. – Но чтобы зелье сработало, нужен какой-нибудь предмет, принадлежащий объекту. Что-то, чего он касался.

– Одежда?! – ойкнула я, представив, как снимаю с ректора Тори пиджак. А лучше рубашку.

– Любой личный предмет. Расческа, кольцо...

– Носки... – подсказала я, а лира Эндрю фыркнула.

Поправив очки, она строго произнесла:

– Лучше расческу, можно пуговицу, перо, книгу, но только ту, что принадлежит ему. Дело в том, что на предметах, которых касался твой ректор, остается частичка энергии. Мы ее соберем, привяжем заклинанием к зелью, и оно сработает только на нужный нам объект. Если кто-то случайно выпьет или понюхает зелье, ничего не произойдет. Только ты и он...

– Я и он... – мечтательно протянула, но, вспомнив, что все же речь идет не о приворотном зелье, а о симпатическом, приструнила фантазию и перешла к обсуждению рецептуры.

Торопиться уже было некуда, в Будеж я не вернусь до конца недели. Остается еще раз обговорить с лирой Эндрю детали, отправиться в академию... и осуществить задуманное!

Глава 9

Посторонним вход воспрещен, а студентам – тем более!

– Лер Дуб, не могли бы вы показать нам нашу комнату?

Я успела вернуться в академию до отбоя. Обнаружила Виларию в библиотеке, и мы вместе направились к куратору отделения «сдаваться».

– Молодцы, адепки! – похвалил нас магистр Дуб. – Действуете согласно инструкции, сроков не нарушаете. За мной!

Прихрамывая, куратор направился из главного здания в сторону парка, на территории которого находился наш учебный корпус. Спальни располагались на втором этаже над классами. Вероятно, планировалось, что в дальнейшем отделение «Исцеление магических животных» будет многочисленным, потому что комнат было немало. Судя по громкому смеху, наши сокурсники уже заселились.

Миновав общий холл и покои куратора, мы подошли к узкому коридору, в котором заметили двенадцать дверей.

– Жить будете вдвоем. – Лер Дуб открыл ближнюю дверь, пропуская нас в светлую комнату с четырьмя кроватями и столами возле стены; у двери красовался высокий пузатый шкаф. – Удобства в конце коридора, – продолжал объяснять куратор, пока мы осматривались. – Дверь на второй этаж я запираю в десять вечера на замок.

Вилка поставила саквояж с вещами у кровати, что находилась за шкафом. Я выбрала постель за дверью. А когда высунулась в окно, ахнула от открывшегося вида на парк. За пышными кронами деревьев разглядела яркую крышу здания, где жили магические звери. А в наш подоконник упирались развесистые ветки старого дерева. Я отметила толщину и прочность. При желании можно спуститься.

– Неплохо, – пробормотала Вилка, которая тоже подошла к окну и с любопытством разглядывала дерево.

Видимо, нам с ней пришла одна и та же мысль, потому что мы переглянулись и одновременно принялись восхищаться чудесным

видом.

– Красота – не главное, главное – удобство! Зверинец рядом, до главного корпуса рукой подать, – строго заметил преподаватель. – Если будут вопросы – обращайтесь. Моя комната поблизости, на двери табличка «Куратор». На мужскую половину не заходить, по ночам по зданию не бродить, подъем в семь тридцать, расписание на тумбочках.

Дав распоряжения и пожелав спокойной ночи, лер Дуб покинул нашу спальню, а мы с Виларией, немного поболтав, принялись раскладывать вещи.

Все вроде бы складывалось неплохо. Комната удобная, вид из окна прекрасный, только жаль, что учебный корпус и преподавательские коттеджи в другой стороне, ведь мне нужно как-то проникнуть в кабинет лера Тори, а может, и в спальню, чтобы изъять личную вещь.

Вилка, вероятно, тоже что-то замыслила: до меня доносилось ее напряженное сопение и ворчание. Вдруг парк огласил жалобный вой Матюши. Горгулью поддержал громким клекотом гиппогриф, следом раздался гортанный зов Крылатика. Мы с подругой одновременно простонали, и пришлось закрыть окно. Только устроились поудобнее, как возле шкафа раздалось подозрительное шуршание.

– Лиска, здесь кто-то есть, – с ужасом прошептала Вилария. – Ко мне ползет... Мамочки, я боюсь!

Мне и самой стало страшно. Я потянулась к ночнику и на всякий случай взяла с тумбочки увесистый том «Бестиария». А когда зажегся свет, не знала, кричать или смеяться.

– А-а-а! – тоненько верещала Вилка. – Как она здесь оказалась?!

«Змеюка» Полли проворно заползала на кровать, лисья морда смешно фыркала, принюхиваясь к накрахмаленному постельному белью.

– Наверное, почувствовала тебя по запаху, – хмыкнула я. – Это любовь!

Гибрид аспида и рейнеке медленно подбирался к Виларии, доверчиво заглядывая в глаза.

– И что мне с ней делать? – вздохнула Вилка и нерешительно почесала Полли за ушком.

Та заурчала и свернулась колечком в ногах у подруги.

– Может, отнесем ее обратно? – предложила я.

Магическое существо вмиг встрепелось и злобно на меня зашипело.

– Ладно, пусть остается, – отмахнулась Вилка, забираясь на постель повыше и натягивая на плечи одеяло. Она посмотрела на присмирившую Полли и строго произнесла: – Только ближе не подползай, в объятиях не души, спи в ногах! Ясно?

Зверь довольно фыркнул, обвил кончиком хвоста ножку кровати и расслабился, тут же засопев. Вилка, повозившись, тоже вскоре заснула. Я же лишний раз порадовалась, что у нас с горгульей отношения оставались напряженно-настороженными. Страшно представить, если бы в комнате появилась Матюша и улеглась рядом. Нет уж, лучше сохранять дистанцию. А еще лучше – попросить декана Матеуша или ректора Тори перевести меня на зельеварение. Заодно будет повод посетить ректорский кабинет и незаметно стащить личный предмет. В ближайшие дни мы с лирой Эндрю собирались приготовить симпатическое зелье.

Утром Полли исчезла, и мы с Вилкой с облегчением вздохнули. Нет, по-своему она была милой: тихая зверушка с хитрой лисьей мордочкой. Но вот змеиное тело вызывало ужас. Во всяком случае, у меня, потому что Вилария, как мне показалось, привыкла к облику новой подруги, даже разрешила спать в своей кровати, пусть и в ногах. Я же считала, что у зверей, особенно таких своеобразных, должен быть собственный дом и постель. Тот же дракономопс от радости опалит хозяина огнем, лечись потом. Все же звери – категорически не мое!

С суровой действительностью меня смог примирить только сытный завтрак.

В столовой наше «элитное» отделение по-прежнему держалось особняком, мы ловили на себе насмешливые, а порой и пренебрежительные взгляды. Валежка наверняка не потерпела бы подобного отношения к своей персоне. Сестрица за пару дней успела бы со всеми подружиться, заручиться поддержкой преподавателей, и МЖ-отделение считали бы самым перспективным, а Ханка Беде кусала бы локти, что ее не взяли. Но я не сестра с ее даром очаровывать людей и убеждать даже в том, чего на самом деле не существует. Я привыкла проводить все свободное время в лаборатории

за опытами и чтением аптечных журналов, а в последнее время изучала статьи о настойках красоты, ибо необходимо было подобрать расхожий товар для «Кошмарековых зелий». Так что большого опыта общения с животными у меня не было, поэтому самым правильным решением будет перевестись на отделение зельеварения.

Но когда вчера после лекции я заикнулась о переводе, декан Матеуш даже слушать не стал, а сразу отправил к ректору. Ничего не оставалось, как пойти в логово зверя... в смысле в кабинет Амадора Тори.

Постаралась улизнуть из столовой незамеченной, но Вилка о чем-то догадалась и выбежала за мной:

– Ты куда? До занятий еще полчаса! А мы запеканку творожную не попробовали.

Запеканка, безусловно, меня манила, но ради дела я готова была ею пожертвовать. Пришлось поделиться с подругой планами. Разумеется, только относительно перевода. О том, что собиралась прихватить из кабинета ректора личную вещь, необходимую для приготовления симпатического зелья, умолчала. Мы еще не настолько близки, чтобы делиться сокровенным.

– Я с тобой! Тоже попрошу перевода на отделение врачевания. А еще ключ от библиотечного хранилища. Представляешь, все редкие книги хранятся в отдельной комнате, доступ к которой только у ректора?

– Безобразие! – поддакнула я.

Сама я до библиотеки так и не добралась. Нет, я туда, конечно, мельком заглянула, отметив, что помещение огромное, а стеллажи с книгами уходят вверх на несколько ярусов. Но книги еще не заказывала. Справочник по классификации растений у меня был с собой, а «Бестиарий» и учебники по теории магии и базовым заклинаниям нам выдали на руки. Да и преподаватели давали на лекциях много информации, мне пока с лихвой хватало.

В коридоре возле приемной ректора мы столкнулись с симпатичной девушкой в модных, как и у Вилки, брюках и укороченном жакете. Незнакомка скользнула по мне взглядом, зато округлила глаза, увидев Виларию.

– Лиска, ты иди. Я кое-что вспомнила. – Вилка подтолкнула меня к приемной, а сама резко развернулась и последовала в другую

сторону, оглядываясь на девушку.

А та поторопилась за ней.

Эти двое явно были знакомы, но, судя по всему, не хотели, чтобы об этом кто-то догадался. Да больно и надо, у меня своих тайн полно. И одна из них засела в ректорском кабинете.

– Куда?! – взвизгнул щуплый молодой человек в ярком малиновом пиджаке, черных блестящих брюках и рубашке с оборками на груди. Он выскочил из-за стола и закрыл тщедушным телом проход в кабинет: – К ректору на прием – строго по записи!

И указал мне на стол, где рядом с табличкой «Главный помощник ректора лер Пшемик Дергун» стояла еще одна – с днями и часами приема. Тут же красовалось объявление: «Запись на аудиенцию к ректору Тори – только на следующий месяц!»

– Как «на следующий»? – оцепенела я. – Мне надо сейчас!

– Всем вам надо, а ректор Тори один, – надменно заявил главный помощник, не подпуская меня к кабинету.

– Но у меня срочный вопрос, – не сдавалась я, наступая на секретаря.

– Знаем мы эти срочные вопросы, – огрызнулся тот и раскинул руки, перекрывая вход. – Поступаете, только чтобы выйти замуж! Занимаете чужие места. А достойные кандидаты пробиться не могут!

Судя по истеричным ноткам в голосе, лер Дергун был из тех самых не пробившихся, но достойных кандидатов. Видимо, решил устроиться помощником ректора, чтобы заручиться поддержкой руководства при следующем поступлении. Секретарь хотел еще что-то добавить, но в этот момент дверь резко открылась, стукнув его по спине. Помощник, пошатнувшись, отлетел в сторону, а я воспользовалась ситуацией и выступила вперед, возникнув перед ректорским взором:

– Лер Тори, вы мне нужны!

– В каком смысле, адептка Комарек? – выгнул надменную белесую бровь ректор, а в глазах заплясали смешинки.

Ну надо же, я развеселила ледяную глыбу. А главное, он основательно запомнил мою фамилию, пусть и поддельную. Значит, не все потеряно.

Я пошла в наступление, пытаюсь просочиться в кабинет:

– Мне нужно с вами поговорить!

«А еще изъять личную вещь для приготовления симпатического зелья», – добавила про себя.

– Так запишитесь на прием, – вздохнул ректор и перевел взгляд на помощника: – А вы, лер Дергун, заберите характеристики на старшекурсников у декана некромантов и срочно принесите мне. И выведите наконец посторонних из помещения!

– Я не посторонняя! Я ваша студентка, можно сказать, будущая гордость академии! И у меня срочный вопрос!

Действовать надо было решительно. Пока секретарь пытался схватить меня и оттащить от двери, я поднырнула под ректорской рукой и юркнула в кабинет. Подбежав к столу, намертво вцепилась в столешницу. Теперь этот Дергун вряд ли вытащит меня отсюда – комплекция не та!

– Ладно, будущая гордость академии, говорите. Только быстро, – смиловился ректор Тори и вернулся в кабинет, прикрывая дверь.

Я осмотрелась и разочарованно вздохнула. Ректорский стол был абсолютно пуст – ни тетради какой завалящей, ни карандаша обгрызенного, ни сладостей и прочих личных вещей. Что же делать-то? Где же их взять?

– Адептка Комарек, вы испытываете мое терпение, – уставшим голосом произнес ректор и опустился в кресло.

– Прошу перевести меня на отделение зельеварения, на которое я изначально и поступала. Целительство магических существ – не мое! – решительно заявила я, приблизившись к ректору и разглядывая его.

Пуговицу, что ли, от сюртука оторвать? Или волосок дернуть? Остается случайно упасть на ректора. Только как, если он сидит, да еще отгородился от меня столом?

Но план продумать не успела. Позади раздался незнакомый голос. Мужчина стоял в отдалении у окна, и я не сразу его заметила. Хотя такого грех не заметить – высокий, статный, с черными волосами до плеч. Мрачный и красивый. Не иначе как темный маг высшей категории. Или еще хуже – некромант!

– Амадор, ты все же открыл новое отделение «Исцеление магических животных»? – произнес незнакомец и направился к столу.

Он с интересом посмотрел на меня, кивнул в знак приветствия и расположился в одном из кресел, закинув ногу на ногу.

– Пришлось, Хейм. Матеуш настоял, да и с магическими существами нужно что-то делать. Развели в академии зверинец! Придется изучать и лечить, – посетовал лер Тори.

– Повезло, что смогли отыскать магических зверей, в наши дни это большая редкость, – отозвался собеседник.

– Да, с магическими существами повезло, а со студентами – не очень. Вот, полюбуйся! – И ректор небрежно указал на меня. – Недельку отучилась и уже бежит. Именно поэтому я и был против набора юных дев в академию: ни знаний, ни характера.

– Я не бегу! Просто лечение существ – не мое. Я люблю растения. Я хочу... могу... и буду... – попыталась объяснить, но, как и в день экзамена, под пристальным ректорским взглядом растеряла весь запал, смутилась и осеклась.

– А если не бежите, то покажите, что вы собой представляете, адептка Комарек! – строго произнес ректор Тори. – Или вы пришли в академию с иной целью и учеба вас не интересует?

– Очень даже интересует! – возразила я.

– Тогда идите и готовьтесь к занятиям! Завтра вас спрошу. Пока вы не блещете знаниями. Ни о каком переводе речи быть не может! Только об отчислении, – закончил нравоучения ректор и указал на дверь.

Я кивнула и под насмешливым взглядом гостя покинула кабинет.

Секретаря поблизости не наблюдалось, и я прислонилась спиной к двери, пытаясь восстановить дыхание. Только зря пришла: и отчитали, и личную вещь не достала, да еще опять засмушалась.

Уже собиралась уйти, когда расслышала слова гостя:

– Суров ты, Амадор. Девчонка от страха слова вымолвить не могла.

– Раз не может вымолвить, нечего в академию поступать! Пусть дома сидит или замуж выходит, – с раздражением ответил ректор.

Я прижала ухо к двери, вслушиваясь в каждое слово.

– Кстати, о замужестве. Слышал, ты тоже скоро женишься? – поинтересовался мужчина, а я задержала дыхание.

– Да. Отец навязал мне брак и выбрал невесту, даже со Страшневицким консультировался.

– Ты же знаешь, что он мошенник, – удивился гость.

– Я-то знаю, – нехотя согласился ректор. – Только для отца он по-прежнему королевский звездочет. В детали мало кто посвящен, король предпочел замять тот скандал.

– И кто же твоя невеста? Ты ее хоть видел?

– Видел. На портрете. – В голосе ректора послышалось разочарование. – Дочка богатого столичного аптекаря. Все ее достоинства – приданое да аристократические предки. Ты же знаешь, мой отец на этом помешан.

Я сдержала горький смешок. Нет, про приданое все верно, папаша на нас с Валежкой экономить не станет, а вот с аристократическими корнями не все так просто. Отец с юности был одержим идеей попасть в высший свет, и когда разбогател, купил родословную за баснословные деньги, не подкопаешься.

– Но жить-то тебе с женой, а не с финансовыми вливаниями. Невеста хоть симпатичная? – вновь спросил темноволосый гость.

– Чем-то напоминает адептку, которая заходила. Только невеста темненькая и в очках, а эта блондинка. Внешность простовата. И наверняка глупа, раз к двадцати годам ни образования не получила, ни замуж удачно не вышла.

– Кто глуповат и простоват? Адептка или невеста? – хмыкнул собеседник.

– Полагаю, обе, – фыркнул лер Тори в ответ, а я от негодования сжала кулаки.

– Амадор, а разве это не то, чего ты хотел? – задал гость неожиданный вопрос. – Не ты ли говорил, что ищешь породистую жену из обеспеченной семьи, покорную, послушную, а внешность для тебя не важна?

– Говорил. Но одно дело, когда выбираешь сам, другое – когда родитель тебе навязывает не пойми кого...

Слова ректора прозвучали как пощечина. Как это «не пойми кого»?! Очень даже «пойми»! Я не страшилка какая, разбираюсь в зельях, а что не училась, так это потому, что последние два года помогала папеньке восстанавливать дело. А что замуж не вышла... Выйдешь тут, когда судьба постоянно подкидывает таких вот блондинистых снобов с самомнением размером с эту академию!

Но теперь хотя бы стало ясно, почему ректор Тори меня невзлюбил. Я напоминаю ему невесту! Хотя это и понятно. У нас с

ней, можно сказать, одно лицо, как ни маскируйся. И получается, что папенька мне соврал. Амадор Тори не выбирал будущую жену. Его, как и меня, к браку принудили родители. Что ж, он очень удивится, когда узнает, что я тоже не горю желанием выходить за него замуж. Устрою жениху сюрприз перед свадьбой, а пока все, о чем я мечтала, – это продолжить учебу в академии и стать лучшей адепткой!

Я вовремя перестала подслушивать, потому что в приемную вернулся секретарь с толстенной папкой. Юноша бросил на меня злобный взгляд и важно проследовал в кабинет ректора, хлопнув дверью. Я же покидала приемную в раздумьях.

После услышанного симпатия к ректору... да что там симпатия – глупая влюбленность, испарилась. Ну как... как можно судить о человеке по какому-то портрету?! Да он даже не попытался встретиться с невестой, чтобы ее узнать! А может, за невзрачной внешностью скрывается прекрасная душа? Хотя что лукавить, я тоже не горела желанием сблизиться с прежними женихами и узнавать их лучше. Без лишних сантиментов успешно избавлялась от кандидатов, потому что замуж не хотела, да и никто из них мне не нравился. Вот лер Тори мог бы меня переубедить. Раньше. Но теперь, когда я узнала его поближе, шансов у Амадора Тори нет!

Высокомерный тип! Тиран! Деспот!..

Именно эти слова меня угораздило пробормотать, когда я вошла на занятия по боевой магии. К сожалению, лер Дуб их расслышал и принял на свой счет. Преподаватель гонял меня весь урок, заставляя бегать, приседать и отбивать удары. Но все это было сущей ерундой по сравнению со словами ректора. Ведь мне казалось, что под надменной маской красавца скрывается добрый и нежный мужчина, стоит только растопить лед в его сердце. Но вся проблема заключалась в том, что никакой маски не было. Холодность, высокомерие, грубость – истинная суть Амадора Тори. А я всего лишь фантазерка, которая впервые увлеклась мужчиной. Самым неподходящим из всех. Что ж, я еще подумаю, стоит ли готовить симпатическую настойку и добиваться расположения ректора. Пожалуй, налягу на знания и докажу, что чего-то стою!

Глава 10

Отступление – не бегство, а хитрый маневр

– Все вышеперечисленные источники являются магической подпиткой, – отчеканила я определение, а до этого уверенно привела несколько примеров и теперь выжидала вердикта ректора Тори.

Вчера пришлось вызубрить второй параграф учебника, да еще и дополнительную литературу почитать, ибо светлый маг высшей категории грозился меня спросить.

– Уже лучше, adeptка Комарек, – скупой похвалил Амадор Тори и позволил вернуться на место. – А теперь прошу adeptку Беде перечислить базовые заклинания.

Ханка Беде вскочила с места, поправила очки, а заодно и кудри, и начала отвечать. Правда, она забыла назвать парочку заклинаний. Впрочем, ректора это не смутило, и он одобрительно улыбнулся:

– Прекрасно! Вижу, что вам нравится мой предмет и вы усердно готовились к занятиям.

– Ваш предмет – мой самый любимый! – горячо заверила студентка. – А вы – самый лучший преподаватель из всех! Так все доступно объясняете, что даже сложные вещи кажутся простыми. В смысле понятными.

Ректор довольно кивнул, проглотив неприкрытую лесть, а Ханка вернулась на место под радостное щебетание подруг и смешки студентов.

– Да она отвечала хуже, чем ты, – шепотом возмутилась Вилка. – Почему у тебя «уже лучше», а у нее «прекрасно»? Подхалимка!

– Adeptка Войта, вы что-то хотели добавить?

Разумеется, из всего курса Амадор Тори заметил именно наши перешептывания.

– Я? Нет, что вы! – отмахнулась от преподавателя Вилария.

– Может, все же напомним составляющие базового заклинания «просперум»? – не отставал преподаватель.

– Пэ-э-э... Мэ-э-э... – замычала Вилка.

Я начала ей подсказывать:

– Заклинание процветания и благосостояния. Символ двух скрещенных треугольников означает...

– Не стоит, адептка Комарек, иначе я поставлю «неуд» не только вашей подруге, но и вам! – рявкнул ректор, и мне пришлось замолчать. – Кто может ответить?

Студенты потянули руки, и ректор спросил одного из юношей.

Вилка упала на скамью и опустила голову.

– Ну не даются мне эти заклинания, растения, зелья... – простонала она. – Не мое!

– Зачем же ты поступила на целительский? – в который раз удивилась я. – Может, еще не поздно перевестись на другой факультет?

– Не могу, мне нужен этот! Только не зверье, а зельеварение с врачеванием, – вздохнула Вилария.

– А хочешь, я с тобой позанимаюсь? В зельях и базовых заклинаниях я неплохо разбираюсь, – предложила я подруге.

– Хочу! – обрадовалась та. – Только, жаль, лаборатория редко открыта для дополнительных занятий. Жди теперь следующей недели, чтобы научиться готовить простейшие настойки.

– С лабораторией готов помочь. Могу отвести туда... ночью, – любезно предложил адепт Яцек, который сидел по другую руку от Вилки и прислушивался к нашему разговору.

– Спасибо! – поблагодарила его подруга, и они принялись обсуждать детали.

Я не стала ей напоминать, что именно Яцек в прошлом году взорвал лабораторию, поэтому его и перевели на наш курс. Да и ночью после отбоя можно нарваться на выговор или отчисление.

Занятия закончились, адептка Беде первой подбежала к ректору, живо интересуясь каким-то вопросом. А я почему-то с завистью наблюдала за тем, как мой жених улыбается этой девице. Вот и пусть на ней женится! Будет супруга, о которой он мечтал: и подтявкнет послушно в нужный момент, и на команды вовремяотреагирует, и не опозорит. А что, эта Ханка – вылитый дракономопс. Вон улыбка такая же хищная и зубастая, а вместо огня – яд, только ректор Тори отчего-то этого не замечает.

– Какая же она противная, вся в своего папашу-инспектора, – фыркнула Вилка, тоже наблюдая за беседой ректора с Ханкой.

– У нее отец полицейский? – удивилась я. – Странно. Думала, что целитель. Она так прекрасно разбирается в предмете.

– Как сказать, – засомневалась Вилка. – На экзамене она отвечала прекрасно, словно заранее знала вопросы с ответами, а вот на занятиях у нее больше рвения, чем знаний. Хвалит ее наш ректор авансом.

– Чего ж не хвалить с таким-то уровнем магии. У меня первый, а у нее седьмой, – неожиданно для себя позавидовала я Ханке Беде, хотя прежде со мной этого не случалось.

– Пф, да хоть десятый! Делов-то, – фыркнула Вилария и тут же осеклась: – Надо бы поподробнее узнать про эту Ханку и откуда у нее взялся седьмой уровень. Насколько я знаю, у главного инспектора Беде магии нет. Что-то здесь нечисто.

Подруга говорила загадками, но поинтересоваться, что она имеет в виду про «нечисто», не успела. Меня схватил за руку куратор нашего отделения Лер Дуб и потащил в коридор. Он подошел к компании старшекурсников и обратился к одному из них. К тому самому надменному темноволосому юноше, с которым я столкнулась при поступлении.

– Адептка Комарек, – произнес куратор, а я сразу почувствовала, что ничего хорошего он мне не скажет. – У вас хромает физическая подготовка, причем на обе ноги! На вводных занятиях по боевой магии вы не можете усвоить простую защиту. А если завтра в бой? Как вы будете сражаться с противником, а?

– Она его интеллектом задушит, – хмыкнул рыжеволосый Бжижек, еще один студент, встреченный мной в первый день.

– Или весом задавит. Весом аргументов, – усмехнулся третий, худощавый юноша с белым ежиком волос.

Лер Дуб шутки не оценил и указал мне на темноволосого старшекурсника:

– Это Джер Райт, лучший ученик факультета боевых искусств. Я договорился с деканом его факультета, и адепт Райт станет вашим наставником. А вы, адептка Комарек, – его дипломной работой.

– Кем?! – возмутились мы одновременно с наставником поневоле. Кажется, ему идея тоже не понравилась.

– Адепт Райт, вы должны привести студентку Комарек в боевую готовность, в смысле в необходимую для занятий форму. И описать

методу, – выдал куратор и напоследок подбодрил нас: – Вперед! К победе!

После ухода преподавателя друзья Джера смотрели на него с сочувствием, а на меня – снисходительно. Четвертый приятель, высокий юноша с копной кудрявых каштановых волос, поинтересовался:

– Что будешь делать с этой неудачницей, Джер? Неужели и впрямь учить базовым стойкам и отражению ударов? Тогда надо расписать ей на каждый день физические нагрузки.

– Полы будет мыть и вещи мои постирает, вот ей и физические нагрузки, – фыркнул юноша и перевел на меня недовольный взгляд: – Жду тебя после ужина в моей комнате, Комарек. И не вздумай опаздывать, иначе сообщу твоему куратору, что ты срываешь мне диплом!

Адепт Райт под одобрительное хмыканье друзей направился в аудиторию, а я попыталась возразить:

– Я после ужина не могу, мне надо за горгульей ухаживать. У меня практика в зверинце!..

Увы, мой голос потонул в дружном смехе студентов.

– А еще у меня курсы в школе лиры Эндрю после обеда, – пробормотала я себе под нос. – А вечером надо учить уроки и позаниматься с Вилкой.

Я была возмущена до глубины души. Зачем лер Дуб придумал эти тренировки? Неужели припомнил брошенные в сердцах слова? Так я не его имела в виду, а ректора Тори. Хотя и куратор оказался не меньшим тираном. Я ведь не на боевой факультет поступала и даже не на некромагический, понимая, что там тоже нужна хорошая физическая подготовка, чтобы за умертвиями бегать. Или от них. У меня, можно сказать, интеллектуальный труд, работа с редкими магическими существами. Правда, после того как я отлавливала в парке Васю с Базей и бегала по поляне с Крылатиком, возникло подозрение, что из нас готовят зрителей лесопарка, а не целителей. Вот теперь еще и поломойкой заделаюсь. Красота, а не учеба!

Разумеется, я везде опоздала.

У лиры Эндрю успела только чаю с бутербродами попить и сообщить, что передумала очаровывать ректора Тори.

– Я покорю его знаниями, – заявила директрисе.

– Правильно! Но я бы подстраховалась. По возможности ты все же какую-нибудь ректорскую вещицу прихвати, – не сдавалась лира Эндрю.

Я нехотя согласилась, правда, меня сейчас больше волновал не ректор, а новый наставник. Решила дать ему категорический отпор и выразить протест. Чтобы я, Элиска Кошмарек, дочь известного аптекаря и аристократка, пусть только по документам, стирала одежду какому-то студенту?! Не для того я папеньку с тетушкой обманывала, чтобы в академии мыть полы.

Лира Эндрю мой протест полностью поддержала, пообещала подумать, как мне помочь, и завернула с собой пару бутербродов и печенье.

На ужин я уже не успевала, вместо этого заскочила к Матюше.

В зверинце было непривычно тихо, смотритель Пафнутий Костюшко обрадовался моему приходу и провел в загон к горгулье. Матюша сидела в углу в излюбленной позе, согнув ноги в коленях и положив подбородок на передние лапы. На мой приход она никак не отреагировала, лишь протяжно вздохнула.

– Что-то мой питомец не идет на контакт, – посетовала я.

Смотритель попытался меня подбодрить:

– Декан Матеуш пообещал подобрать древние книги, где есть упоминание о горгулье. Возможно, там мы найдем нечто полезное. В студенческом «Бестиарии», увы, дана общая информация.

– Слишком общая, – согласилась я. – Про уход и питание – два слова. И о магии туманно. Лишь сказано, что горгульи имеют способность к трансферальному переходу.

– Да-да, способность к перемещению, – подсказал лер Костюшко.

Я покосилась на массивную фигуру зверя, который застыл серой каменной глыбой. Такую с места не сдвинешь, а уж представить, что животное незаметно перемещается, вовсе невозможно.

– Пока Матюша не то чтобы перенестись, а выйти из загона не желает, – окончательно расстроил меня смотритель и прищурился, что-то припоминая: – Но иногда, с утра пораньше, сидит вся грязная, в тине, явно купалась в заболоченном пруду. А когда успела сбегать, не знаю. Двери-то были закрыты.

– Повезло мне с питомцем, – пробурчала я.

– Очень повезло. Горгулья – удивительный зверь, – попытался подбодрить меня лер Костюшко. – По легендам, которые многие считают сказками, горгульи сами выбирают себе друга среди людей и повсюду за ним следуют, защищают, помогают. А когда связка разрывается, зверь может на многие годы замереть, превращаясь в камень. На крышах некоторых старых зданий до сих пор сидят окаменевшие горгульи и ждут пробуждения.

Матюша по-прежнему сверлила взглядом стену, никак не реагируя на наш разговор.

Смотритель поохал и ушел. Я же забрала пустую кастрюлю и заглянула к Крылатику, подняв с пола грязную миску. Адепт, ответственный за уборку и уход, полностью игнорировал альруна.

В коридоре я споткнулась и чуть не выронила свою ношу. Хорошо поблизости оказались Вася с Базей. Потто проворно подхватили падающую посуду, помогли донести и даже помыть. А потом сопровождали в загон к уже спящему Крылатику и недовольной горгулье. Вспомнив, что у меня в кармане лежат бутерброды, я решила отблагодарить маленьких помощников. Разумеется, предварительно спросив разрешения у смотрителя.

– Этим ребятам все можно. Но главное – не перекормить, а то растут не по дням, а по часам, – пояснил лер Костюшко.

Довольные потто выхватили бутерброды, а Матюша, увидев, как я раздаю еду, громко завывала. Вася с Базей поторопились сбежать, по дороге дожевывая добычу.

Вытащив из другого кармана печенье, положила рядом с горгульей. Уверена, что от трех печенюшек зверю хуже не станет. Да и лер Костюшко говорил, что злаковые Матюше можно. Горгулья повела носом, накрыла лакомство широкой лапой и придвинула печенье к себе.

– Если бы ты умела говорить, рассказала бы, что тебе нравится, – вздохнула я, подсаживаясь ближе к зверю.

Матюша пошевелила маленькими рожками. Но определить, понимает она меня или мое присутствие ее утомило, я не могла.

– Я бы тебе приготовила что-нибудь вкусное... – продолжала гнуть свою линию.

Горгулья наострила уши.

– И помыла бы. А то ты в пруду возишься, размазывая грязь. Тебя бы надо мылом отмыть душистым.

Матюша скривилась, последнее предложение ей явно не понравилось.

– Интересно, в чем твоя магия... – задумалась я.

Горгулья зевнула и отвернулась к стене. Мне явно намекали, что разговор окончен.

Я оставила зверя одного, а прикрыв решетчатую дверцу, услышала характерный хруст. Кажется, кто-то решил полакомиться печеньем.

Пропощавшись со зрителем и Змиевским, который уже всю хозяйничал в загоне Грифа и выстилал свежим сеном пол, побежала к главному корпусу. Там в одном из зданий общежития меня ждал Джер Райт.

Я без труда отыскала нужную комнату. Юркнула в приоткрытую дверь и замерла на пороге. Похоже, кто-то был на хорошем счету у преподавателей, потому что жилище адепта представляло собой гостиную, спальню и личную ванную комнату. В гостиной разместилось человек десять старшекурсников, громко играла музыка, звучал смех.

– Райт! Твой Комар прилетел! – крикнул рыжеволосый Бжижек.

Мой наставник сидел на подоконнике и со скучающим видом листал какую-то книгу, не принимая участия в общем веселье.

– Комарек, а давай ты придешь через час? Как раз ребята по комнатам разойдутся, и ты здесь все уберешь, – лениво протянул Райт, даже не посмотрев в мою сторону.

– Я не буду убираться! – произнесла я тихо, но решительно.

– Что ты там пропищала? – поморщился адепт, а его друзья засмеялись.

– Тебя сделали моим наставником, чтобы ты научил меня базовым упражнениям. Вот и учи! – громче сказала я.

– Опять ты за свое, – закатил глаза адепт и отложил книгу. – Значит, не хочешь по-хорошему договариваться? Тогда идем!

– Куда? – насторожилась я.

– Разучивать базовые упражнения, как ты и хотела, – огрызнулся Райт и, схватив меня за руку, потащил за собой.

– Мне нужно переодеться, – возразила я. – Думала, мы сегодня всего лишь обсудим план занятий...

Для занятий по физической подготовке у нас была специальная форма – просторные темные брюки и длинная рубашка. Мне форма очень нравилась, потому что она прекрасно скрывала недостатки фигуры. Но переодеться я не успела, а Райт проигнорировал мою просьбу.

Мы прошли трехэтажные корпуса студенческих общежитий, миновали двухэтажные коттеджи преподавателей и оказались на арене – так здесь называли площадку для бега и гимнастических упражнений. В центре арены на ровно подстриженной травке практиковалось несколько боевых магов, и я остановилась, зачарованно любуясь их плавными движениями и искрами, срывающимися с кончиков пальцев.

Адепт Райт сложил руки на груди и кивком указал на дорожку:

– Тебе туда.

– Куда? – не поняла я.

– Начнем с бега, сперва нужно подтянуть общую физическую форму. А потом я продемонстрирую тебе подсечку. Вернее, на тебе.

– Но так нельзя! Только пришли – и сразу бежать! – попыталась я возразить. – Это несправедливо!

– Несправедливо? Ты хочешь вызвать куратора, чтобы он рассудил наш спор? А лучше ректора Тори. Уверен, они оба подтвердят, что бег – это основа любых занятий. – Райт хмыкнул и склонился к моему уху: – Но у тебя есть выбор, Комарек: бегать или договориться со мной.

Я упрямо поджала губы, адепт пожал плечами и снова указал на арену:

– Тогда пять кругов. Беги!

– Не думаю, что ректор Тори одобрит подобное, – не сдавалась я.

– Вообще-то одобрит. Я лучший адепт и гордость курса. А ты – жалкая неудачница. И знаешь, что будет, если я пожалуюсь ректору, что ты сорвала мне курсовую? Тебя выгонят!

В ответ тяжело вздохнула, осознав, что Райт прав, а ректор Тори будет только рад ткнуть меня носом в мои недостатки. Да и куратор Дуб может не аттестовать по предмету, если нарушу его распоряжение.

Куда ни глянь, везде засада. И я... побежала. Благо туфли были на низком каблуке, а платье просторное.

После первого круга почувствовала, что не могу дышать.

После второго ноги задрожали, и я несколько раз споткнулась.

После третьего – поняла, что у меня остановилось сердце.

На четвертом я все же упала. И поползла.

Пятый круг не помню.

Кажется, у меня открылось второе дыхание, и я летела. А, нет, это адепт Райт закинул меня на плечо и нес к моему корпусу.

– Я буду жаловаться наместнику Протумбрии, – вяло угрожала я.

– Чего уж там, сразу королю давай! – усмехнулся мучитель.

– Это деградация! В смысле – дискриминация!

– Наоборот! – возразил адепт Райт. – Вы, девушки, рветесь в академию, а значит, хотите учиться наравне с парнями. Вот и учитесь! А коли не можете, сидите дома.

Не думала, что столкнусь с подобным отношением к слабому полу в магической академии. Но, видимо, приставка «провинциальная» была существенной для образа мыслей местных обитателей.

– Ты, Райт, тиран и деспот! Весь в своего ректора! – всхлипнула я, но от слез удержалась.

– Амадор Тори – мой кумир! Как лучший студент и будущий преподаватель этой академии, я полностью разделяю взгляды ректора, – нагло заявил Джер Райт и добавил: – Но мы всегда сможем договориться, Комарек. Ты не действуешь мне на нервы и выполняешь поручения, а я, так уж и быть, покажу тебе пару приемов и даже замолвлю словечко перед куратором. Ну что, согласна? Или завтра побежишь десять кругов!

Райт подошел к парку, снял меня с плеча и прислонил к калитке.

– Так что выбираешь? Бег или уборку? – крикнул адепт, с усмешкой наблюдая, как я тащусь к корпусу, едва переставляя ноги.

– Шантажист... – буркнула я... и согласилась на сделку.

Но это не значило, что я сдалась. Временное отступление – еще не бегство! Просто мне нужно усыпить бдительность противника, чтобы продумать ответный удар.

На негнущихся ногах добралась до комнаты и ничком упала на кровать, разрыдавшись от обиды и усталости.

– Лиска, что случилось? – Ко мне подскочила Вилка.

Щекой почувствовала пушистую мордочку Полли. Змеелисица, как и подруга, встревоженно заглядывала мне в глаза.

Не выдержав, рассказала Виларии о договоре с Джером Райтом. Подруга нахмурилась, а Полли недовольно зашипела.

– Нужно поговорить с куратором, – предложила Вилка.

– Так куратор сам назначил мне наставника. Лер Дуб решит, что я испугалась трудностей, – возразила я. – А ректор будет только рад найти повод, чтобы накричать или даже выгнать из академии.

– Он, конечно, тиран, но мне кажется, ты преувеличиваешь, – засомневалась Вилария.

Пришлось пересказать ей свою последнюю беседу с Амадором Тори и даже подслушанный разговор. Только не стала признаваться, что я и есть та самая невеста.

– Вот, значит, как! Прежний ректор, декан Матеуш, несколько лет добивался, чтобы девушки наравне с парнями могли поступать в академию. А эти... этот... – Вилария осеклась. – Надо его проучить!

– Кого? Ректора Тори?

– Его тоже проучим, но позже, – согласилась Вилка. – Сперва надо поставить на место Райта.

– Хорошо бы, только как? Он же лучший ученик и боевой маг! И друзья у него сплошь боевые маги. А я...

– А у тебя тоже есть друзья! – решительно произнесла Вилария, а Полли согласно закивала пушистой мордой, словно понимала, о чем идет речь. – И у твоих друзей, то есть у меня, такой арсенал магических штучек в чемодане, что академия вздрогнет!

– Каких штучек? – заинтересовалась я, вмиг перестав плакать.

– Потом покажу, – отмахнулась подруга и потеряла ладони. – Да с нашей фантазией и магическим зверьем нам никакие боевые маги не страшны! Мы этому Райту такую уборку устроим, долго еще будет нас вспоминать! Эх, хотела я здесь тихонько отсидеться, но, видимо, не судьба. Свою натуру не изменишь.

– И не задушишь, – согласилась я и вконец осознала, что больше не смогу безропотно сносить оскорбления и тихо глотать обиды.

Жаль, с Матюшей пока не подружилась. Уж она бы убралась в комнате адепта. Представив, как горгулья оставляет от мебели щепки, а от дорогой одежды студента – клочки, довольно хмыкнула.

— Лиска, ты, когда улыбаешься, очень симпатичная. А еще умная и добрая. Тебе нужно поверить в свои возможности и ценить себя, тогда тебя начнут ценить другие. — Вилария стерла слезинки с моей щеки, а Полли обвила ноги хвостом и положила на плечо рыжую морду — в знак полной поддержки и солидарности.

Да! Нужно поверить в себя! Ведь я пришла в академию, чтобы учиться и доказать, что чего-то стою, а не для того, чтобы терпеть насмешки какого-то адепта и угрозы ректора. Разве я испугалась, когда папенькин бизнес пошел ко дну? Наоборот! Взяла себя в руки, изучила популярный в других аптеках ассортимент и принялась действовать, то есть варить простенькие, но хорошо продающиеся зелья. И сейчас настала пора действовать, тем более я не одна. Да с такой поддержкой я горы сверну: отомщу, проучу, пролечу... Ну то есть всех их вылечу!

Глава 11

Древние магические книги – это не кладезь тайных знаний, а шипы, ядовитые печати и скверный характер

– Мы отправляемся в святая святых нашей академии, – торжественно объявил декан Матеуш, проходя через огромный многоярусный зал библиотеки, и остановился возле неприметной железной двери. – В хранилище! Здесь находятся редкие книги, древние манускрипты, рукописи первых магов. Доступ строго по магическим пропускам, выданным лично ректором Тори.

Сегодня первой парой у нас был предмет «Основы целительского мастерства», но вместо того чтобы записывать лекцию, весь наш первый курс, а это без малого девяносто студентов, проследовал за деканом в библиотеку.

Нас сопровождали смотритель Костюшко, куратор Дуб, магистр зельеварения Ежи Боек, наставник по хирургическому врачеванию и, разумеется, библиотекарь. Последний взглядом коршуна следил за тем, чтобы ученики не разбредались и не брали без спроса книги.

Лер Матеуш вставил в замочную скважину простой на вид ключ, замок щелкнул, и дверь приоткрылась.

– Так просто, – фыркнул студент отделения врачевания.

– Конечно нет! Ключ усилен заклинанием. Без меня, библиотекаря или ректора Тори вам сюда не попасть. Магический контур не пропустит, – ответил декан, входя в помещение первым. И усмехнулся: – Только если вы не обладаете способностью к трансферальному переносу. Но, насколько я знаю, среди студентов академии таких уникалов нет.

Мы с Вилкой переглянулись. Среди студентов, может, и нет. А среди магических животных – аж двое: Полли и Матюша. Правда, горгулья пока скрывала свой дар, да и сомневалась я в его наличии.

Декан тем временем ударил в ладоши, и в помещении вспыхнул свет. Студенты принялись с интересом рассматривать высокие

массивные шкафы, заставленные книгами. Пара-тройка фолиантов парила над нашими головами, из некоторых книг, что стояли на полках, вылетали мелкие искры, похожие на россыпь золотистой пыли. А еще доносилось странное бормотание, тихое хихиканье и даже ругань.

Мы прислушались к подозрительным звукам и осознали: голоса, ворчание и смех исходили от книг!

Бумажные обитатели хранилища, словно почувствовав чужое вторжение, как-то сразу подобрались, встали ровнее, прижимаясь друг к другу боками, а над нашими головами пронесся толстенный фолиант и с грохотом опустился на полку, подняв столб пыли.

– Нечасто сюда гости заходят, вот и расслабились, – проворчал библиотекарь, а декан погрозил пальцем книге, которая хищно оскалилась на него железной шипастой обложкой.

Талмуд обиженно клацнул пряжкой, словно хищник зубастой пастью, и шумно опустился на стол к своим сородичам в таких же железных переплетах.

Студенты робко остановились, не решаясь приблизиться, а тем более дотронуться до книг. Что-то эти редкие рукописи и фолианты не были похожи на светочи знаний, а напоминали маленьких кровожадных монстров.

– И что же в этих книгах такого, что их нужно оберегать и создавать на входе в хранилище магический контур? – поинтересовался один из студентов в изумрудной мантии. Зельевар.

– В этих книгах говорится об оккультной анатомии человека, даны тайные магические заклинания и ритуалы, описаны свойства редчайших растений, уникальных ядов, – пояснил декан.

– Ядов? – восхитился еще один студент в балахоне благородного травянистого цвета. Врачеватель.

– Редких ядов и противоядий, – уточнил лер Матеуш. – А еще здесь хранятся рукописи по некромагии и управлению стихиями. Сегодняшние маги не обладают ни знаниями, ни силой, в отличие от наших предков. Поэтому для нас эти книги бесценны. Но чтобы их прочитать, нужна определенная мудрость, знания надо использовать во благо обществу, а не во вред. Именно поэтому для доступа к тому или иному фолианту требуется веская причина и личное разрешение ректора академии.

– А если нужно отыскать уникальный антидот, чтобы спасти человеку жизнь? – неожиданно поинтересовалась Вилка. – Это является веской причиной?

Декан выцепил взглядом студентку и покачал головой:

– Поиском редкого антидота должны заниматься целители, а не студенты, адептка Войта. Это хранилище осталось с прежних времен, до объединения королевств, когда в здании еще не было академии, а располагался королевский архив Протумбрии. А в наши дни библиотеку посещают известные аптекари, врачеватели и даже королевский целитель. Студентам старших курсов мы разрешаем ознакомиться с некоторыми книгами исключительно с целью написания дипломных работ.

– А... – попыталась возразить Вилария, но декан уже направился к полкам с книгами.

– А сегодня мы с ректором Тори передаем для изучения отделению «Исцеление магических животных» уникальный «Физиолог анималиум».

– Но у нас есть «Бестиарий», – подсказал адепт Яцек.

– Совершенно верно. Адаптированный вариант в современной редакции. Я же хочу, чтобы вы изучили оригинал, написанный древними магами Протумбрии и Альмерии. В книге есть описания всех магических животных, птиц, насекомых, некогда живших на территории наших королевств.

Декан достал с полки книгу в нарядной блестящей обложке. Она притягивала взгляды не только внешним видом – из фолианта доносились приглушенное рычание, рокот и птичий гомон. Такую страшно в руки взять, не то что изучать.

– Ознакомиться с фолиантом можно по записи и в определенные дни.

– И в строго оговоренные часы! – важно добавил библиотекарь, небольшого росточка пожилой лысый мужчина с густой седой бородой.

– И что я там нового найду о дракономопсе? – фыркнул адепт Яцек.

– Зря вы недооцениваете этого зверя. Очень зря, – покачал головой смотритель. – Да, он гибрид. Но ведь недаром первая

составляющая названия – «дракон». Значит, в звере заложен огромный потенциал древних драконов.

– Угу, потенциал – плевать огнем и портить мебель с одеждой, – буркнул Яцек, а студенты других отделений захмыкали.

– А зельеварам тоже выдадут редкие книги? – обратилась к декану Ханка Беде и покосилась на нас с Вилкой. – Или это только для элитного эмже-отделения? Ах, я поняла! Наверное, древние фолианты помогут нашим звероцелителям тщательнее убирать навоз и вычесывать блох.

Девушки прыснули со смеху, юноши тоже не сдержали смешков, только мои одноклассники нахмурились, не оценив шутки.

– Разумеется, и для вас я подберу удивительные книги, – ответил декан и строго посмотрел на адептку Беде.

Та робко потупила взор, пробормотав: «Простите».

Декан Матеуш подошел к полкам, на которых красовались таблички с надписями «Целительство» и «Зельеварение». Забрал два объемных фолианта и обернулся к студентам. На одной книге виднелась надпись «Методы врачевания натуральными травами и простейшими заговорами», а на второй значилось «Классификация древних растений и система мер в зельеварении». Последняя книга меня привлекла не только содержанием, но и внешним видом – серебряная обложка была инкрустирована малахитом в виде тонких стебельков и листиков.

Пока студенты окружили декана, с интересом рассматривая книги, Вилка бочком продвигалась к шкафу с табличкой «Яды». Подруга кружила возле полок, что-то выискивая. И наконец остановилась возле фолианта, окутанного ярко-зеленой дымкой. Но когда потянулась к книге, дымка вдруг приняла форму змеи и раскрыла пасть, а медные пряжки громко клацнули.

– Ой! – взвизгнула Вилка и отпрыгнула назад, пошатнувшись.

Яцек, так кстати оказавшийся рядом, ее поддержал, не позволив упасть.

– Осторожнее, адептка Войта! Некоторые книги кусаются. Особенно эта. Как раз то, о чем вы ранее спрашивали. Видите надпись на корешке? «Яды и противоядия: полная энциклопедия», – пояснил декан Матеуш, прочитав название. – Вам пока рановато интересоваться подобной литературой. Выучите сперва простые

формулы, изучите классификацию растений. Дойдите до последнего курса, выберите тему дипломной работы, тогда и сможете прочесть сей фолиант.

– Слишком долго, у меня нет столько времени, – тихо пробормотала Вилка, но мы с Яцеком ее услышали и удивленно переглянулись.

А декан, передав книги библиотекарю, обратился к студентам:

– Что ж, посещение хранилища редких книг завершено. Все фолианты, которые я выбрал, вы сможете изучить и сделать доклады.

– Изучить сможете, но заранее записавшись! Заранее! – важно добавил библиотекарь и, прижимая к груди книги, первым направился к выходу.

Студенты, перешептываясь, нехотя покинули хранилище, и декан закрыл дверь на ключ. Вилария на несколько секунд задержалась в коридоре, о чем-то задумавшись. Да и я призадумалась: интересно, зачем ей понадобились знания об уникальных ядах? Неужели что-то замыслила? Хотя... какое мне дело? У всех свои секреты, особенно у меня.

На уроке по уходу за магическими животными к нам обратился с важным сообщением смотритель Костюшко. Он считал, что мы уже достаточно времени провели с питомцами и теперь готовы перейти ко второму этапу – ведению дневника наблюдений. Он и будет принят в качестве аттестации – своего рода допуска к зачетам и экзаменам по профильным предметам. В дневнике мы должны описать повадки зверей, их предпочтения и симптомы заболеваний, если таковые заметим. Пафнутий Костюшко добавил, что на следующей неделе пригласит магистров и лучших старшекурсников целительского факультета, и они вместе с нами проведут осмотр питомцев.

Я протяжно вздохнула: мало того что совершенно не понимала, как вести дневник, потому что из всех предпочтений у горгульи были только сон и еда, так еще и не представляла, как можно осуществить осмотр Матюши. Эх, жаль, мне не достались потто или Крылатик. С ними куда проще договориться, чем с недружелюбной и вредной горгульей. И после занятий пришлось лишний раз в этом убедиться.

Как только я вошла, Матюша протянула лапу, а взгляд скосила на карман.

– Прости, но печенья нет, – догадалась я.

– У-у-у!!! – обиженно завывала горгулья и отвернулась к стене, игнорируя мое присутствие.

И как с ней наладить общение? Не угощать же каждый раз печеньем? В конце концов, это непедагогично, ведь дружбу сладостями не купишь. Хотя... ничего другого мне не оставалось, иначе Матюша продолжит вредничать, и аттестацию я не пройду. Что ж, завтра куплю в городе лакомство для горгульи.

После посещения зверинца подруга потащила меня в общежитие.

– Мы же хотели в лабораторию пойти, – напомнила я.

– В лабораторию пойдем ночью. У Яцека есть ключ, и он знает тайный ход.

– Вы не передумали? – ужаснулась я. – Может, лучше завтра после занятий?

– Завтра будет поздно, у нас первой парой практикум по простейшим микстурам. Вы с Яцеком должны мне все быстренько показать.

– А давай я тебе в теории объясню...

Нарушать устав и тащиться ночью в лабораторию – так себе идея.

– Эх, в моем случае одной теорией не отделаешься, так что придется идти.

– Но, может, позанимаемся до ужина... – попыталась переубедить Вилку.

– До ужина у нас есть более важные дела!

Вилария закрыла дверь в нашу спальню на ключ и достала из шкафа чемодан.

В потайном отделении лежали какие-то странные приспособления, шкатулки, подушки, жуткие червячки в мешочках, трубки, напоминающие слуховые и подзорные. Я охнула, а Вилка усмехнулась.

– Что это? – зачарованно произнесла, рассматривая содержимое багажа.

– Магические штучки! – с гордостью заявила подруга. – Наш достойный ответ адепту Райту!

Глава 12

О пользе магических штучек и... быстрого бега

После ужина я слушала советы Виларии, вооружаясь магическими штучками.

– Полы помоешь перед уходом, не раньше. Поняла? – строго спросила Вилка и передала мне баночку с мутной жидкостью. – Это выльешь на пол. Ногами не наступай, руками не трогай!

– Угу, – кивнула я, рассматривая червячков в коробочке.

На вид они были противными – синюшные железные тела подрагивали от прикосновения и извивались.

– Не бойся, попробуй червяка! Хотя я предпочитаю паучков, – хмыкнула Вилка и положила себе в рот противного черного паука с мохнатыми лапками и выпученными глазами. – Мм, как вкусно!

Я поморщилась, но червяка надкусила.

Он действительно оказался вкусным. Сладкий мармелад буквально таял во рту, а начинка была с кислинкой.

Уже собиралась положить их в карман, но Вилария отобрала у меня лакомство:

– Насекомые – для особых клиентов. Для Райта и его друзей у нас припасены тошнотные пастилки!

Вилка указала на прозрачную коробочку, в которой лежали красивые и аппетитные на вид цветные полоски. Но, судя по названию, ничего хорошего в этом угощении не было.

– А это что такое? – уточнила я, пытаясь открыть флакон с надписью «Мыльные пузыри».

– Не вздумай открывать! Пузыри с болотной вонючкой! Это на крайний случай! – Вилария забрала у меня флакон и задумалась: – Без меня ты однозначно не справишься. Я иду с тобой.

В этот момент перед нами возникла Полли. Она обвила хвостом подругу за талию, положила лисью морду на плечо и что-то промурлыкала.

– Нет-нет, ты останешься здесь! – возразила Вилария, словно понимала звериный язык.

Змеелисица недовольно фыркнула, но Вилка была непреклонна:

– Ты не пройдешь сквозь магический контур, который защищает парк. Смотритель говорил, что ректор Тори лично постарался, чтобы звери не выбрались на основную территорию академии.

Лисица насмешливо оскалилась, намекая, что с ее способностями ей никакие ректоры с магическими контурами не страшны. Видимо, раньше не было повода продемонстрировать таланты.

– Хотя... похожий магический заслон ректор установил и в хранилище, – задумчиво протянула Вилка. – Если ты сможешь выйти за парковый забор, то сможешь проникнуть и в книгохранилище...

Вилария осеклась, покосившись на меня, а Полли радостно закивала, подтверждая, что все может и на все согласна.

– Так уж и быть, пойдешь с нами на дело, только тихо! Крадись по кустам, чтобы тебя не засекли. А лучше сразу перемещайся к адепту в спальню – в шкаф.

Полли с любовью посмотрела на Вилку, а я громко вздохнула:

– И как объяснить Райту, что пришла не одна? А если зверя увидит ректор Тори, нам не поздоровится.

– Ректора бояться – в академии не учиться! К тому же наша Полли осторожная. Вон смотритель до сих пор не догадался, что она ночью из загона отлучается.

Подруга принялась раскладывать флакончики и коробочки по карманам, продолжая наставлять:

– Райту скажешь, что комнат у него много, и ты одна не справишься. Поэтому позвала подругу. То есть меня.

В девять вечера в гостиную Джера Райта набились студенты, только сейчас, помимо мужских голосов, слышался девичий смех. В гостях у магов-боевиков находились адепки с первого курса зельеварения во главе с Ханкой Беде. Последняя явно пользовалась популярностью, юноши буквально стелились перед ней ковриком. Но это и понятно. К вечеру длинная мантия исчезла, явив взорам стройную фигуру в модном платье со слишком откровенным декольте. Губы адепки Беде стали ярче и краснее, ресницы – длиннее, волосы она распустила. Подружки по сравнению с Ханкой выглядели бледно,

вероятно оттеняя неземную красоту лучшей студентки-первокурсницы.

Джер Райт устроился в кресле и лениво отвечал на вопросы девиц.

Нас с Вилкой наконец-то заметили, и Ханка наморщила лоб:

– Вы их тоже пригласили на вечеринку?

– Нет. Комарек помогает мне по хозяйству. На основе взаимовыгодного сотрудничества, – пояснил Райт и тут же дал указание: – Ты в спальне пока уберись. И приготовь нам бутерброды с лимонадом. Продукты на кухне!

– А Войта тоже уборщица... ой, помощница? – ехидно поинтересовалась Ханка, заметив Виларию.

– Одной Лиске не справиться, – ничуть не смущаясь, подтвердила Вилка. – А вдвоем мы уберемся в лучшем виде.

Вилария прошла на кухню, я побежала следом, а рыжий Бжижек, друг Райта, зачем-то ринулся за нами.

– Я помогу, – предложил он.

Кажется, Вилка ему нравилась.

– Не стоит, – возразила подруга и подтолкнула юношу к двери.

– Но ты не обязана... – попытался возразить студент. – Это Комарек отрабатывает повинность...

– Значит, повинность? – закипела я. – Вообще-то Райт должен со мной заниматься, а не эксплуатировать!

– Смотрю, кое-кому понравилось бегать? – Джер Райт появился в дверях, одарив меня снисходительным взглядом. Какой же высокомерный тип – весь в своего кумира – ректора. Посмотрим, как он запоет после моей сегодняшней «уборки».

Я хотела огрызнуться, но в нашу перепалку встряла Вилка:

– Мальчики, не будем ссориться! Идите к гостям, а мы займемся лимонадом.

– Только побыстрее. И сделайте напиток расслабляющим, а лучше приготовьте пунш, – приказал Джер Райт и в компании приятеля отправился в гостиную.

А мы с Вилкой слаженно принялись действовать. Налили в графин воды, достали из морозильника лед и лимоны. Я встала у двери, следя за тем, чтобы в кухню никто не вошел. Вилария полезла в карман, извлекая пузырек с настойкой приятного желтого цвета.

– Будет им расслабляющий напиток, то есть со слабительным!

И подруга капнула в воду пару капелек, а я, задумавшись, вылила все содержимое флакона.

– Что там у нас дальше по программе? – воодушевилась я и открыла шкафчики, вытаскивая пакеты со сладостями.

Райт оказался хозяйственным. У него нашлось и печенье, и зефир с мармеладом. Поэтому Вилкины разноцветные пастилки прекрасно вписались в «натюрморт».

Следующим пунктом были бутерброды, их Вилария обсыпала подозрительным прозрачным порошком:

– Это твердые кристаллики веселящего газа. Быстро впитаются в еду, и через полчаса наши гости будут рыдать от смеха.

Мы подхватили подносы и торжественно внесли в гостиную. Пока расставляли тарелки и стаканы на столе, наши лица были преисполнены печали: все-таки прислуживать этим снобам – то еще удовольствие. Улыбку вызывало лишь одно – результат.

– Иди, Комарек, – милостиво разрешил Джер Райт, а я даже открыла рот от удивления. Вот есть в нем что-то хорошее, решил не мучить меня с мытьем полов и отпустить. Правда, после следующей фразы кое-кого захотелось придушить: – Тебя ждет швабра!

А я-то чуть было не раскаялась, что положила рядом с зефиром тошнотные пастилки, которые сейчас с аппетитом уминала Ханка Беде.

Отбросив сомнения, отправилась в спальню адепта Райта – завершить начатое!

Как только мы с подругой оказались в просторной комнате, створки шкафа скрипнули, приоткрываясь, и наружу высунулась хитрая мордочка Полли. Змеелисица с довольным видом что-то жевала. Присмотревшись, я обнаружила, что предметом интереса зверя стала мантия студента. На ней виднелись дыры от острых зубов – Полли изрядно постаралась.

– Помощница ты моя! – похвалила животное Вилка и почесала за ушком.

Зверь исчез, а через секунду уже вытаскивал из гардероба брюки адепта, демонстрируя выгрызенные на стратегических местах дыры.

– Талантище! – восхитилась я смекалкой змеелисицы, а та довольно оскалилась в улыбке.

– С этим она справится и без нас, а мы должны подготовиться к завершающей стадии мести! – И Вилария достала из кармана знакомую баночку с мутной жидкостью.

– Липучка, – напомнила подруга. – Выльешь на мокрую тряпку. Сама на вымытый пол не наступай и тряпку руками не трогай! Подействует не сразу, но приклеит обувь намертво!

Я мечтательно улыбнулась, представив результат: магические штучки нравились мне все больше и больше!

Вскоре я с деловым видом и со шваброй в руках вошла в гостиную.

– Комарек! – окликнул меня со смешком Райт. Веселящий порошок начал действовать, потому что студенты пребывали в прекрасном расположении духа и смеялись. – Ты рано пришла, у нас вечеринка в разгаре. Заходи через часок.

– Не могу, мне еще к занятиям нужно готовиться, а скоро отбой. – Я прошла к дивану и начала водить перед собой шваброй с мокрой тряпкой, при этом пятясь. – Вы не вставайте, только ноги поднимите.

– Хорошо хоть не просишь протянуть ноги, – усмехнулся рыжеволосый Бжижек, а Райт рассмеялся над шуткой друга.

Таким веселым обычно серьезного и напыщенного студента я видела впервые. Надо признаться, улыбка ему шла. Тут же уткнулась взглядом в пол: еще не хватало любоваться этим самодовольным типом. Врагов жалеть нельзя!

Студенты приняли мою просьбу за забаву, дружно подняв ноги, а девицы принялись подсказывать, как правильно следует размахивать шваброй.

– Комарек, а ты молодец! Не обижаешься. У тебя, оказывается, есть характер, – неожиданно похвалил Райт, когда я особенно тщательно мыла пол возле его кресла.

Чтоб ему навечно прилипнуть! И к креслу и к полу.

– И глаза у тебя красивые, что-то я раньше не замечал, – хмыкнул он, всматриваясь в мое лицо. – Кого-то ты мне напоминаешь...

Я чуть не споткнулась. Неужели Вилка ему вместо тошнотной пастилки подложила иллюзорную?

Другое дело – Ханка Беде. Ее никакими порошками и пастилками не пронять, знай себе издевается:

– Конечно, напоминает! Горгулью! Недаром адептке Комарек поручили за этой страшилой ухаживать. Они так похожи!

Девушки противно захихикали, парни им вторили. Вот зря они так, ведь магические существа до конца не изучены. Вдруг у Матюши отменный слух, а характер мстительный? Ведь хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Пока студенты веселились, я поторопилась покинуть гостиную, прикрыв за собой дверь.

– Ой, а у меня нога к полу прилипла, – слышался голос рыжеволосого.

– А у меня обе! – отозвался другой студент, давясь смехом.

– Бежим! – скомандовала Вилка.

Мы выскочили из комнаты и устремились вниз по лестнице.

Из окна общежития доносились то крики, то смех и ругань.

Пришлось придать телам ускорение. Мы неслись сломя голову по дорожкам, перепрыгивая через клумбы и огибая кусты. И надо же мне было обернуться, проверяя, нет ли за нами погони. В этот самый момент я с силой врезалась в препятствие, да еще умудрилась его уронить на землю и огреть шваброй с намертво прилипшей и задубевшей тряпкой, которую впопыхах прихватила с собой.

– Кошмар! – раздался сдавленный голос ректора, и, кажется, он скрипнул зубами. – Что вы творите?!

– Не комшар... а Кошмарек, в смысле Комарек! – вовремя поправила я и попыталась сползти с неожиданно широкой ректорской груди. А с первого взгляда и не заметишь. – И я не творю, а бегу!

– Куда? – Лер Тори встал на ноги, отряхиваясь, а затем резким движением поднял с земли и меня.

– Бег с препятствиями, – нашла я. – Куратор Дуб приказал подтянуть физическую подготовку, вот я и подтягиваю.

– Да-да, кажется, лер Дуб что-то такое говорил, – пробормотал ректор, потеряв ладонью ушибленный моей шваброй лоб. – Но, насколько помню, к вам прикрепили адепта Райта с факультета боевой магии.

– Ага, укрепили меня, – кивнула я, отодвигая ногой швабру в кусты.

– И где же ваш наставник? – огляделся ректор и прищурился, заметив у входа в парк поджидавшую меня Виларию: – Вижу только вашу подругу.

– Это хорошо, что видите, значит, зрение при ушибе не повредили... – буркнула я и осеклась, наткнувшись на недовольный ректорский взгляд. – Говорю, это моя моральная поддержка. А Райт отдыхает, утомился после тренировки со мной.

– Легко в это поверю, – вздохнул Амадор Тори и оглядел меня с головы до ног: – А почему вы бегаєте не в спортивной форме?

– Так это... не успела переодеться. У меня такая насыщенная студенческая жизнь! То уроки учу, то за животными ухаживаю, а вечерами вот... бегаю. Даже толком не поужинала!

– Знаете народную мудрость, адептка? Ужин отдайте врагу, – язвительно заметил лер Тори.

– Вам? – уточнила я и тут же прикусила язык.

– Исчезните с глаз моих долой, Комарек, – простонал Амадор Тори, наверняка мечтая о том, чтобы я исчезла не только с его глаз, но вообще из академии.

Ректор торопливо направился в сторону преподавательских коттеджей – строгих двухэтажных домов из серого камня, с венчавшими крыши башенками и массивными вазонами возле крылечка.

Я же догнала Вилку, и мы побежали в свой корпус.

Ночью в лабораторию не пошли – так набегались, что сил на зельеварение не осталось. Перед сном я на пальцах пыталась объяснить, как приготовить простейшую микстуру, но в ответ слышала громкое посапывание. Полли, как и прежде, свернулась кольцом в ногах у новой подруги и улыбалась во сне. Удивительно, но гибрид рейнеке с аспидом уже не казался мне неприятным. И шкурка совсем не скользкая, змеиная, а покрыта коричневым пушком. И лапки передние цепкие и забавные, как у лисенка. А какая она умная и преданная! Как же мне хотелось, чтобы и Матюша оказалась такой. Пусть не умной, но хотя бы дружелюбной. Что ж, придется купить в городе печенье и попробовать задобрить горгулью. Или горгулия. Потому что именно в этом вопросе я еще окончательно не определилась.

Глава 13

Пить неизвестное науке зелье вредно. А зелье, сваренное студентами ночью, — еще и опасно для жизни

На завтраке в столовой ни Райта с приятелями, ни Ханки Беде с подружками я не застала. А сам завтрак представлял собой унылую овсянку на воде и сухой хлебец.

Подсевшие к нам с Вилкой однокурсники объяснили, что, оказывается, несколько студентов вчера отравились ужином, а одна студентка отправлена в стационар. Мне стало стыдно, потому что я знала, по чьей вине это произошло. Но Вилка не позволила долго раскаиваться.

— И я даже догадываюсь, какая именно адептка лежит в студенческой лечебнице, — прошептала она мне на ухо. — Потому что не нужно вредничать и тем более налегать на чужие сладости.

Зла я Ханке не желала, но немного проучить противную девицу и правда стоило. Хотя бы за ту подножку на первой лекции.

Правда, моя довольная улыбка сошла на нет, когда в коридоре на меня налетел злющий и зеленющий адепт Райт.

— Значит, война, Комарек? — прошипел он.

— Не я ее объявила, — огрызнулась в ответ.

— Что ж, жду тебя сегодня после ужина на спортивной арене, — ехидно произнес он, но, позеленев и схватившись за живот, вскрикнул: — Нет! Завтра! Обещаю, Комарек, тебе предстоит изнурительная тренировка, у меня на тебя большие планы!

— А-а-а... — хотела возмутиться, но Джер Райт уже развернулся и побежал по коридору. Наверняка очень торопился на занятия.

Вилария с адептами Яцеком и Змиевским стояли неподалеку и слышали наш разговор.

— Я пойду с тобой! — категорично заявила Вилка, а я вздрогнула, вспомнив о чемодане с магическими штучками.

— Вот чего бойся, — пробормотала я.

Яцек не так расслышал и подбодрил меня, похлопав по плечу:

– Не нужно бояться, Элиска. Я тоже приду и не позволю старшекурснику издеваться над нашими девчонками.

– Я с вами, – кивнул Змиевский.

Я же обреченно вздохнула: позориться мне предстояло при зрителях.

Прозвенел звонок, и Яцек поторопил нас, напомнив, что первым занятием – практикум по зельеварению у вредного магистра Болека.

Как мы и предполагали, Вилка с заданием не справилась. И хотя базу в вязком растворителе с помощью моих подсказок ей приготовить удалось, но с добавлением лекарственных веществ она просчиталась и не учла коэффициент увеличения объема. Магистр Ежи Боек ругался, вновь ставя в пример адептку Беде. Самой ее на занятиях не было, но дух ее, очевидно, витал где-то поблизости.

– Вы бездарь, адептка Войта! – напоследок взвизгнул магистр.

– Ваш предмет дается мне хуже, чем остальные, – парировала Вилария. – Но у вас же есть дополнительные занятия. Вот и позанимайтесь со мной!

– Дополнительное занятие для отстающих – раз в неделю. В остальные дни лаборатория закрыта, в ней проводят серьезные исследования, – важно ответил магистр Боек. – Так что рекомендую вам самостоятельно изучить записи моих лекций с описанием лабораторных опытов. А лучше вызубрить.

– Не переживай, – подбодрил Вилку Яцек, как только мы покинули аудиторию. – Ночью сходим в лабораторию, как собирались. И я тебе все наглядно покажу.

– И как же вы собираетесь покинуть корпус? Ведь куратор Дуб запирает двери на замки. Да и в лабораторию так просто не пробраться.

– Ха, замки! – фыркнула Вилария. – У меня такие отмыч... В общем, откроем!

– И в лабораторию не в первый раз предстоит пробраться, все ходы известны, – вторил ей хитрющий Яцек.

Мы со Змиевским переглянулись. Кажется, эти двое авантюристов спелись.

– А можно я с вами пойду? – неожиданно попросил темноволосый адепт. – Смотритель жаловался, что Гриф плохо спит, беспокоят боли в

крыле. Мне декан Матеуш подсказал рецепт настойки, надо бы ее приготовить.

– Конечно, идем! Только ты Лиске с Яцеком рецепт сперва покажи, они у нас в зельеварении гении, – указала на нас Вилка.

Я засмушалась. «Гений» – громко сказано. Я всего лишь разбиралась в примочках красоты и молодильных эмульсиях для дам «кому за сто». Но и успокоительные микстуры для детей и особо нервных дамочек готовить приходилось. Что я, в конце концов, не разберусь с зельем для гиппогрифа? Только настойки для зверей, тем более для магических, мне еще делать не приходилось. Как и покупать печенье.

После курсов лиры Эндрю вспомнила о Матюше и забежала в кондитерскую. Приобрела объемный кулек печенья и понеслась в академию, надеясь, что горгулья оценит. Увы, эта зверюга лишь приняхалась, скривилась и отвернулась, вновь игнорируя меня. Хорошо хоть Вася с Базей оказались не такими привередами и все съели. А потом ходили за мной хвостиком, заглядывая в глаза. Но мне не жалко. Адепт Воганька питомцев вниманием не баловал, как и студент Лежак – Крылатика. Я сама не заметила, как эти звери оказались под моим покровительством. Хотя с животными у меня не очень – я растения люблю. Но, кажется, при таком предвзятом отношении ректора перевод на отделение зельеварения мне пока не светит.

В полночь мы с Вилкой покинули комнату, Яцек со Змиевским нас уже ждали у двери. Я захватила небольшой саквояж с банками-склянками и прочими необходимыми инструментами, а Вилария – увесистую связку ключей и отмычек. Склонилась над замочной скважиной и, победно хмыкнув, легко открыла замок, выпуская нас на волю.

– А лер Дуб не проснется? – встревоженно поинтересовался Яцек.

– Нет! – отмахнулась Вилка, орудуя ключами и открывая очередную дверь. – Я перед отбоем подбросила ему сонный порошок. Наш куратор видит уже десятый сон.

– Откуда у тебя все эти штучки? – шепотом спросил Яцек.

– Места волшебные надо знать, – важно сообщила Вилария, открывая калитку.

Наши браслеты мигнули, позволяя пройти магический контур, который так непредусмотрительно выпустил нас из парка. И мы очутились на дорожке, ведущей к главному учебному корпусу.

– Нужно обогнуть здание и остановиться у окна, которое уходит в землю. Там еще решетка, – объяснил Яцек. – На этом окне нет охранных ловушек.

– Это же помещение библиотеки? – удивился Змиевский. – А нам лаборатория нужна.

– Мы проберемся через библиотечную подсобку. Потайной ход ведет в лабораторию. От замков на дверях у меня есть ключи, я об этом позаботился еще в прошлом году.

– Ух ты! – восхитилась я. – Потайной ход...

– Одно название, всего лишь подвальный коридор, – махнул рукой Яцек. – Теперь слушайте внимательно: встречаемся возле окна, а сейчас ползем по кустам...

– Зачем по кустам? – Вилария порылась в карманах. – У меня есть идея получше. «Иллюзиум»!

Неожиданно рядом с нами зашуршала трава, и словно из-под земли возникла Полли. Она любовно обвила хвостом Вилку за ноги и доверчиво посмотрела в глаза.

– И ты здесь? – вздохнула подруга, а змеелисица довольно закивала.

– Как она пробралась? Там же магический контур вокруг парка специально для животных установлен! – поразился Яцек.

Мы с Вилкой не успели пояснить, что перемещение – магическая особенность Полли. Трава и кусты вновь зашуршали, а вскоре показались две хитрые мордочки Васи и Бази.

– А вы откуда? – Теперь настал мой черед удивляться.

Хомяки-потто указали лапками куда-то в сторону, а Яцек простонал:

– Ну, адепки! С вами никакой конспирации, весь зверинец с собой притащили! Не хватает еще горгульи и Грифа.

Мы со Змиевским опасливо огляделись, но из кустов больше никто не появился.

– Ладно, идем с нами, – смиловившись Яцек и обратился к животным: – Если вдруг увидите студентов или преподавателей – прячьтесь!

Звери одновременно зафыркали, словно говоря: «Не учи ученого». Вася с Базей подошли ближе, а Вилка извлекла из кармана серебристый шар и надавила на него. Сфера раскрылась на две равные части. Из странного прибора заструился дымок, окутывая нас пеленой.

– А вот теперь бежим! – прошептала исчезающая на наших глазах Вилария. – Только тихо и очень быстро! Иллюзия действует несколько секунд!

– Что это? – спросил Змиевский, оглядываясь на бегу и тоже исчезая на моих глазах.

– Я же сказала – «Иллюзиум»! – пояснил Вилкин голос, а она сама окончательно растворилась в воздухе.

Вместе с ней исчезли и остальные: adeпты и звери. Да что там звери – я не видела собственных ног, но прекрасно чувствовала, как колются ветки кустов.

Вскоре вся наша честная компания добралась до нужного окна, судя по сопению, поднимающейся решетке и шевелящимся кустам, которые закрывали эту часть здания от посторонних глаз.

– За мной! – раздался громкий шепот Яцека, и невидимая рука приоткрыла створку.

По мере того как мы проникали в подсобное помещение библиотеки, перелезая через подоконник и приземляясь на какие-то ящики, иллюзия сходила, вновь позволяя разглядеть друг друга.

– Классная штука! – Змиевский внимательно рассматривал прибор, который Вилария поспешно убрала в карман. – Твоя работа?

– Нет, что ты, – отмахнулась та. – Моя – только идея! Я в магической механике не сильна.

Расспрашивать об увлечениях подружки никто не стал, потому что сейчас на это времени не было. Осмотревшись в небольшой, захлавленной ящиками, коробками и шкафами, комнате, мы обнаружили две двери. Яцек шустро открыл замки прихваченными с собой ключами.

Вилка выглянула из подсобки, приоткрыв одну из дверей.

– Ого, там выход в зал библиотеки и в хранилище ценных книг! – обрадовалась она. – То, что нужно!

– Нам в другую сторону, – охладил ее пыл Яцек и обратился к магическим животным, словно те его понимали: – Ребята, у меня для вас важное задание!

Полли наострила лисьи ушки, а хомяки-потто приосанились, подтянув внушительные животики.

– Вам придется постоять на стреме.

Вася нахмурился и недоуменно пошевелил пушистыми бровями, Базя шмыгнул круглым блестящим носом, а Полли зафыркала – звери явно пытались вникнуть в суть делового предложения.

– Васенька, Базенька, – вступила я, перехватив инициативу. – Адепт Яцек хочет сказать, что вы должны покараулить здесь, пока мы варим зелье в лаборатории. Вася, ты будешь сторожить на улице, Базя останется в этой комнате, а Полли – в коридоре. И если кто-то подойдет близко к зданию, нужно подать нам знак.

Хомяки-потто растянули рты в улыбке, обнажив острые зубы, и закивали, явно осознав, какую важную миссию на них возложили. Вася ловко запрыгнул на подоконник и высунулся наружу, тихонько присвистнув. Базя с важным видом встал посреди комнаты, ответив собрату таким же свистом. Гибрид рейнеке с аспидом вторила им шипящим тихим звуком, смешно шевеля усами. Яцек посвистел в ответ и улыбнулся.

– Что ж, опознавательные сигналы налажены, вперед, навстречу к свету! То есть к знаниям!

И мы шагнули в темноту.

За второй дверью показался коридор, вскоре наш отряд остановился у низкой двери с огромным навесным замком, который без труда открыла Вилария.

Наконец мы очутились в вожденной лаборатории. Здесь горел тусклый свет, и мы зажгли свои фонари. По подсказке Яцека мы заняли стол за колонной: и свет не так виден из окон, и до укрытия легко добежать.

Пока сокурсники зажигали горелки, расставляли на столе колбы и весы, я открыла маленький саквояж и достала сушеные травы, концентраты и прочие полезности, что были аккуратно разложены в многочисленных кармашках и отделениях. А еще вытащила тетрадь с рецептурами, записанными на лекциях по зельеварению.

– Та-а-ак, – многозначительно произнесла я, листая страницы. – Следующим практикумом будет приготовление мази от прыщей. Не знаю, зачем она будущим целителям, но приготовить ее – раз плюнуть.

– Для кого-то плюнуть, а для кого-то – реку переплыть, – пробурчала Вилка.

– Видимо, Болек хочет, чтобы мы набили руку на простом, чтобы перейти к сложному, – заглянул мне через плечо Яцек, просматривая записи.

– Или ваш Болек больше ничего не умеет, кроме как горло лечить и прыщи выводить, – хмыкнула Вилка и покосилась на колбы: – Ох, каждый раз боюсь, что взорвется.

– Не взорвется, если все правильно смешать. В зельеварении главное – последовательность действий и строгое соблюдение пропорций. И, конечно, знание лечебных свойств трав, – деловито прокомментировал Яцек.

– И какие знания нужны для приготовления средства от прыщей? – все больше хмурилась подруга.

– Для начала составим рецептуру, это первая часть практикума, – пояснила я. – А потом приготовим саму мазь, используя чистотел.

– Я бы добавил листья крапивы, – предложил Яцек.

Вилка переводила встревоженный взгляд с меня на парня:

– Крапивы? Мне бы это... чего попроще. Но чтобы Болек остался доволен и отстал от меня!

– Тогда возьмем почки, – посоветовала я.

– Чьи почки? Мои? – с ужасом пролепетала Вилария.

– Березовые, – хмыкнула я и достала пузырек с настойкой.

– Давай покажу Виларии, как приготовить мазь, и составлю рецептуру, а вы со Змиевским займитесь настойкой для Грифа, – вмешался Яцек.

Я согласно кивнула, подошла ко второй горелке и принялась изучать рецепт, который помог составить Змиевскому декан Матеуш. Рецептура оказалась простой, вся сложность – добавить правильное заклинание и воззвать к душе растений. Оно и понятно, ведь готовишь микстуру для пациента. А тут особенный пациент – магический зверь. Достав из склянок нужные ингредиенты, я их взвесила, а Змиевский подсвечивал колбы с весами фонарем и перепроверял. Мы с ним вместе поговорили с корешками и сушеными листиками, а заодно и заклинания прочитали.

– А не добавить ли гарпагофитум? – задумалась я.

– Дьявольский коготь? Он может нанести вред! – возразил Яцек, перегнувшись через стол и рассматривая настойку в нашей колбе.

– Почему сразу «дьявольский»? Есть другое название – мартиния душистая. Растение оказывает обезболивающее действие. А что касается вреда, так все дело в дозировке. Ты же знаешь, любое растение может быть как ядом, так и лекарством, – многозначительно произнесла я.

– Главное, не навредить. А то потом антидот несколько лет будете искать, – вздохнула Вилка, с интересом прислушиваясь к разговору.

В этих словах таилось что-то личное, подруга явно хранила какой-то секрет, связанный с ядами и антидотами. Но Змиевский меня вновь отвлек, согласившись на «коготь», но предложив приготовить с ним отдельную настойку. И я позабыла и о секретах и о сомнениях. Извлекла из мешочка черный корешок с длинными загибающимися рогами-прутиками и раскрыла тетрадь, выискивая нужную рецептуру обезболивающего средства.

Через полчаса мы с сокурсниками закончили все приготовления. В моих колбах плескались золотистого цвета настойки с запахом свежего сена – Грифу должно понравиться. Перед Вилкой и Яцеком стояли три склянки. Но лишь в одной плескалась субстанция приятного белого цвета с легким древесным ароматом, остальные выглядели непривлекательно – имели зеленый окрас и пахли тиной. Самое то от прыщей.

– Если этот Боек не поставит мне зачет, я лично вотру в его кислую физиономию эти мази, – воинственно пригрозила Вилка и улыбнулась нам: – Спасибо, ребята!

Полли то и дело выглядывала из подсобки, проверяя, как идет процесс. Потто не появлялись, а значит, все было тихо-спокойно.

Юноши принялись прибирать на столах, а я вспомнила о красителях, и мы с Вилкой решили задержаться.

– Вы идите, мы вас догоним. Я тут быстренько сварганю еще одну настойку.

К счастью, нам не стали задавать лишних вопросов, но попросили поторопиться. Сокурсники ушли, и я принялась за дело. Для себя приготовила осветляющий жемчужный краситель, а для Виларии – затемняющий, орехового оттенка.

Вскоре настойки были готовы, а в лаборатории стоял приятный цветочно-фруктовый аромат с легким спиртовым привкусом.

– Там всего капелька спирта для закрепления ингредиентов. В твоей настойке – эфирное масло волошского ореха, а у меня масло лимонника, – пояснила подруге, которая приняховивалась к жидкости в своей колбе.

За дверью раздалось свистящее шипение, а Вилка отмахнулась:

– Да идем мы уже, идем! Только примем внутрь!

– Результат продержится месяц... – продолжила объяснять я, но осеклась. Мне показалось, что за окном послышался тоненький свист, да и за дверью тоже. Но звук прекратился, и я добавила: – Если не хочешь быть слишком темной, сделай пару глотков. Кстати, кожа приобретет ровный золотистый загар, как ты хотела.

– Здорово! Не нужно возиться с алхимикатами и кремами. Я слышала, подобные настойки только в столице продаются, в каких-то кошмарных аптеках.

– Кошмарековых, – подсказала я с гордостью. – Все компоненты натуральные, а главное – у средства стойкий эффект!

Мы с Вилкой с видом заговорщиков чокнулись колбами, я выпила свою настойку, а вот Вилария не успела.

Только она пригубила, приговаривая: «Словно пью дорогое вино!» – как за окном раздался жалобный свист, а входная дверь распахнулась, и на пороге показался сторож.

– Вот они, голубушки! Вино распивают! Но вы и сами слышали! Я же говорил, огонек туда-сюда пляшет в окне лаборатории. Не зря я вас разбудил! У меня на это дело нюх!

Мужчина пошевелил покрасневшим носом и грозно направился к нам.

– Разберемся, – раздался знакомый голос, и в лабораторию зашел его обладатель – ректор Провинциальной магической академии.

Лер Тори был в тапочках, домашних брюках и шелковом халате. Белоснежные волосы рассыпались по плечам, вид был недовольный, заспанный, но очень привлекательный. И вместо того чтобы спрятаться под столом или избавиться от колбы, мы с Вилкой замерли, любуясь широкими ректорскими плечами.

Амадор Тори в два шага оказался рядом с нами и ловким движением забрал из рук Виларии настойку с красителем.

– Ну что? Чистый спирт? – с предвкушением поинтересовался комендант и облизнулся.

– Что это? Вино? – нахмурился ректор, вторя сторожу.

– Нет! – возразила я.

– Значит, будете все отрицать, адептка Комарек? Проверим!

Амадор Тори принялся и... пригубил.

– Не-э-эт! – запоздало выкрикнули мы с Вилкой.

Я вскочила с места, пытаюсь вырвать из рук ректора колбу, но тот не отдал, победно вознеся остатки красителя над головой. Правда, к моему облегчению, он достал из кармана красную пилюлю и проглотил. Не иначе как антидот.

– Спирт есть, но доза минимальная. Для кого варили? – сердито спросил ректор Тори.

– Это не то, что вы думаете! – попыталась оправдаться я.

– Врать бесполезно, я застал вас на месте преступления и лично продегустировал. Лучше признайтесь сразу!

– Это... это настойка для личных нужд, – засмушалась я.

Признаваться ректору, что готовила краситель и осветляла волосы, считала неприличным.

– Объявляю вам первый строгий выговор за проникновение в лабораторию и нарушение режима. Завтра магистр Болек определит, что вы сюда намешали, – недовольно поджал губы лер Тори и заткнул колбу пробкой. – На вино вроде не слишком похоже. А если окажется, что это запрещенное приворотное зелье, я вас выгоню из академии с позором!

– Вы не боитесь, что приворот подействует на вас? – ехидно поинтересовалась Вилка, приходя в себя.

– Вы же видели, адептка Войта, что я принял антидот. Между прочим, лучший, приготовленный королевским лекарем. Думаете, вы единственные, кто пытается добраться до первого жениха Протумбрии? – высокомерно заявил ректор. – Но на меня эти штучки не действуют!

Я про себя молилась всем богам, чтобы так оно и было. Ведь в колбе – я охнула, прикрыв ладонями лицо, – находился затемняющий краситель! Мамочки! Он, конечно, проявится не сразу, да и ректор сделал лишь глоток. Вон и антидот принял. Будем надеяться, что поможет.

– Ага! Вижу, вам стыдно, – злорадно произнес ректор. – Жду вас, адептки, в восемь утра в кабинете для объяснений, а сейчас комендант проводит вас в корпус.

Пока я собирала вещи, прислушиваясь к предупреждающему художественному свисту друзей и шипению Полли, которые прозвучали с большим запозданием, сторож с важным видом обходил лабораторию. Заметив дверь, ведущую в коридор, он остановился и потер ладони:

– Наверное, через нее и пробрались!

– Нет-нет! – вскрикнула Вилария. – Мы остались после занятий и спрятались под столом. У меня проблемы с зельеварением, и Лиска мне помогала.

Сторож дернул ручку, но дверь, к нашей радости, оказалась заперта. Мужчина, недовольно бурча, схватил нас под руки, выводя из лаборатории как нашкодивших малышей, и потащил в сторону общежития.

– Лер Тори, только вы, пожалуйста, больше не пейте! – крикнула я напоследок.

– Вообще не пить или вашу винную настойку? – мрачно пошутил ректор. – Не переживайте. Сохраню для экспертизы.

Амадор Тори похлопал себя по карману, где лежала колба, и гордо удалился в свой коттедж, мелькая в темноте белоснежными волосами. «Пока еще белоснежными», – вздохнула про себя, ибо уже утром краситель даст о себе знать. Оставалось надеяться, что лер Тори не превратится в жгучего брюнета и подействует хваленый королевский антидот.

Глава 14

Белоснежный цвет: доверься ему – и пятен нет!

Не нужно говорить, что после ночных приключений сон был тревожным, а под утро и вовсе приснился кошмар.

Мне привиделось, что надо мной склоняется ректор Тори, трясет за плечи и требует то ли продолжения веселья, то ли какое-то зелье. Я с головой укрылась одеялом, поэтому слов до конца не разобрала.

– Адептка Комарек, просыпайтесь! – неприятно прошипело над ухом, а затем мне стало холодно.

Вот правильно Валежка говорила – на ночь есть вредно. А я вчера как раз перед сном доела булочку, которую мне с собой завернула лира Эндрю. И для фигуры губительно, и для душевного здоровья опасно.

– Да вставайте уже! – зло прохрипел до боли знакомый голос.

А я резко открыла глаза.

И осознала, что это не сон.

Над моей постелью навис ректор Тори, почему-то в длинном плаще и капюшоне. Он скинул одеяло на пол и попытался поднять меня с постели. Я вцепилась в простыню, скосила глаза вниз и порадовалась, что на мне новая пижама с мухоловками – симпатичными зелеными зубастыми цветами. Ткань не задралась, и в целом я выглядела прилично. Но тут же сообразила, что ни о каких приличиях речи быть не могло: Амадор Тори собственной персоной находился в женской части общежития, и со стороны его цепкая хватка могла напоминать объятия.

– А-а-а... а что вы здесь делаете? – поинтересовалась я, добровольно поднимаясь с постели и поправляя пижаму.

Ректор обернулся на соседнюю кровать, где спала Вилария. Подруга лежала с закрытыми глазами, но, судя по вздрагивающим векам, притворялась. Коричневый с пушком змеиный хвост, свисавший с кровати, быстро исчез под одеялом. Лер Тори округлил глаза, но я дернула его за рукав:

– Не отвлекайтесь. Вы хотели объяснить, что вас привело в столь ранний час в комнату женского общежития.

С тоской посмотрела в окно: солнце только взошло, осветив рыжеватыми лучами верхушки деревьев. Спать бы да спать!

Ректор вновь покосился на «спящую» Вилку, потом на дверь, а затем стянул с головы капюшон... Я вскрикнула, закрыв ладонями рот. Белоснежные волосы мужчины теперь серебрились. Более того, они приобрели приятный фиолетовый оттенок, а некоторые пряди потемнели. Присмотревшись, обнаружила, что брови и ресницы ректора тоже отливают нежно-фиолетовым.

– Что это за.... Что это такое, адептка Комарек? – зашипел ректор, указывая на свои волосы. – Чем вы меня опоили? Что было в той колбе?

– Э... это краситель. Улучшенная формула, натуральные компоненты. Волосы меняют цвет, в течение месяца проблемы нет! – оттарабанила я, вспомнив рекламу красителя в наших аптеках.

Чего теперь скрывать, когда результат налицо. И на лице тоже.

– Кра... крх... – закашлялся ректор Тори. – Краситель? Фиолетовый?!

– В крапинку, судя по результату, – подсказала я, с интересом рассматривая волосы ректора. – Но вообще-то он затемняющий был, оттенок «темный орех».

– А почему у меня вышел серо-буро-козявчатый? – резонно спросил ректор.

– Может, сработал антидот? Поэтому и получился такой... оригинальный оттенок, – догадалась я.

– Почему вы мне сразу не сказали, что в той колбе не вино, а краситель? – возмутился ректор Тори.

– Так не успела! Вы как выхватили колбу, как отхлебнули! Сами же знаете, студенты на всякое способны. Очень опрометчиво с вашей стороны пить всякую гадость!

– Но я принял королевский антидот! – не мог смириться с поражением ректор. – Он нейтрализует яды и сильные привороты! Я проверял. Между прочим, этот самый антидот в прошлом году подействовал на запрещенное средство «Лохеин» и вернул жертвам память!

– Память-то вернул, а вот чувства – нет, – буркнула из-под одеяла «спящая» Вилка.

Ректор покосился на ее кровать, а я потянула его за рукав, не позволяя отвлечься:

– Возможно, на яды ваш антидот и действует, но с натуральным красителем что-то пошло не так. Да вы не переживайте, могло быть и хуже...

– Куда уж хуже, – процедил сквозь зубы ректор.

– Стали бы жгучим брюнетом со смуглой кожей, – подсказала я, а собеседник завыл. Тут же поторопилась его успокоить: – Вам, между прочим, очень идет. Пряди благородного серебристого цвета, ни у кого таких нет. А фиолетовый позволено носить только королевской семье. Считайте, вы приблизились... Ой!

Договорить не успела, потому что ректор вплотную приблизился ко мне и встряхнул за плечи:

– Вы – мой личный кошмар! И зачем я только согласился взять вас в академию! Целый год я руководил этим заведением успешно! Открыл новое отделение, улучшил показатели, у нас учатся самые талантливые студенты. И в этом году мое везение закончилось – пришли вы!

– А я-то здесь при чем? – попыталась я возмутиться и вырваться из ректорской цепкой хватки.

Но не вышло. Наоборот, лицо мужчины стремительно приблизилось, и он, чуть ли не касаясь кончиком носа моего, прошипел:

– Вы самая... самая плохая студентка!

Вот в другой ситуации я бы не обратила внимания на эти слова и упала в обморок от счастья, что такой красивый мужчина держит меня в объятиях, а от поцелуя нас отделяет несколько миллиметров. Но сейчас было не до миллиметров и тем более не до сантиментов. Взгляд ректора пылал злобой, и мне стало страшно. А от страха я начинаю говорить все, что думаю, поэтому выдала:

– Сами ворвались ночью в лабораторию, а небось еще до конца не проснулись! И сами выпили не пойми что! А если бы в той колбе была настойка для Грифа, стучали бы сейчас копытами. Сразу видно, что всего год на ректорской должности, практического опыта работы со студентами никакого!

– Адептка Комарек! – рявкнул ректор, опешив от моей наглости. – О ваших выходках и моем опыте поговорим позже! А сейчас делайте что хотите, но чтобы уже сегодня этого безобразия на моей голове не было!

– Это легко! Устраним безобразие целиком и полностью – подстрижем вас! – подсказала я.

Амадор Тори зашипел, а я осознала, что идея оказалась неудачной.

– Приготовьте мне осветляющий раствор или сварите антидот, нейтрализующий действие красителя! Верните прежний вид! И чтобы никому ни слова! Вам ясно?

Ректор Тори резко отпустил меня, и я упала на кровать.

– Чего ж тут не понять, – буркнула в ответ. – Ваше чудесное преобразование следует держать в тайне. Только все не так просто! Чтобы приготовить осветлитель или антидот, мне нужно время и образец... Не могу же я экспериментировать сразу на вас!

Амадор Тори закатил глаза, а затем достал из кармана перочинный ножик. Я охнула: договорилась, будет убивать! Но нет, ректор отрезал прядь своих волос и всучил мне:

– Надеюсь, этого достаточно, чтобы провести необходимые эксперименты? И без всяких там приворотных глупостей! – угрожающе рявкнул он. – Придете в мой коттедж после обеда и принесете осветлитель!

– Так быстро я точно не успею, у меня еще занятия, – замотала головой, прижимая к сердцу драгоценный клочек ректорской шевелюры.

Ох, что же делать? Одна я не справлюсь. А Яцек вряд ли что подскажет, тут нужен внушительный опыт в индустрии магокрасоты – такой, как у лиры Эндрю.

– Вечером приду! – твердо заявила я.

– После ужина, – нехотя согласился ректор Тори, набросив на голову капюшон и скрывая «красоту».

– После ужина не могу, у меня бег с препятствиями... вернее, с адептом Райтом, – посетовала я.

– Жду вас перед отбоем! – озвучил окончательный вердикт Амадор Тори и добавил: – И, кстати, вы с адепткой Войтой получаете второе строгое предупреждение!

– Но это несправедливо! Мы еще с первым не успели привыкнуть! – возмутилась я. – И потом, готовила краситель я, меня и наказывайте!

– Колбу я взял у Виларии Войты. И в лабораторию вы обе пробрались, значит, и отвечать будете вместе! Так и передайте якобы спящей соседке! – отрезал напоследок ректор и удалился, даже не соизволив закрыть за собой дверь.

– Интересно, а как он прошел мимо куратора? – поинтересовалась Вилка, вылезая из-под одеяла.

Тут же показалась хитрая рыжая мордочка Полли. Зверюшка, как и ее хозяйка, затаилась на время беседы под одеялом.

Услышав доносящийся из коридора громкий храп, мы догадались, что сонный порошок прекрасно подействовал на куратора до утра, и вопрос отпал сам собой.

– Что будешь делать? – с сочувствием спросила подруга, а Полли прижала лапы к груди, соболезнуя и в то же время интересуясь моими дальнейшими планами.

– А что тут можно сделать, кроме осветлителя? – Я разжала кулак и посмотрела на серебристо-фиолетовую прядь. – Буду алхимичить, в антидотах я не сильна.

Тяжело вздохнув, принялась собираться на лекции.

Все занятия я просидела как на иголках, то и дело записывая в конце тетради рецептуры разных настоек. Авось что-нибудь сработает. Главное, чтобы не было хуже!

Амадор Тори свои лекции сегодня отменил, а по академии прошел слух, что ректор заболел. Юноши порадовались, что занятий не будет, а вот девицы всполошились. Второкурсницы из первого девичьего набора принялись пытаться преподавателей, чем именно болен ректор, и после занятий побежали готовить микстуры – от кашля, головокружения и колик. А вот адептка Беде собрала вокруг себя инициативную группу, подговорила испечь сладости и вызвалась лично передать ректору гостинец. Адептки побежали в столовую договариваться с кухаркой. В другой раз я бы посмеялась над ними, но сейчас было не до смеха. Если мое снадобье не сработает, этот день будет последним в моей жизни, в смысле – жизни и учебы в академии.

Вилка пыталась меня подбодрить, даже в библиотеку отвела после обеда, выискивая какие-то редкие книги по противоядиям.

– Эх, если бы из хранилища достать тот зубасто-ядовитый фолиант, который древние зельевары написали, – мечтательно протянула она и покосилась на маленькую железную дверь в стене. – Мы бы ему такую настойку сварганили... Вернее, ты.

– Лучше я как-нибудь сама, без древних зельеваров обойдусь, – отказалась я. – А то станет наш ректор с ног до головы фиолетовым в крапинку – меня не то что из академии, а из страны попросят за нанесение непоправимого ущерба магу высшей категории. Да и третье строгое предупреждение за вскрытие хранилища мне никак не потянуть, я еще первые два не отработала.

Попрощавшись с подругой, фонтанировавшей идеями, я поторопилась в Жижу – в школу лиры Эндрю. Может, директриса что-нибудь придумает, и я спасу ректора! А заодно и себя.

– Прядь волос – это чудесно! – похвалила лира Эндрю, как только я выложила ей историю «отравления», показала составленные мной рецептуры и предъявила вещдок – клочок серебристо-лиловых волос. – Только за антидот я не возьмусь, а вот осветляющую настойку приготовить помогу.

Лира Эндрю разделила пряди на несколько частей, принесла ингредиенты, проверила рецепт моего затемняющего красителя... и мы принялась за дело.

Вскоре в колбах бурлили белоснежная, фиолетовая и ярко-лимонная жидкости.

– Ну что, пробуем? – спросила директриса и решительно капнула из первой колбы с темным раствором на несколько волосков.

«Образец» зашипел, заискрился, а вскоре на месте волос возникла маленькая горстка пепла.

– Упс! – всхлипнула я, представив, как втираю чудодейственную настойку в волосы ректора и решаю проблему кардинально, так сказать, под корень.

– Видимо, переборщила с порошком хвойных опилок, – расстроилась лира Эндрю и отложила колбу с фиолетовой жидкостью в сторону, взяв белоснежную.

– Эта точно подействует, – приободрила я женщину, вспомнив слова из рекламы белил, продающихся в нашей сети аптек:

«Белоснежный цвет: доверься ему – и пятен нет».

Увы, я ошиблась. Серебристо-фиолетовые волоски из второй группы, как только на них попал отвар, начали темнеть на глазах. А спустя несколько секунд приобрели цвет воронова крыла.

– За это он меня точно выгонит, – вздохнула я, прикидывая, что ректору черные волосы не пойдут. – Можно было бы к декану Матеушу за консультацией обратиться, но лер Тори запретил обсуждать это с кем-либо в академии.

– И я его понимаю. Светлый маг высшей категории попал впросак, стыдно перед коллегами, – искренне посочувствовала ректору директриса. – Сам-то он, поди, не зельевар?

– Не зельевар, – подтвердила я. – Он на магическом праве и бытовой магии специализируется.

Вспомнила, как кто-то из старшекурсников восхищался тем, что ректор одним легким заклинанием может очистить помещение от посторонних. А кто-то, наоборот, возмущался, что академией руководит не стихийник и не некромант. И даже не целитель. Меня в ректоре Тори устраивало все, кроме предвзятого ко мне отношения. Ну и теперь еще цвета волос. Хотя зря он так – серебристый ему очень идет, хоть и делает старше.

– Идеально было бы красящую настойку для приема внутрь приготовить, как я делаю для своих аптек, – посоветовала я. – Но не знаю, как она с королевским антидотом будет взаимодействовать. К тому же я больше на молодильных эмульсиях и на примочках красоты, увеличивающих грудь, специализируюсь.

– Хорошо что ты не с ними опыты проводила, – пряча улыбку, произнесла лира Эндрю. – А то бы мы твоему ректору не помогли. Пришлось бы к королевскому лекарю обращаться.

– Это да, там эффект до полугода держится, – подтвердила я и хихикнула, представив ректора Тори с внушительным бюстом. – Даже думать боюсь, что бы он со мной тогда сделал. Не иначе как сдал бы некромантам на опыты.

– Надеюсь, обойдется без жертв, – подбодрила меня лира Эндрю и взялась за колбу с ярко-лимонной жидкостью. – Третья попытка!

Она капнула настойку на оставшуюся тоненькую прядку ректорских волос, пошел подозрительный зеленоватый дым, да и запах тоже оставлял желать лучшего – потянуло тухлятиной. Мы с лирой

Эндрю нахмурились, но когда дым рассеялся – радостно рассмеялись. Волоски в третьем образце стали белоснежными!

– Ура! – с облегчением выдохнула я. – Получилось!

Лири Эндрю тоже выдохнула с облегчением и принялась переливать осветляющий краситель из колбы в красивый стеклянный флакон.

– Запах, конечно, не слишком приятный, я добавила стапелию, – пожаловалась она. – Но ради результата можно потерпеть.

– А что ему еще остается? – резонно заметила я. – Не фиолетовым же еще месяц ходить!

Лири Эндрю отставила флакон в сторону и подхватила пинцетом несколько упавших на стол ректорских волосков, убирая их в колбу. Затем ловким движением отрезала тоненькую прядь у меня и положила туда же.

– Это еще зачем? – испугалась я.

– Для симпатического зелья. Я просила тебя принести какую-нибудь вещь, но волосы – лучше. Они прямые носители энергетического отпечатка.

– Но я же передумала! – запротестовала я.

– Это ты сейчас передумала, – покачала головой лири Эндрю. – А вдруг осветлитель не сработает или ты еще что-нибудь натворишь? Пусть будет на крайний случай.

Пришлось согласиться с доводами директрисы. Я, конечно, не собиралась охмурять ректора, в смысле добиваться его симпатии насильно. Но вдруг он действительно решит меня выгнать – тогда и мне придется пойти на отчаянные меры.

– Варите! – решительно произнесла я. – Но только на крайний случай!

Лири Эндрю вновь принялась смешивать компоненты, попросила прошептать в готовый раствор вызубренное мной заклинание «охмурились», добавила щепотку какого-то порошка из коробочки с перечеркнутым крестом черепом, пояснив, что не приемлет никакого колдовства – только алхимию. Прозрачное зелье в колбе забурлило и порозовело, переливаясь перламутром, потянуло розами и ванилью, а довольная лири Эндрю убрала колбу в шкаф:

– Зелье должно настояться, чтобы ваши энергии вошли в резонанс.

– Так как оно действует? – все-таки уточнила я.

Ну а что ж не спросить, раз уже все готово.

– Действует мимолетно и без последствий. Это не любовный напиток и не приворотное зелье, а лишь легкая симпатия. Капельки будет достаточно, чтобы твой ректор передумал выгонять тебя из академии, – ответила лира Эндрю. – Можно добавить в чай или в еду. А можно использовать как духи. Никто, кроме ректора, не почувствует. Только ты и он.

– Я и он, – мечтательно улыбнулась, вспомнив, как утром ректор сжимал меня в объятиях.

Ну не совсем меня, сжимал он мою шею, чтобы придушить, да еще обещал вклеить третий выговор. Вот как представила в красках, сразу исчез весь романтический флер.

– Не переживай, симпатия быстро проходит, – успокоила меня директриса. – К тому же я противница приворотов. Считаю, что лучше заняться нарядами и прической. В крайнем случае сварить зелье для похудения. У тебя в аптечном деле опыт есть, но и я кое-что могу.

– Лира Эндрю, а откуда у вас такие познания? Вы раньше работали в аптеках?

– Нет. – Собеседница покачала головой. – Мой муж был известным в узких кругах алхимиком. Я многому у него научилась. Но в основном варила зелья красоты для себя и готовила бытовые настойки для ухода за домом.

– И что же произошло?

Я огляделась. Гостиная, как и сам дом, выглядела прилично, но скромно для жилища известного алхимика.

– Муж увлекся вредными алхимикатами и однажды перешел грань.

– Ушел за грань? За Занавесь? – посочувствовала я.

– Нет, сперва он перешел грань закона. Стал брать заказы на запрещенные в королевстве зелья. В итоге в наш дом постучала полиция, мужа судили, лишили имущества и запретили проводить опыты. У меня имелись кое-какие накопления, доставшиеся от семьи, на них мы и купили этот дом. Вскоре муж умер, запрет на занятие любимым делом и судебные тяжбы подкосили его здоровье. Я осталась одна... – Лира Эндрю стерла слезинку и печально улыбнулась. – Мне

пришлось открыть эти курсы. Увы, я не преподаватель и не аптекарь, академических знаний у меня нет, но могу все показать на практике.

– И в рекламе вы не сильны, – пробормотала я, вспомнив скромное объявление в газете. Если бы не Жижя, я бы не обратила на него внимания.

– Не сильна, – подтвердила женщина. – В прошлом году у меня было три ученицы, в этом году – только одна. Но я не жалуюсь, на жизнь хватает.

– С этим нужно что-то делать! – возразила я.

Мне очень захотелось помочь женщине, судьба которой чем-то напоминала судьбу тетушки Лижбет. Ведь после смерти дяди Вольдемара тоже остались долги, и папенька помог тете их погасить. Но, в отличие от моей дальней родственницы, лира Эндрю не хитрила, вытягивая деньги, и не искала себе нового мужа, а пыталась выжить, зарабатывая на жизнь трудом.

Перед уходом я попросила директрису дать мне брошюрки с перечнем занятий. Может, если среди студенток академии раздам, кто-нибудь заинтересуется. Помимо брошюрок, лира Эндрю положила мне в сумку осветляющую настойку для ректора, печенье для Матюши и лекции для тети – уже завтра я должна вернуться в Будеж. Только встреча с тетушкой волновала меня сейчас меньше всего. Ибо предстояло испробовать настойку на ректоре Тори, и желательно удачно. Хорошо бы обойтись без новых приключений, чтобы не схлопотать очередной выговор. Последний.

Глава 15

Спасение ректора – дело рук... самого ректора

Как ни торопилась я побыстрее добраться из города в академию, как ни старалась заскочить в зоосад, а потом и на ужин, но успела лишь переодеться и побежать на тренировку с Райтом.

– Джер, будь человеком, давай перенесем на завтра, – попросила я его.

– Перенести можно, но завтра побежишь в двойном объеме, – надменно сообщил адепт. – Двадцать кругов.

– Эй, почему двадцать-то? – возмутилась я. – Было же пять! Значит, двойной объем – десять.

– Это когда было, Комарек? До того, как ты меня притравила и приклеила к полу моих гостей, – нагло заявил адепт. – Теперь, считай, ты вдвойне мне должна.

Осознав, что столько мне никогда не пробежать, махнула рукой. Чем быстрее отмучаюсь, тем скорее передам ректору настойку.

– Ладно, давай быстрее. Мне сегодня пораньше надо.

– На свидание идешь? – прищурился Джер Райт. – Не успела месяц отучиться, а все туда же! Жениха ищешь...

– Приключения я ищу, – буркнула, не дослушав напрасные обвинения, и побежала.

После первого круга дыхание сбилось, ноги дрожали, но мысли о бедном ректоре Тори, который целый день томится в заключении коттеджа, придавали уверенности и скорости. После второго круга у меня открылось еще одно дыхание. Хотя нет, не у меня. Обернувшись, увидела, что за мной бежит адепт Яцек.

Он подмигнул:

– Не волнуйся, Лиска, твоего Матюшу я покормил, конуру его почистил! Хомяки помогали.

– Спасибо тебе... вам всем, – благодарно улыбнулась я, слегка притормозив.

– Эй, это что такое? Почему снижаем темп? – рявкнул адепт Райт, подбежав к нам. – И почему посторонние ухажеры на арене?

– Это не ухажер, а группа поддержки, – раздался голос позади.

Мы обернулись и увидели, как к нам на всех парах несется Вилка. Она откинула сумку в кусты, всучила жакет ошарашенному Райту и побежала рядом со мной.

– Вы что мне тут устроили? Здесь серьезное занятие... – попытался было вмешаться наставник, но Вилка его осадила:

– Это издевательство, а не занятие! Для разминки достаточно и двух кругов. И потом – тебя приставили к Лиске, чтобы ты ей приемы показал, а не мучил!

Райт хотел что-то ответить, но неожиданно споткнулся и упал. А в кустах мелькнул знакомый змеиный хвост. Что проорал старшекурсник, мы уже не слышали, потому что пошли на третий круг.

– Прости, Лиска, что опоздала, опять засиделась в библиотеке.

Не успела я ответить, как рядом в траве возникли две знакомые мордочки. Вася и Базя.

– А они как пробралась? Ректор ведь обещал усилить магический контур и установить вокруг парка охранные ловушки?

– Так это он после отбоя обещал, – прозвучал сбоку еще один голос, а к нам присоединился Змиевский. – Жаль, что так вышло. Мы вам свистели-свистели...

– В следующий раз договоримся о более надежном оповещении, когда пойдем в лабораторию, – пообещал Яцек, а я закашлялась.

Мне хватило и одного похода, тут бы до первой сессии добежать, вернее, дотянуть.

– Эй, Комарек, давай быстрее! – крикнул Райт, который встал на скамью и наблюдал за нашей компанией с высоты.

– Иду на рекорд! – сообщила я сокурсникам и пошла в отрыв.

И это было ошибкой.

Девятый и десятый круги дались с большим трудом. Яцек со Змиевским тащили меня под руки, Вилка на бегу обмахивала какой-то веткой, а хомяки с Полли подталкивали сзади. Так я добралась до финиша, упав в руки Джеру Райту. Тот проворчал что-то про невыносимую тяжесть то ли бытия, то ли моего характера.

– Готовься, Комарек, завтра будет полная программа с ударами, – пригрозил адепт Райт.

– Судьбы? – уточнила я и получила в ответ усмешку:

– Ты всегда можешь передумать...

– Не дожدهшься! – категорически отказалась я и упала в траву лицом.

Друзья сели рядом, а Джер Райт гордо удалился в сторону общежития. Правда, он несколько раз спотыкался на ровном месте, а в траве мелькал змеиный хвост и раздавалось дружное фырканье потто. Похоже, звери нашли себе новое развлечение – боевого мага.

– Лиска, а ты ректору настойку приготовила? – шепотом спросила Вилка.

Вспомнив о ректоре, я подскочила как ужаленная, забыв о боли в ногах.

– Ползу! Вернее, иду! – простонала я, прощаясь с друзьями. – Ну... не поминайте лихом.

– На всякий случай положила тебе в карман мармеладных паучков с червячками, – предложила Вилка. – Для поднятия настроения.

Подруга зачем-то пробормотала мне вслед заклинание избавления от нечисти, а я обреченно поплелась к ректорскому коттеджу.

Мне не повезло. У входа столпились первокурсницы во главе с Ханкой Беде. Пришлось спрятаться в кустах и прислушаться к разговору.

Я заметила, что Ханка держит поднос, уставленный сладостями, а ее подружки указывают на них, перебивая друг друга:

– Скажи ему, что те ватрушки испекла я. По бабушкиному рецепту!

– А пирожные-корзиночки делала я! Правда, форма не слишком удачная вышла.

– Если форма неудачная, забери! – приказала Ханка. – Я не понесу леру Тори испорченные продукты!

Наконец студентки прекратили верещать, адептка Беде облизала ярко накрашенные губы, не иначе как расстаралась ради ректорского здоровья. Девушки спрятались за деревьями, а Ханка, пнув ногой дверь, пропела нежным голосом:

– Ректор Тори, откройте, пожалуйста, я вам гостинчик принесла.

– Кто? – рыкнул из-за двери ректор, да так громко, словно стоял и ждал, когда кто-нибудь постучит.

Мне даже стало его жалко. Томится, бедненький, весь день взаперти с фиолетовыми волосами, ждет настойку, а тут тебе пирожные отравленные подносами носят.

– Это адептка Беде, – пояснила Ханка.

– Идите в... в свой корпус, адептка Беде, – грозным голосом произнес Амадор Тори. – Я же просил меня не беспокоить, а вы в пятый раз приходите!

– Но я полагала... я думала... – попыталась возразить расстроенная Ханка.

– Видимо, вам вредно много думать, – глухо пробурчал ректор и рявкнул: – Если еще раз придете, влеплю строгий выговор!

– Ой! – Ханка поджала губы, оставила поднос на крыльце и уныло потопала по тропинке подальше от ректорского коттеджа.

Девицы выбежали из укрытия и окружили ее:

– Ну что там? Взял? Дверь открыл?

– Открыл, – беззастенчиво соврала нахалка. – Такой бледный, едва держится на ногах.

– Это проклятие! – со знанием дела произнесла рыженькая студентка.

– Или кто-то сделал отворот, чтобы ректор никому не достался! – трагическим голосом проговорила темненькая девица.

– А может... может, он сохнет от неразделенной любви? – охнула еще одна дуреха. – У него вроде невеста есть? Страдает в разлуке, вот и заболел! Оба страдают!

Девица прижала руки к груди, а я не удержалась от смешка. В данный момент невеста лера Тори, то есть я, страдала, сидя среди колючих веток и дожидаясь, когда разойдутся поклонницы. А уж чтобы Амадор Тори по кому-то страдал, и вовсе трудно представить.

Наконец девушки наохались и пошли к своему корпусу, только Ханка все оборачивалась. Видимо, надеялась, что ректор заберет поднос. А я бы тоже не взяла, еще неизвестно, что они ему в эти пирожные подмешали.

Выбралась из укрытия и постучала в дверь.

– Что? Опять?! – рявкнул ректор.

– Не опять, а снова, – огрызнулась в ответ. – Это я, адептка Комарек! Откройте!

Как ни странно, дверь тут же приоткрылась, а я юркнула внутрь. Ректора в коридоре не заметила. Интересно, кто тогда говорил и открывал дверь, которая, к слову, тут же захлопнулась? Вспомнила, что глава академии силен в бытовой магии, и все встало на свои места. Похоже, дом напичкан всякими охранками, шумелками, говорилками и пугалками.

– Да не стойте вы столбом, проходите уже в гостиную! – приказал ректорский голос.

Я пошла на свет и вскоре оказалась в уютной просторной комнате. Ректор, как ни странно, не страдал, а удобно устроился в кресле, попивая чай и читая газету. Жаль, за ней не видно, какого цвета у него стала шевелюра.

Подошла ближе, а лер Тори властно приказал:

– Показывайте, Комарек, что вы там принесли!

Амадор Тори опустил газету, а я... обомлела.

Волосы были белоснежными, как и прежде. И даже брови с ресницами – без фиолетового налета. Немного потемнели, конечно, но так даже лучше – оттеняют фиалковый цвет глаз. А с этими фиалковыми глазами очень красиво гармонирует нежно-лиловая прядь, которая упала ректору на лицо.

– Это что такое?! – не смогла сдержать возмущения.

– Да, вы правы, эта прядь ужасна, но я надеюсь, к утру исчезнет...

– Я не об этом! – Подлетев к ректору, с ужасом спросила: – Где ваши серебристо-фиолетовые волосы? А где лиловые брови? Где сиреневые ресницы, а?!

– Антидот сработал, – довольно усмехнулся ректор. Указав на одинокую лиловую прядку, поморщился: – Только эту даже вторая пиллюля не взяла.

– Втр... вторая? – поперхнулась я собственным негодованием. – Антидот сработал?! Я целый день места себе не находила, переживала, как вы тут: не потемнели ли, не стали ли полностью фиолетовым! Исписала все тетради, достала из личных запасов лапку тысячелистниковой козявки, можно сказать, от сердца оторвала! Варила вам настойки – столько полезных образцов израсходовала! А вы... вы... Могли бы предупредить, что уже не надо!

Ректор поднялся с кресла, нагло ухмыляясь:

– Будет вам наука, как ночами бегать в лабораторию и варить не пойми что. Кстати, вы мне так и не признались, что там делали?

– Так это... мы с подругой практиковались в зельеварении.

– Зачем же ночью? Неужели нельзя было днем позаниматься? Есть же дополнительные занятия.

– Так днем нас не пускают! У магистра какие-то научные опыты, а для первокурсников дополнительные занятия только раз в неделю, – выпалила я, сдав с потрохами вредного преподавателя.

Ну а что? Мы же не по своей воле ночами по лабораториям шастаем.

– Научные опыты, говорите? – нахмурился ректор. – Ладно, с этим я разберусь. А теперь показывайте, что вы там принесли для изменения цвета.

– Но вам же теперь не надо!

– Я должен проверить, что вы намешали. Считайте, это было вашей отработкой выговора.

Вздохнув, полезла в сумочку и извлекла флакон с настойкой лимонного цвета. Ректор с сомнением посмотрел на подозрительную жидкость, открыл флакон... и поморщился. Потянуло тухлятиной.

– И это вы хотели в меня влить?! – возмутился лер Тори, поскорее затыкая флакон пробкой.

– Ну почему сразу «вливать»? Втереть... в вас... в волосы, – заикаясь, произнесла я под строгим ректорским взглядом. – Зато цвет стал бы прежним. Я проверяла на образцах.

– Цвет, может, и стал бы, но запах... – скривился ректор.

– Кто ж о запахе думает, когда волосы буро-козявчатые, – проворчала я.

– Чтобы убрать неприятный запах, стоило добавить листья хлорофитума или драцены, – со знанием дела проговорил ректор и передал мне флакон.

– Так вы что, разбираетесь в растениях? – удивилась я. – Вы же бытовой маг!

– И не только. В свое время я окончил Столичную магическую академию, специализировался на магическом и бытовом праве, но факультативом изучал и зельеварение, и боевую магию, и даже некромагию, хоть я и светлый маг. Я был прилежным учеником и

круглым отличником, не в пример некоторым, – с гордостью заметил ректор.

– Только техника безопасности у вас хромает, – едва слышно добавила я.

– Это да, – неожиданно согласился он, – здесь я сам виноват. Нельзя было пить. В смысле вашу настойку. Собирался уличить вас на месте, да и на королевский антидот понадеялся.

Я во все глаза смотрела на ректора. Он что, согласился со мной? Признал свою оплошность?

– А почему вы тогда засели в коттедже, если вернули прежний окрас? – спросила я, осмелев.

– Цвет вернулся только к обеду, больно забористый у вас краситель получился. А раз уж отменил занятия, решил спокойно поработать дома. – Ректор покосился на внушительную стопку книг.

Я заметила среди них и фолиант по управлению крупными магическими предприятиями, и педагогический справочник, и даже брошюру «Настойки и их побочные проявления».

– А почему... – решила задать новый вопрос, но, вероятно, хорошенького понемножку.

– Идите уже, адептка Комарек, – легонько подтолкнул меня к выходу ректор. – Так уж быть, снимаю с вас второй выговор за осветлитель.

Дверь сама по себе открылась, подул ветерок, и я не заметила, как оказалась за порогом дома. Вот что значит профессионал и бытовой маг. Теперь понятно выражение «ветром сдуло».

Не успела я отойти от ректорского коттеджа, как из кустов вылезла Ханка Беде.

– Как тебе удалось пролезть в дом к ректору? – зашипела она. – Чем ты его угощала?

Вот же приставучая девица, ведь явно не учиться пришла в академию, только и делает, что бегаёт за ректором. Чужим женихом, между прочим! Вдруг вспомнила о Вилкиных паучках, и на ум пришла гениальная идея:

– Я угощала лера Тори особым деликатесом.

– Врешь! Он ничего ни у кого не берет! – возразила Ханка.

– Это у тебя не берет, потому что он пирожные не любит, – врала я и даже не краснела. – А мне лер Тори по секрету рассказал о своих

пристрастиях. Вот смотри, тут немного осталось. Хочешь попробовать?

Извлекла из кармана несколько паучков, синюшных червячков, да еще Вилка положила тараканов. Вкусные, наверное, шоколадные, судя по цвету.

– А-а-а... – заверещала девица. – Ужас! Кошмар!

Про кошмар это она верно заметила. Папенька меня тоже так называл, когда я алхимичила в лаборатории, вернее, несколько раз ее взрывала.

– Они что, настоящие? – склонилась над моей ладонью Ханка и поморщилась.

Как я ее понимала. Выглядели Вилкины мармеладные паучки мерзко и очень натурально.

– Свежак! – Подмигнула девице и поскорее убрала сладости в карман, а то и впрямь решит съесть. – Вылавливала специально для ректора по его личной просьбе. Вот, принесла перед отбоем, чтобы никто не видел. Сама понимаешь: вкус-то специфический.

– У кого? У мертвых червяков? – спросила позеленевшая студентка.

– И у них и у лера Тори, – подтвердила я. – Ладно, Ханка, я бы с тобой еще поболтала, но мне пора. Скоро отбой, а ректор просил еще навозных жуков собрать.

Помахав обалдевшей девице, я направилась к своему корпусу. А по дороге хихикала: вот так и устраняются соперницы. Теперь вместо пирожных она принесет совсем другое угощение.

Кусты рядом зашевелились, показались смешные мордочки Васи и Бази. Пушистые друзья решили меня проводить. А я поделилась с ними лакомством. Жующие и довольные, мы с потто добрались до парка: звери побежали к себе, а я едва успела влететь в комнату. Раздался печальный звук горна, который чем-то походил на голодный рев Матюши, – в академии объявили отбой.

Глава 16

День без погони – что жизнь без любви

Как ни странно, сегодня занятия прошли без приключений. Не считая того, что ректор Тори щеголял лиловой прядью. Уже к обеду в волосах большинства адептов – блондинок, рыжеволосых и темненьких – красовалась такая же.

На практикуме по зельеварению магистр Болек вел себя прилично, к Вилке не придирался и даже поставил ей удовлетворительно за сваренное зелье. И с кислым видом предложил желающим посещать дополнительные занятия после уроков. Ежедневно! Как пить дать ректор Тори провел с ним воспитательную беседу. На нас с Вилкой магистр недовольно косился, а вот адептка Беде по-прежнему была его любимицей. Я видела, как он с ней о чем-то перешептывался в коридоре. И, похоже, Ханка пыталась очаровать не только нашего зельевара. На перемене шустрая девица кокетничала с любимцем ректора – адептом Райтом. Да и с помощником Пшемиком подружилась, они вместе обедали в столовой. Но что-то мне подсказывало – главной целью Ханки был ректор. И в доказательство после занятий она помчалась в аптекарский сад. Неужели поверила моим рассказам и решила приготовить леру Тори новый «гостинчик» из навозных жуков? Хотя сейчас меня больше волновали не ректор с адепткой Беде, а Матюша.

На практическом занятии в зверинце смотритель как раз рассказывал об особенностях наших магических животных, и мы зачитывали отрывки из старинного «Бестиариума Верума». Перевод давался с большим трудом, но все же я смогла уловить суть, что горгулья – древний, но плохо изученный вид. А еще очень преданный зверь, но тяжело сходится с людьми и другими животными, подружиться с ней не так просто. Это было понятно и без книги. Кстати, в древнем «Бестиариуме», в отличие от студенческого, было написано, что горгулья может исполнять желания. Во все времена маги пытались узнать секрет, как приручить горгулью, но так и не разгадали. В книге приводились слова какого-то Аполлония Зверопулоса, что можно бесконечно долго ухаживать за зверем,

подкармливать любимым лакомством, давать зелья с магической привязкой, но горгулья так и не проникнется симпатией. Кстати, про сами лакомства и зелья в «Бестиариуме» не было ни слова. Мог бы этот Зверопулос и рецептик приложить.

– Лер Матеуш, а как вы нашли Матюшу? – поинтересовалась я у декана, который вместе с другими магистрами факультета присутствовал в зверинце.

– О, это отдельная история, – усмехнулся декан. – Полтора года назад я прибыл по делам в маленький старинный городок Протумбрии. На крыльце одного из домов за приметил каменную, очень грустную горгулью. Я остановился, рассматривая скульптуру. Надо заметить, что по дороге я зашел в кондитерскую и купил печенье. И вот представьте мое удивление, когда каменная горгулья вдруг ожила и выхватила у меня кулек, слолав все печенье.

– И сразу пошла за вами в академию? – с восторгом спросил адепт Воганька.

– Нет, не сразу, – возразил декан. – Спустя несколько дней зверь возник в моем кабинете. Как раз шло совещание, раздался какой-то «вжих», а в углу появилась горгулья. У нас к тому времени уже был маленький зверинец и работал смотритель Костюшко. Позвал его, вместе еле уговорили животное сдвинуться с места и перейти в удобную клеть.

– А что за печенье вы ей давали? – поинтересовалась я.

Впрочем, уже раньше сообразила, что в нем и было любимое лакомство зверя. Например, размельченный листик какой-нибудь козявки болотной.

– Увы, не помню, – посетовал декан. – Кажется, были изюм, тмин, орехи. А может, шоколадная крошка? Наша повариха пыталась приготовить подобное, но горгулье все не нравилось.

– Да, с питанием у Матюши проблемы, – подтвердил смотритель. – В «Бестиарии» указаны только злаковые. Но каши она ест не все, а если ест – сразу по две кастрюли, а потом мучается из-за болей в животе.

– Проблемная зверюга, – пробурчала я.

– Не скажите, – возразил декан, расслышав мои слова. – Просто к зверю нужен особый подход. Изучите «Физиолог анималиум» – ту книгу, что я забрал из хранилища. А библиотекарь поможет перевести.

Кивнула, а сама решила, помимо изучения древних книг, посмотреть рецепты печенья. Я всегда шла практическим путем. Папенька меня, правда, за это ругал, что в том же зельеварении я предпочитала опыты академическим знаниям. Что ж, ради знаний я сюда и поступила.

После того как мы обсудили горгулью, декан поинтересовался здоровьем Грифа. Мы как раз подошли к его загону. Зверь подпускал к себе только Змиевского и сейчас довольно размахивал хвостом, когда адепт гладил гриву из перьев и конского волоса.

– Нужна операция, одними успокоительными отварами тут не обойтись, – сделал заключение декан, рассматривая сломанное крыло. – Иначе зверь не выживет без полетов.

– Операция нужна, – согласился смотритель, – но как усыпить Грифа? Он такой беспокойный, только последние ночи дает мне поспать.

– Это потому, что принимает Элискину настойку, – подсказал Змиевский.

– Адептка Комарек сделала Грифу настойку? – удивился декан. – Что за рецептура?

– Приготовила на основе вашего рецепта и детского успокоительного с добавлением вербены, – честно ответила я.

– А я бы добавил корень шлемника, он действует расслабляюще на лошадей, – предложил Яцек, и мы все покосились на копыта Грифа.

– Значит, объедините усилия и приготовьте настойку для гиппогрифа, чтобы ввести в искусственный сон, иначе операцию не провести, – дал нам указания декан.

А сам принялся обсуждать с магистрами, как вылечить Грифу предплечье, вновь сделать крыло гибким и восстановить поврежденное оперение.

Вилка подошла ближе, присматриваясь к гиппогрифу:

– Можно вклеить в полость ствола новые перышки. Есть одно алхимическое средство «Заплата», намертво приклеит все что угодно.

Адепт Лежак громко усмехнулся, но его никто не поддержал. Все – и преподаватели и студенты – рассматривали крыло и подкидывали идеи, как его восстановить.

– Для костяного каркаса можно взять сгибающийся шарнирный протез, отец такие делает для лечебниц на заказ, – предложил адепт

Воганька.

– Отлично! Все, как я и предполагал, – чему-то обрадовался декан Матеуш и потер ладони. – С понедельника создадим рабочую группу, адепт Змиевский – главный. Комарек, Яцек, Войта и Воганька готовят свои предложения. Усилим вашу команду старшекурсниками. Мы с магистрами будем курировать работу. Если все получится, как задумали, операцию назначим на конец недели.

Мы охнули. Настоящая рабочая группа! Операция! А ведь мы еще первокурсники. Змиевский счастливо улыбнулся и потрепал по холке разволновавшегося Грифа, успокаивая:

– Не бойся! Все сделаем в лучшем виде. И ты будешь летать!

Гиппогриф огласил помещение громким горловым криком, а адепт Лежак посмотрел на нас с завистью. А кто ему виноват? Он весь разговор безучастно стоял рядом или насмехался, да и вообще зоосад не посещает, Крылатик полностью на мне!

Перед тем как покинуть академию и отправиться в Будеж, я подсела к Матюше и рассказала, что мне нужно вести дневник наблюдений за ней, а она мне в этом совершенно не помогает. Я, конечно, понимаю, что горгульи – плохо изученный вид. Но не могу же я из-за этого вылететь из академии? Пусть знает, что я об стенку бьюсь, чтобы наладить с ней контакт, а она от меня к этой самой стенке отворачивается.

Положила рядом кулек с печеньем. Горгулья, как и в прошлый раз, повела носом и, не глядя на меня, накрыла его лапой.

– Матюшенька, – я достала из сумки мыло с хвойными шишками и показала зверю, – надо бы помыться.

– У-у-у, – протяжно застонала горгулья, вновь втянула носом воздух и недовольно фыркнула.

Шишки ей явно не понравились.

– Тогда намекни, что тебе нравится, – вздохнула я, убирая мыло в сумку. – Как мне аттестацию проходить? Я должна тебя мыть, кормить... Ректор Тори зайдет на тебя посмотреть, а шкура грязная.

Матюша тяжело вздохнула и подперла передней лапой щеку.

– А может, погуляем? Солнышко светит, птички поют, жучки ползают, – решила зайти с другой стороны. – Вкусные-э-э!

– Пф-ф, – фыркнула горгулья.

– Ладно, – не сдавалась я. – Цветочки растут, семена всякие, корешки, сорняки...

Взгляд зверя стал заинтересованным, Матюша довольно замычала:

– Мм...

Значит, пестики-тычинки ей нравятся. Я осторожно погладила горгулью. Шкура местами оказалась бархатистой. Но только местами.

– Ты очень красивая, – неуверенно проговорила я, глядя на толстые бока, на которые налипла грязь.

– Ы-ы-ы, – довольно прогудела Матюша и, кажется, улыбнулась.

Или оскалилась? Заметив крупные зубы, я решила больше не испытывать судьбу. Вон пасть какая, примет еще меня за лакомство.

– Пожалуй, пойду, – попятилась к выходу. – Не скучай.

Вместо прощанья Матюша довольно захрустела печеньем.

Что ж, на выходных еще почитаю, что там этот Зверопулос пишет, и изучу рецепты печенья, а пока... пока я сломя голову бежала на поезд, который отправлялся в Будеж.

Очередная учебная неделя закончилась, и мне пора возвращаться к тетушке Лижбет.

Тетя пребывала в прекрасном расположении духа и... просила ее не беспокоить. Это и понятно, из гостиной раздавались музыка и мужской смех. Вот ведь неугомонная старушка, опять женихов привела! Но я не против: так устала, что, как только голова коснулась подушки, тут же уснула. А проснулась на следующий день... к обеду.

Тетушка ждала меня в столовой в отличном настроении, с обновленным цветом волос и... в новом наряде, не иначе как папенька деньги прислал.

И точно, она показала письмо из Альмерии.

– Валюшка, Адам пишет, что очень доволен твоим поведением. Это я тебя в прошлом письме так расхвалила! А что поделать? Запросила дополнительное финансирование на твоё обучение. Но теперь даже не знаю, хорошо ли это...

– Очень хорошо! – успокоила я. – В знаниях – сила! А за магическим домоводством – будущее!

– Так-то оно так. Только отец переживает, как ты справляешься с нагрузками, и решил... ох... – Тетя всхлипнула, а я занервничала:

неужели папа прикажет отменить занятия?!

Увы, меня ожидало худшее.

– Адам решил лично проверить, как мы тут проживаем. Хочет приехать.

– Когда? – прошептала я от волнения и рухнула на стул.

– Планирует в следующем месяце. Так что у нас есть время подготовиться...

– Или отговорить, – подсказала я.

– Понимаю тебя, детка, – вздохнула тетушка. – Мне тоже не нравится эта затея. Да и я не в том состоянии, чтобы принимать гостей! Давление подскочило, сердце пошаливает, – и тетя приложила руку к правой груди, – одно радует: собирается приехать лишь на денек.

Не успела я перевести дыхание, как тетя Лижбет огорошила:

– Денек здесь, а денек у твоей сестрицы Элиски побудет.

– Не-э-эт! – прохрипела я раненой птицей.

– Вот за Элиску я как раз спокойна, а за тебя переживаю. – Тетушка налила себе «живительной» укрепляющей настойки, вероятно, чтобы избавиться от переживаний. – Ничего, Валюшка, прорвемся! Накормим Адама обедом и под фанфары... в том смысле, что быстренько посадим на поезд. Пусть едет к Элиске в пансионат отдыхать.

– В пансион, – подсказала я, а внутри все упало.

Вот что родителю дома не сидится? Сам же нас сдал! А теперь с проверками по всему королевству будет мотаться. Кошмар! В самом прямом смысле!

– Что-то ты в лице переменилась, – охнула тетя Лижбет, а сама покосилась на часы. – Знаешь, что, Валюшка? Тебе срочно нужно на свежий воздух! Иди-ка, прогуляйся... часиков до десяти вечера.

– А как же обед? – возмутилась я и посмотрела на заставленный яствами стол, накрытый на три персоны.

Меня что, опять выпихивают из дома? И даже чаю не нальют?!

Тетя полезла в комод, что-то бормоча, а потом протянула мне купюру. Немного подумав, передала две.

– Вот, в кафе сходи, развейся. Ну что тебе со старушкой сидеть? И не переживай ты так! Может, еще отговорим твоего папеньку от поездки!

Я покинула дом и понеслась на почтамт — дать телеграмму Валежке. Модные столичные телеграфоны ни в Ликарнии, ни в пансионе еще не подключили, но это и хорошо, иначе папаша бы каждый день названивал и сразу же нас раскусил. Подробности решила сообщить сестре письмом. Главное, придумать, как убедить отца остаться в столице, ибо как поменаться с Валежкой, смутно себе представляла.

В расстроенных чувствах зашла в кофейню. Ничто не может лучше поднять настроение, чем шоколадный пудинг и корзиночка с заварным кремом!

Уплетая утешительный десерт и рассматривая довольные лица посетителей, обратила внимание на красивую пару в центре зала. Молодой темноволосый мужчина сидел в компании блондинки, и они так смотрели друг на друга... Так смотрели! Бывает же. Хоть бы кто из женихов на меня так смотрел! А уж от лера Тори тем более не дождешься ласкового взгляда, только и знает, что хмуриться и брюзжать: «Второй строгий выговор! Вы моя самая плохая адептка!.. Мой кошмар!..» Интересно, если рассказать, что я его невеста, он изменит ко мне отношение? Может, улыбнется? Похвалит? Нет, вряд ли. Этот женоненавистник с еще большей радостью отчислит меня и запрет дома. Эх...

За окном, как назло, бродили парочки, держась за руки и переглядываясь. А за деревом... За деревом притаилась какая-то подозрительная рыжеволосая девица и смотрела в подзорную трубу... на меня! Неужели ее нанял отец? Или тетушка? Да что гадать, нужно выяснить! Подхватила сумочку, разумеется, положив в нее недоеденное пирожное, и покинула кафе.

С самым решительным видом направилась к незнакомке:

— Эй, вы зачем за мной следите? На кого работаете?

Вместо того чтобы ответить, девушка бросилась наутек. Но от меня так просто не скрыться! После пробежек с Райтом я в этом деле поднаторела.

— Стой! — закричала я прыткой девице, догоняя.

Но та лишь пуще припустила! Вспомнила унижительные насмешки «наставника», поднажала и пошла на обгон. Девица как раз споткнулась о скамейку и притормозила, а я в одном прыжке бросилась на нее, вцепившись в волосы. Мы упали на землю,

с беглянки слетели очки, а волосы незнакомки... почему-то остались у меня в руке. Хотя нет... незнакомкой девушка не была. На земле лежала моя подруга Вилка.

– Элиска, как ты здесь оказалась? И зачем кинулась меня догонять? – простонала она, поднимаясь и потирая ушибленную ногу.

– Я? Это ты зачем убежала? Ты что, за мной следила в том кафе? Маскировку применила! – возмутилась я, рассматривая рыжий парик. – А еще подруга называется!

Вилка села на скамью и всхлипнула:

– Да не за тобой! Я тебя там даже не заметила!

– А за кем же? – Вдруг вспомнила ту парочку и догадалась: – Ты что же, за темноволосым красавчиком наблюдала? Он тебе понравился?

– Понравился, угу. Он мой жених, – огорошила ответом Вилария. – В общем... все сложно.

Никогда не видела подругу такой расстроенной и печальной. Я ее обняла, пытаюсь успокоить. Ну и заодно все выведать.

– Изменяет, да? Бросил? Давай рассказывай! Будем думать, как отомстить!

– Мартин – друг детства. Мы собирались пожениться... – Подруга замялась, решаясь, говорить или нет, но под моим пытливым взглядом сдалась, продолжив: – Лучше я с самого начала расскажу. Несколько лет назад произошло несчастье – Мартин пропал!

– Как это? – ойкнула я.

– Так это! После окончания академии он возвращался домой и исчез. Мы его безуспешно искали, мама Мартина даже детектива наняла. Да и мы с Мартишкой, его сестрой, расстарались. И представляешь? Нашли! Здесь, в Будеже. Всех подробностей рассказать не могу, так как в истории замешана невеста наместника Красимирка и королевский звездочет.

– Я об этом что-то слышала, – кивнула, припомнив сплетни. – Там кого-то отравили или охмурили, чтобы эта Красимирка выбилась в невесты. Но, кажется, у нее ничего не вышло.

– Эта Красимирка оказалась такой подлой! – возмутилась Вилария. – Мало того что наместника с королем обманула, подговорив звездочета, так еще убирала свидетелей с помощью запрещенного зелья «Лохеин».

– Того, которое отнимает память? – ужаснулась я.

Отец про действие «Лохеина» рассказывал, правда, считал все это выдумками.

– Да! Мой Мартин оказался одной из жертв. Он полностью потерял память, – подтвердила Вилария.

– И забыл тебя, – ужаснулась я. – Поэтому встречается с другой?

– Не совсем. В прошлом году королевский лекарь создал уникальный антидот. Лер Тори дал ему доступ к хранилищу библиотеки, и лекарь вычитал рецептуру в одной редкой книге...

– Не той ли ядовито-зубастой, которую ты хотела умыкнуть? То есть взять во временное пользование, – вспомнила я.

– Да! – не стала юлить Вилка. – Антидот вернул всем жертвам «Лохеина» память...

– Ничего не понимаю... – остановила я подругу, запутавшись. – Так твой Мартин вспомнил тебя или нет?!

– Он все вспомнил, – буркнула Вилария.

– Так чего ты тогда ревешь? Вы поженитесь, и все будет хорошо.

– Как же! Память к Марти вернулась, а вот с чувствами что-то не то... Нет, он по-прежнему ко мне тепло относится, но домой в Протумбрию возвращаться не спешит. Живет и работает в Ликарнии. И как видишь, уже с кем-то встречается...

– Вот негодяй! – возмутилась я.

– Нет-нет, Мартин хороший! – горячо возразила подруга. – Просто королевский антидот до конца не подействовал.

– Слушай, так ты потому и поступила в академию, чтобы прочитать книгу и самой во всем разобраться? – догадалась я. – Но к чему такие сложности? Попросила бы лера Тори пустить в хранилище.

– Так я и просила! – возразила Вилка. – Вернее, не я, а его друг, лер Десмонд, главный некромант Протумбрии, и его жена Мартишка. Она моя лучшая подруга!

Я припомнила гостя в кабинете ректора и симпатичную рыжеволосую девушку в коридоре, которая явно узнала Виларию. Но речь сейчас не о них, поэтому задавать вопросы пока не стала.

– Они несколько раз обращались, но Амадор Тори отказал! – всхлипнула Вилка. – Говорит, это серьезное дело, книгу должен изучать только королевский целитель, а не некроманты или какие-то там невесты-самоучки...

Вилария смешно передразнила ректора низким голосом, и я не сдержала смехок. Но в целом было не до смеха, поведение Амадора Тори меня возмутило.

– Неужели ему жалко дать почитать зубастую книжку?!

– Я же говорила тебе – мошь блондинистая, подвид озверевший, класс жмотов, – проворчала Вилка, добавив к старому определению новую характеристику.

– Так, получается, ректор Тори тебя знает?! – не смогла скрыть удивления. – И не помог подруге жены лучшего друга?!

– Что ты, до моего поступления в академию мы с ним не встречались! – в ужасе отмахнулась Вилка. – На свадьбу Десмонда и Мартишки он прийти не смог, а больше не было поводов для знакомства. Где я, и где он – светлый маг высшей категории!

Теперь, после рассказа подруги, все встало на свои места. Я ведь сразу заметила, что у Вилки нет способностей к целительству, поэтому она не вылезала из библиотеки, пытаясь нагнать сокурсников и разобраться в сложной для нее теме.

– Тяжело тебе. Хорошо хоть магический уровень высокий, – подбодрила ее.

– Да какой там, – отмахнулась подруга. – У меня его нет.

– Как нет?! – От этой новости я чуть не свалилась с лавки.

– Это все «Иллюзиум», артефакт, помогает обмануть определитель магии, что стоит в академии, – призналась Вилария и показала на светившийся на шее кулон. – Но самой магии во мне нет!

– Ни крупинки? – Я с сомнением покосилась на подругу.

– Ни капельки, – развела она руками.

Я была поражена и... зауважала ее еще больше. Это ж как надо любить парня, чтобы ради него без грамма магии пойти в магическую академию и наравне со всеми учиться! И, между прочим, по некоторым предметам, кроме зельеварения, Вилка уже стала догонять сокурсников.

– Я так горжусь тобой! – искренне заявила я. – И никогда не выдам! Обещаю, мы обязательно вытащим из хранилища тот зубастый фолиант!

Понимала, что Вилария находится в полном отчаянии, иначе она не рассказала бы мне всей правды. Поэтому решила ей помочь. У меня

и самой были тайны, в которых надо бы признаться. Просто я не успела...

– Вилка? Какими судьбами?

К нашей скамье подошел тот самый молодой человек в компании блондинки. Он с удивлением смотрел на Виларию, а я с интересом рассматривала нашивки на рукаве его пиджака. Оказывается, он полицейский. Мне с моими поддельными документами надо бы держаться от него подальше. Но не могу же я бросить подругу в трудную минуту? Вот и сейчас, когда Вилка растерялась, пытаюсь придумать ответ, я очаровательно улыбнулась:

– Вилария приехала ко мне в гости. Я живу в Будеже. Меня, кстати, Лиской зовут.

– Очень приятно, – улыбнулся в ответ красавец. – Я Мартин Корф, а это моя коллега Кристина. Работает со мной в полицейском участке, у нас был обеденный перерыв. – Мартин перевел взгляд на Виларию и укорил: – Что ж ты не предупредила? Я бы тебя встретил.

– Ты же сообщил, что занят и работаешь в выходные, вот и не стала тебя беспокоить. – Вилка быстро чмокнула жениха в щеку и засуетилась: – Прости, мы с Элиской еще хотели по магазинам пробежаться, у меня скоро поезд. Надеюсь, увидимся.

И подруга потащила меня в сторону маленького рынка, что находился неподалеку.

– Обязательно увидимся! Я в следующие выходные приеду домой, – крикнул ей вслед Мартин.

Вилария кивала, улыбалась, но, как только мы забежали в книжный магазинчик, расплакалась.

– Наверное, эта девушка всего лишь его коллега. А я приезжаю в Будеж, слежу...

– И как долго ты за ними следишь?

– Уже два месяца, – призналась Вилка. – Вроде бы ничего такого... Обедают вместе, иногда гуляют, он ее провожает. Но как он на нее смотрит! Как когда-то на меня.

Я утешала Виларию, а сама вспомнила взгляды, которые парочка бросала друг на друга в кофейне. Может, Вилка не так уж и не права. Только не знаю, сможет ли противоядие вернуть ее жениху прежние чувства. Не стала делиться своими соображениями, а постаралась отвлечь чтением книг. Никакой серьезной литературы мы в лавке не

нашли, зато обнаружили сказки про магических животных: горгулью, альруна и змеелисицу. Эти книжки и купили.

В ближайшем кафе мы поужинали на те деньги, что выдала тетушка, и я проводила Виларию на станцию, так и не решившись поделиться своими тайнами. Ничего, будем решать проблемы по мере поступления. Что там у нас важного на повестке дня? Приручить Матюшу, не вылететь из академии до первой сессии, стащить из хранилища зубастую книгу для Вилки и... отговорить папеньку от приезда в Будеж. Всего ничего, но голова подозрительно разболелась.

Глава 17

Человек – царь зверей. Только звери об этом не знают

Не успела начаться неделя, а уже после первой пары меня вызвали в приемную ректора. Ну что опять-то я не так сделала? Книгу из хранилища библиотеки мы с Вилкой еще не успели позаимствовать, в лабораторию ночью не залезали, липучку я нигде не разливала.

Главный помощник ректора лер Дергун с важным видом проводил меня в кабинет и громко хмыкнул, намекая, что дела мои плохи. Но это мы еще посмотрим! Как говорится, не в первый раз!

Как только дверь в кабинет закрылась, ректор Тори оторвался от бумаг, достал из ящика стола банку... кишашую навозными жуками, и с грохотом поставил на стол.

– Вы ничего не хотите мне объяснить, адептка Комарек? – прищурился Амадор Тори.

– Это не мое!

– Не ваше, – согласился ректор, что уже было неплохо. – Сей подарок сегодня утром мне преподнесла адептка Беде, утверждая, что это мое любимое лакомство.

Я с трудом удержалась от смешка, но с самым серьезным видом проговорила:

– А я тут при чем? Она же преподнесла!

– Дело в том... – Ректор поднялся с места и медленно направился ко мне. А я отчего-то занервничала. Дыхание сбилось, а сердце защемило. Амадор Тори впился в меня хмурым взглядом и прошипел: – Дело в том, что это вы ее надоумили собрать для меня жуков, адептка Комарек!

Вот какой же он неприятный тип, хоть и красивый! Значит, дарит ему жуков Ханка, а я виновата?!

– Да-да, – продолжал наступать ректор Тори. – После того как я пообещал вклеить первый строгий выговор, адептка Беде созналась, кто именно подал ей чудесную идею с жуками.

– И пауками, – от страха добавила я.

– Это что же, вы решили меня отравить не только красящей настойкой, но и этими... гадами?! – прохрипел ректор. – И отравить чужими руками!

– Зачем же чужими? У меня свои есть, – пробормотала я и осеклась, потому что кто-то зарычал. – В том смысле, что даже мыслей таких не было!

Судорожно придумывала, как выкрутиться, вспотевшие вмиг ладони убрала в карманы и... нащупала несколько мармеладных червячков и тараканов, которых мы с потто не доели.

Решение пришло моментально, поэтому я приосанилась:

– Ваша адептка Беде все перепутала! Когда я шла к вам в коттедж, чтобы вернуть натуральный окрас... цвет... Кстати, лиловая прядь все еще с вами и очень вам...

– Ближе к делу! – рявкнул Амадор Тори.

– Так я и говорю! Шла я, значит, шла... и встретила Ханку Беде. Разумеется, сокурсница поинтересовалась, что я делаю возле вашего коттеджа в столь поздний час. Пришлось немножко соврать...

– Для вас это уже в порядке вещей, – заметил ректор.

– Да я вообще никогда не вру! – возмутилась, мысленно скрестив пальцы. – Пришлось сказать Ханке, что я принесла вам гостинчик. Все же думали, вы заболели, а на самом деле...

Ректор Тори пригвоздил меня взглядом, а я моментально достала из кармана сладости и сунула под нос обалдевшему собеседнику. Он отпрянул:

– Значит, адептка Беде права!

– В чем? Они же мармеладные! И очень вкусные! – Я запихнула одного червячка в рот, облизнувшись, а ректор округлил глаза. – Ханка просто не поняла, что это сладости. Червяки с черничной начинкой.

Амадор Тори сглотнул, тронул пальцем синюшного червяка. Но в рот предусмотрительно брать не стал, вероятно вспомнив о настойке.

– Где-то я такие уже видел, – задумался он и зачем-то поинтересовался: – А тараканы с чем?

– С шоколадом, – со знанием дела ответила я.

– Хорошо, адептка Комарек, оставьте мне червячков, наш зельевар проверит состав, – приказал ректор, а сам взял шоколадного таракана, принялся и даже лизнул. Перехватив мой взгляд, тут же строго произнес: – Помните: один выговор у вас уже есть!

– Только об этом и думаю. – Я попятилась к выходу, предварительно высыпав на ладонь ректора все сладости.

Помощник Дергун, собиравшийся меня проводить, с ужасом покосился на начальника, который облизывался на таракана, а когда юноша заметил на столе банку с живыми жуками, кажется, позеленел. Вот ведь... Теперь по академии точно пойдут слухи о гастрономических предпочтениях ректора, а обвинять, как всегда, будут меня!

Зря я надеялась, что сегодня больше не встречу с Амадором Тори. Он буквально преследовал меня! На практическое занятие декан Матеуш притащил с собой ректора.

Лер Тори обвел хмурым взглядом адептов и магических зверей, выстроившихся в коридоре, и все мы замерли, боясь пошевелиться.

– Декан Матеуш доложил мне об операции, которую вы хотите сделать гиппогрифу. Это рискованно.

Мы с сокурсниками нахмурились: неужели зарубит наш проект и у Грифа не будет шанса взлететь?

Но глава академии удивил:

– Я не против, но вам придется доказать, что вы чего-то стоите. – Ректор заглянул в бумагу, предоставленную ему деканом: – Адепты Яцек и Комарек! Завтра покажете рецептуру усыпляющей настойки леру Болеку. Адептка Войта, вы должны согласовать состав алхимиката с деканом Матеушем. А вы, Воганька, продемонстрируете суставную шарнирную конструкцию декану факультета механики.

– А я? – поинтересовался Змиевский, а Гриф громко стукнул копытом и издал протяжный крик в поддержку.

– А вы составите поведенческую характеристику на гиппогрифа, рассчитаете время действия усыпляющей настойки и манипуляций. Вы же учились в прошлом году на хирургическом? – уточнил ректор, и адепт кивнул. – Вот и прекрасно. Будете ассистировать декану Матеушу и магистрам. Все понятно?

Мы закивали, а ректор Тори направился к загону с Грифом:

– А теперь пусть каждый адепт расскажет мне об особенностях своих подопечных. Считайте это вашей аттестацией и допуском к экзамену по предмету.

Адепт Змиевский уверенно начал рассказывать о гиппогрифах и их предпочтениях, а я разнервничалась. Что мне говорить о Матюше? «Физиолог анималиум» я еще прочитать не успела, а в студенческом «Бестиарии» о горгульях написано две строчки. Хорошо хоть вчера купила сказки и даже одну успела пролистать.

О гибриде аспиды с рейнеке тоже известно немного, но Вилке, в отличие от меня, повезло – Полли расстаралась. Она повалялась шкуркой у ног ректора, постояла на хвосте, заискивающе заглядывая в ректорские глаза, и даже лисью мордочку ему на плечо положила, а лер Тори почесал зверя за ушком. Не знаю, кем больше остался доволен Амадор Тори, Вилкой или змеелицей, но подруга аттестацию прошла. Остальные тоже не сплеховали, кроме адепта Лежака, который мало что знал про альруна. Пришлось мне ему подсказывать. Наконец очередь дошла и до нас с Матюшей.

Горгулья из клетки не вышла и, как обычно, восседала в углу. Она недавно пообедала, в ногах у нее валялась кастрюля с остатками каши, морда была испачкана, а к нижним конечностям прилип ил – кто-то опять втихоря купался в заросшем пруду.

– Горгульи – это не только ценный мех... в смысле вид, – вдохновенно начала я, а ректор поморщился, ощутив запах болотной тины, – но еще и одни из самых древних магических животных Протумбрии. Горгульи – андрогинны, в равной степени выносят холод и тепло, могут на долгие годы застыть, обходясь без еды и питья. Предпочитают злаковые, воду любят дождевую и болотную...

Матюша поскребла бок, неприятный запах усилился, а ректор поморщился. Я же поспешила продолжить:

– По преданиям, первые маги Протумбрии создали горгулий как охранников жилища. Они вложили в каменные статуи дух, и те оживали, оповещая громким трубным криком об опасности...

– По каким таким преданиям? – возмутился ректор.

Я нахмурилась – да что ему опять не так?

– По городским преданиям, – уверенно заявила я.

– Вы что, на факультете мифологии учитесь? Мне нужны сухие факты о подвиде, физиологических особенностях, – пояснил Амадор Тори. – Это целительский факультет, отделение исцеления магических животных.

– Вот именно! А я поступала на зельеварение, – буркнула в ответ.

– Мне все ясно, – строго произнес ректор. – «Физиолог анималиум» не читали, за зверем ухаживаете абы как. Запах в загоне невыносимый! Нужно же иногда мыть вашего подопечного!

– Подопечную, – поправила я. – И как ее мыть, если она не дается?

– Получается, вы не смогли установить со зверем контакт? – недобро прищурился ректор.

– Как это «не смогла»? Да я кормлю ее, пою, чищу клеть...

– Я вижу иное: зверь нечесаный, грязный, – возразил ректор Тори.

– Я бы не стал винить адептку Комарек, – заступился за меня Пафнутий Костюшко. – Матюшенька у нас специфический зверь. На контакт ни с кем не идет...

– Пусть не идет, но помыть-то можно? – не сдавался ректор, закрыв рукой нос.

– Сами бы попробовали ее помыть, – пробурчала я.

– И попробую! Где помывочная? – осмотрелся ректор Тори.

– Тазики и ведра с водой в коридоре стоят, но Матюшеньку из клетки не вытащишь, – тяжело вздохнул смотритель.

– Мы и в клетки ее пробовали мыть, – вторила я. – Только она в таз не хочет залезать!

– Учитесь, адептка Комарек!

Амадор Тори прошептал заклинание и взмахнул рукой. Воздух заискрился, студенты попятились. Матюша тревожно зашевелила рожками, а на полу возник огромный таз. Откуда-то из воздуха в него выплеснулась вода, а спустя секунду в таз с брызгами шмякнулся кусок мыла и полетели мочалки.

Я стояла словно зачарованная – так вот она какая, бытовая светлая магия высшей категории! Перенос предметов я раньше никогда так близко не наблюдала.

– Хм... Как там тебя? – обратился ректор к горгулье. – Залезай в корыто!

– Матюша, – подсказала я.

– Может, Матеус? Вы же сами сказали, что горгульи – андрогинны. Лично я считаю, что зверь – мужского пола, – убедительно произнес ректор, а я подивилась – и как же он так на глаз определил? Не иначе узнал собрата по вредному характеру.

Матюша равнодушно посмотрела на ректора, высокий приказ не исполнила и в таз с водой не полезла.

– Матюшенька, – теперь уже я обратилась к зверю, – пожалуйста, иди в тазик. Водичка теплая, мыло душистое, а ты грязная!

– У-у-у! – обиженно прогудела горгулья и отвернулась к стене.

– Адептка Комарек, – закатил глаза ректор, – с животными нельзя сюсюкаться! Нужно быть строже. Они должны выполнять приказы, тогда и дисциплина будет на уровне.

Ну да, конечно, и зверь у него должен приказы выполнять, и жена! Но нарываться не стала и промолчала. Лишь с интересом наблюдала за тем, как ректор с помощью магии и заклинаний пытается переместить зверя в таз. Но безуспешно. Все же магическая зверюга, а не мочалки с мылом. Вскоре к Амадору Тори присоединились декан Матеуш и смотритель. Теперь они втроем пытались затащить Матюшу в таз с водой. Но как только мужчинам удавалось сместить животное вперед, через секунду оно вновь оказывалось на месте, в углу.

– А ну, живо в таз! – рыкнул ректор, воздух вокруг него опасно заискрился, а удивленная Матюша воспарила, проплыла мимо меня и зависла над тазиком с водой.

Амадор Тори, вытирая пот со лба, вновь сделал пасс руками и пробормотал новое заклинание. Но горгулья продолжала висеть в воздухе, с любопытством наблюдая за «мучителем».

– Я же говорил, очень строптивый зверь! Вредничает теперь. Адептка Комарек здесь совершенно ни при чем, – вновь повторил смотритель, а я посмотрела на него с благодарностью. – Да и бытовая магия таких животных плохо берет, вы сами видите. Так бы я давно Матюшеньку переместил!

Ректор хотел возразить, но тут горгулья огласила комнату трубным криком и с грохотом плюхнулась в таз, окатив присутствующих водой с ног до головы.

– Гы-ы-ы! – улыбнулась Матюша, а ректор в промокшем пиджаке и брюках помрачнел.

– Ах так!.. – Амадор Тори поджал губы, выпростал руки вперед, и на Матюшу сверху выплеснулась вода.

– Хо-о-о! – обиженно просипела она, закрывая передними лапами голову.

Ректор Тори удовлетворенно кивнул и бросил на меня высокомерный взгляд:

– Адептка Комарек, закончите помывку горгульи самостоятельно! Уж с мочалками вы, надеюсь, справитесь?

– Постараюсь... – Я неуверенно пожала плечами и робко спросила: – А что с моей аттестацией?

– Засчитаю вам за знания об альруне, – махнул рукой ректор. – Но лучше займитесь своей подопечной.

Мокрый и мрачный Амадор Тори в компании преподавателей покинул зверинец.

В клетки остались только Вилка, адепт Яцек и Полли с потто. А еще дракономопс, который с радостным визгом залез к Матюше в таз и принялся плескаться.

– Вот чего ты добиваешься? – обратилась я к насупившейся горгулье. – Все звери как звери! А ты? Меня выгонят из академии, а тебе пришлют нового студента. Вон адепт Лежак будет за тобой ухаживать!

– Ме-ме! – скривилась горгулья.

– Ме? Не хочешь? Тогда давай мыться!

Матюша протяжно вздохнула и отобрала кусок мыла у дракономопса, которое тот дожевывал, фыркая пузырями.

Общими усилиями мы с друзьями помыли горгулью. Потто залезли Матюше на плечи и начищали ей рожки, Полли поливала Матюшу водой из лейки, а мы с Яцеком и Вилкой терли мочалками шкуру. Вредная горгулья сидела в тазу все в той же позе, совершенно нам не помогая. Но хотя бы не вредила.

Через полчаса друзья и их питомцы ушли, унеся корыто с остатками мыльной воды, а я вытирала тканью зверя и рассматривала. Шкурка из грязно-серой стала дымчатой и нежной на ощупь, нос посветлел, глаза заблестели, а рожки засверкали.

Увы, бытовой магией я не владела, поэтому рассчитывать на ближайшие водные процедуры не могла. А просить еще раз лера Тори – себе дороже. Выход один: найти к Матюше подход. Поэтому после зверинца напрямик отправилась в библиотеку читать «Физиолог анималиум». Вдруг что-то узнаю про любимые лакомства горгульи?

Глава 18

Сказка – наиправдивейшее изложение событий, нередко с участием магических существ (из Толкового словаря Аполлония Зверопулоса)

О повадках горгульи в древней книге я прочитала, а вот о пищевых предпочтениях информации было мало. Лишь нашла упоминание о какой-то нотилии планифолии. Лепестки, а особенно нектар, были любимым лакомством горгульи. А вот о злаковых, о которых упоминалось в «Бестиарии», в «Физиологе» говорилось туманно. Только то, что горгульи предпочитают каких-то мятликов. Или мятликовых? Тут библиотекарь засомневался в переводе, а еще заметил, что книгу писали древние маги, с тех пор и климат и природа сильно изменились. И где же мне искать этих мятликов с планифолиями? Эх, нужно папенькин дорогуший справочник по травам полистать, который я «случайно» прихватила с собой в академию. Может, там будут разъяснения? Яцек тоже пообещал порыться в своих книгах, но пока ему было не до предпочтений Матюши. К середине недели мы с ним варили семнадцатое по счету снотворное зелье, которое наконец-то устроило и магистра Болека, и декана Матешуа, и ректора Тори. Словно это они его будут принимать, а не Гриф.

Одним словом, дел в академии было невпроворот, и к лире Эндрю я в эти дни забежать не успевала. Зато по-прежнему бегала вечерами под руководством адепта Райта. Мучитель включил в программу занятий стойки и подсечки, и теперь после тренировок я едва доползала до кровати. На ночную вылазку в хранилище сил не оставалось. Как и у Вилки, которая под руководством декана Матеуша и студентки смежного факультета Мартишки Десмонд вникала в суть алхимической субстанции «Заплата» и доводила ее до ума. Учитывая,

что зельеварение, а тем более алхимия давались Виларии тяжело, все свободное время подруга проводила за учебниками. Правда, не преминула поделиться планами насчет захвата библиотечного хранилища с Яцеком и Змиевским, разумеется, без подробностей. Сокурсники очень заинтересовались редкими книгами и теперь по ночам обсуждали, как обойти магический контур.

Уже на завтрашнее утро была назначена операция Грифу, и сегодня вечером декан Матеуш приказал всем хорошенько отдохнуть и накопить резерв. Мы с Виларией понимающе переглянулись: мой первый магический уровень явно выше не станет, а у Вилки и подавно – чего нет, то и не появится. Воганька к рекомендации прислушался и лег пораньше спать. Змиевский побежал к Грифу – морально поддержать. Вилария с Яцеком засели в комнате с учебниками, готовясь к завтрашней аттестации по зельеварению, которую вредный Болек отказался отменить. А я... Я взяла книгу сказок и направилась перед сном в парк.

Вечер стоял чудесный, а светлячки освещали путь получше фонарей с артефактами.

Присев на низкое каменное ограждение, залюбовалась кувшинками в пруду, который больше напоминал болото. По всей видимости, он и был излюбленным местом купания Матюши. Под тихое стрекотание местных обитателей я открыла книгу. На странице проявилась светящаяся объемная иллюзия девочки и зверя, потому что сказка была о маленькой Кае и большой недружелюбной горгулье.

Вдруг зашевелились кусты, зашелестела трава, и на ограждение вползла змеелисица. Хитрая лисья мордочка заглянула мне через плечо. Увидев красивую светящуюся картинку, зверь заверещал, словно о чем-то спрашивал. Или просил.

– Почитать? – удивилась я.

Полли закивала.

Не успела я прочитать первую строчку, как рядом раздалось бормотание, а из соседней клумбы показались две любопытные мошки – Вася и Базя.

– И вы здесь, – улыбнулась я и поманила потто ближе.

А на страницы мягко опустились пятнистые перышки. Я посмотрела наверх и обнаружила на дереве альруна. Крылатик

лениво разлегся на толстой ветке и заинтересованно разглядывал светящуюся в темноте книгу.

– Ну, раз все собрались, слушайте сказку, – обратилась я к своей странной компании, а в ответ раздался одобрительный гул и фырканье. Прокашлявшись, начала: «В одном маленьком городе жила-была горгулья. Ее создал древний маг для охраны жилища. Зверь получился устрашающим и надежно охранял дом. Но прошло много времени, маг давно покинул этот мир, а каменная горгулья застыла на годы, восседая возле крыльца и пугая своим видом прохожих».

Послышался тихий «вжих», и неожиданно на каменном ограждении возле пруда появилась Матюша. Она сидела в излюбленной позе, подогнув задние лапы и положив подбородок на передние. И немигающим взглядом смотрела вдаль.

– Так вот как ты умеешь! Наконец-то переместилась, хитрюга!

Я с восхищением рассматривала недружелюбного зверя, который, как и Полли, мог перемещаться в пространстве, но на днях изрядно нас всех помучил, не желая залезать в таз с водой. Интересно, сейчас она пришла в пруду искупаться или тоже послушать сказку?

Магические животные не позволили мне отвлечься и возмущенно загалдели, требуя продолжения. Вася с Базей придвинулись ближе, с любопытством рассматривая парящие над страницами иллюзорные фигурки девочки и горгульи. Матюша скосила глаза на книгу, а я, подавив улыбку, продолжила чтение:

«Жители города принимали горгулью за простую каменную скульптуру. На всякий случай прохожие произносили заклинание защиты, малыши при виде нее плакали, а мальчишки дразнили».

Матюша обиженно вздохнула, Полли оскалилась, а я поспешила успокоить необычных слушателей:

– Не переживайте! Сейчас начнется самое увлекательное! В этом доме с родителями жила маленькая девочка Кая.

Я коснулась пальцами картинки на странице, и иллюзорная Кая в нарядном платье закружилась в воздухе. Звери зачарованно вздохнули, и даже Матюша издала клич одобрения:

– Ы-ы-ы!

Надеюсь, на ее языке это означало «интересно».

Я принялась рассказывать историю дальше:

«Каждый день Кая проходила мимо горгульи в школу и здоровалась с ней. Девочка видела, что прохожие морщились при виде каменного зверя, а некоторые и обижали. Однажды Кая обнаружила, что соседские мальчишки кидают в каменную горгулью шишки и песок. Девочка не побоялась разогнать хулиганов, пригрозив, что пожалуется папе – магу высшей категории».

– Хо-о-о! – нахмурилась горгулья и потеряла бок.

А я неожиданно догадалась:

– Да-да, такому же строгому, как наш ректор Тори.

Матюша серьезно кивнула, Вася и Базя погрозили невидимым мальчишкам маленькими мохнатыми кулачками, а Полли ткнулась мне в ухо пушистой мордочкой, нетерпеливо требуя продолжения.

Я усмехнулась:

«Кая обняла уродливую... – Матюша тихонько рыкнула, и мне пришлось исправиться, – хмурую горгулью за шею и пообещала, что никогда не даст ее в обиду. «Это со стороны ты выглядишь грозной и сердитой, – сказала Кая. – А все потому, что у тебя нет друзей. Теперь я твой друг!» Горгулья ничего на это не ответила, лишь смотрела немигающим взглядом на странную девочку, которая почему-то не понимала, что зверь каменный и сердце у него тоже из камня».

Я перевела дыхание, а альрун легонько задел мои волосы крылом, что, видимо, означало: «Скорее продолжай!»

И я вновь углубилась в чтение:

«Каждый день Кая приходила к каменной горгулье, приносила ей любимые сладости – печенье, сахарок...»

На секунду прервалась. Вроде и сказка, а про печенье очень даже правда! Хорошо бы узнать, из чего оно сделано. И что там еще за сахарок?

«Так вот, – продолжила я, – Кая приносила сладости, рассказывала, как прошел ее день. Но однажды девочка появилась в слезах. В школу, где она училась, пришел новый мальчик и стал ее дразнить. Горгулья молча слушала и так же хмуро смотрела перед собой, не произнося ни слова. Да и как она могла произнести? Она же каменная! И вот как-то раз...»

Я повысила голос, звери придвинулись ближе, а иллюзия заискрилась ярче, отображая улицу, дом, горгулью, девочку и нового героя – проказливого мальчишку.

«Как-то раз на школьной прогулке тот самый мальчик опять дразнил Каю, больно дергал за косички и уже собирался толкнуть в грязную лужу. Вдруг перед обидчиком возник грозный зверь. Ростом он был с детей, за спиной виднелись крылышки, на лбу красовались рожки. Выглядело неизвестное животное угрожающе: с большой пастью и маленькими сердитыми глазками. Мальчик ужасно перепугался, заплакал и пообещал, что никогда больше не обидит Каю, если зверь уйдет...»

Матюша довольно оскалилась, Полли клацнула зубами, потто опять погрозили кому-то меховыми кулачками, а альрун Крылатик издал боевой клич. Я же постаралась отогнать мысль, что похожа на сумасшедшую, – сижу вечером в темном парке и читаю сказку... животным! Лучшее, что я могла сделать, – это поскорее дочитать историю, пойти спать и никому об этом не рассказывать!

«Кая сразу же узнала свою горгулью, – продолжила я. – «Ты пришла, чтобы меня защитить!» – счастливо улыбнулась девочка, обнимая странное существо за шею. Горгулья ничего не ответила, но за много-много лет она наконец почувствовала себя живой и нужной. А все почему?»

Я сделала паузу, а звери замерли в ожидании.

«А все потому, что одна маленькая девочка растопила ее каменное сердце. С тех пор в том городе все знали о необычной дружбе девочки и горгульи. Горожане к каменному зверю, который иногда оживал, привыкли, дети больше не обижали, наоборот – хотели подружиться...»

Полли громко вздохнула, закрыв лапками глаза, потто с двух сторон прижались к Матюше, альрун взмахнул крылом, отчего призрачные светящиеся фигурки девочки и горгульи закружились быстрее, а Матюша... улыбнулась. Радостно и широко.

Жаль, что именно в этот момент прозвучал первый сигнал горна. А значит, в академии объявили отбой.

– Нам нужно бежать! А то зритель увидит, что вас нет, и мне попадет!

Я закрыла книгу, звери недовольно заверещали.

– Если понравилось, почитаю вам завтра новую сказку. Но сейчас пора спать. Пожалуйста, не подводите меня. Ректор Тори и так меня постоянно ругает и грозит выгнать из академии!

Полли замотала мордочкой, теперь уже недовольно фыркая, а Матюша серьезно кивнула и подхватила на руки потто. Раздался «вжих», и звери исчезли. Альрун, взмахнув крыльями, тоже полетел к зверинцу, а я побежала к корпусу. И ведь успела! Пригодились тренировки адепта Райта.

Уже засыпая, вспоминала прошедший день и особенно вечер. И вот что странно, я всегда думала, что моя любовь – растения! Но сегодня вдруг осознала, что магические звери мне тоже нравятся. За ними интересно наблюдать, она такие разные и забавные – смешные, серьезные и в то же время очень одинокие. Как та каменная горгулья из сказки. И если что-то случится, кто им поможет? Кто вылечит крыло гиппогрифу, чтобы он мог летать? Кто помоеет горгулью, которая потому и каменеет, что за долгие годы грязь скапливается на шкуре? Кто исцелит рану на хвосте Полли или позаботится о Крылатике? И сколько еще таких одиноких магических животных, которых люди боятся брать домой, а лекари не знают, как лечить.

Мне всегда нравилось зельеварение. Но папенька и наш главный зельевар в итоге оказались правы, утверждая, что у меня поверхностные знания и дилетантский подход. Ведь все, что я умела, – это выявить спрос и сварганить несколько простеньких настоек, которые хорошо продавались. Серьезные лекарства и antidotes я никогда не готовила. Но здесь, в академии, передо мной открывались огромные возможности: получить знания и создать уникальные зелья для магических зверей. Может, позже я смогу открыть свою зооаптеку? И это будет не работа в «Кошмарековых зельях», где все меня считают дочерью владельца и удачливой выскочкой, это будет собственное дело! Нужное и полезное. Я смогу всем доказать, да тому же жениху и по трагической случайности ректору Провинциальной магической академии, что чего-то стою!

Глава 19

Если бы мы не болели, в целителях не было бы нужды

Лечить Грифа пришли не только преподаватели, но и студенты-старшекурсники. Остальные учащиеся младших курсов целительского факультета окружили зверинец, заглядывая в окна и двери. Внутри разрешили зайти лишь избранным, то есть мне и моим одногруппникам. Ханка Беде скривила лицо при виде меня. И я ее понимала: после моих проказ, а в общем-то из-за ее собственной глупости, ректор Тори уже не считал Ханку лучшей студенткой и порой на занятиях отпускал колкие замечания. Со мной же в последние дни Амадор Тори держался подчеркнуто вежливо. Жаль. Несмотря на вредный характер и высокомерную манеру общения, жених мне по-прежнему нравился. Так хотелось, чтобы он улыбнулся, похвалил. Но пока я достаивалась сухого: «Неплохо». Но хотя бы уже не называл меня «своим кошмаром» и «самой плохой адепткой».

А вообще, не знаю, на что я надеялась. На то, что жених разглядит во мне не только недостатки, но и достоинства, влюбится, будет гордиться? Я же видела, сколько вокруг красивых девушек. И если ректор не обратил внимания ни на одну из них, то почему должен увлечься студенткой с заурядной внешностью, которая к тому же доставляла ему головную боль и была похожа на навязанную невесту с портрета? Но... я все же не теряла надежды на толику симпатии с его стороны.

Пока же вместе с адептом Яцеком и магистром Болеком мы разместились рядом с лежащим в загоне Грифом. Зверь принял из рук Змиевского настойку и погрузился в сон, а мы следили за пульсом и сердцебиением.

Надо сказать, в просторном помещении зверинца преподаватели и студенты целительского факультета развернули целую переносную лабораторию. Такие я видела, лишь когда мама лежала в лечебнице. Увы, ей не смогли помочь ни antidotes, ни уникальные пилюли отца – слабое с детства сердце в один миг перестало биться. Но сейчас я

искренне надеялась на хороший исход операции. Магистр врачевания установил рядом с Грифом аппарат дыхания – совместная разработка механиков и целителей. Хирурги разложили на белоснежной ткани инструменты, а мы, зельевары, – чемодан со склянками, в котором находились как antidotes, так и успокоительное с антисептиком.

Адепт Змиевский заметно нервничал и не отходил от гиппогрифа. За этот месяц между ними возникла самая настоящая дружба. Вот бы и мне добиться подобного с Матюшей. Хотя прогресс в наших отношениях был очевиден – печенье и сказки потихоньку пробивали броню в суровом сердце горгульи.

Наступила тишина. Ректор Тори с помощью магии и заклинаний приподнял Грифа, положив так, чтобы зверь нечаянно не придавил больное крыло.

Я с удивлением покосилась на ректора, который подошел к нам с Яцеком, уступив место врачевателям.

– Бытовая магия прекрасно воздействует на неживые объекты, но плохо действует на магов и магических существ. Но сейчас в животном нет сопротивления, – неожиданно пояснил Амадор Тори, распознав мой немой вопрос, а я наконец получила объяснение, почему ранее не получалось перенести в таз с водой вредную Матюшу. Конечно же ректор не удержался от ехидного замечания: – Учебник «Основы магии», параграф двенадцать.

Хотела съязвить, что мы еще не проходили эту тему, но сейчас не время. Началась операция.

Мы с сокурсниками отошли подальше, чтобы не мешать врачевателям. Всем руководил декан Матеуш, магистр Болек следил за состоянием Грифа, манипуляции с крылом проводил магистр хирургического врачевания, а адепт Змиевский и еще один старшекурсник ему ассистировали. Я вздрогнула, когда надрезали кожу и извлекли раздробленные косточки. А позже с интересом следила, как на их место вживляют искусственные, формируя плечевой каркас. Команда врачевателей работала ловко, действия были слаженными. Старшекурсники принялись латать прорехи в оперении с помощью Вилкиного алхимического раствора, который декан Матеуш и магистр Болек довели до ума. Я прикусила нижнюю губу и сжала кулаки, словно это мне причиняли боль.

Кто-то легонько сжал мое плечо, а позади послышался тихий голос Амадора Тори:

– Не стоит так переживать. Лер Матеуш все проверил, и ваше снотворное и алхимикат.

Ректор стоял рядом с непроницаемым лицом и смотрел, как проходит операция, но вот его голос... в нем появились теплые нотки, без привычного высокомерия и насмешки. Я кивнула, испытывая благодарность за поддержку, и вновь посмотрела на Грифа. С ним уже работали целители, вливая эрги магии.

Как только они закончили и переглянулись, нас подозвал магистр Болек. Действие настойки вот-вот должно было прекратиться, и мы замерли в ожидании. Наконец Гриф пошевелился, дернулся, подогнул копыта и попытался встать, но вновь завалился от слабости. Пульс и сердцебиение были в норме для гиппогрифа в его обычном состоянии. Все замеры сделали заранее и записали, а теперь сравнивали и следили за дыханием. Змиевский что-то зашептал зверю, поглаживая стальной клюв. Гриф моргнул и покорно лег. А в следующую минуту над ним склонился ректор Тори. Из ладоней заструилось мягкое свечение, он словно гладил гиппогрифа, не касаясь. И без пояснений стало очевидно, что светлый маг высшей категории передает зверю часть своей энергии для восстановления сил. Гриф догадался, а может, и почувствовал силу, издал гортанный звук, который был похож на слова признательности. А затем устроился поудобнее, погружаясь в целебный сон.

Змиевский попросил разрешения остаться с другом, а еще настаивал, чтобы зверя больше не связывали. Переглянувшись, ректор с деканом одновременно кивнули, правда, Амадор Тори не преминул заметить:

– Под вашу личную ответственность, адепт.

Сокурсник серьезно кивнул, а мы принялись собирать инструменты, аппараты и склянки, чтобы покинуть загон и дать гиппогрифу отдохнуть.

Наши подопечные звери сгрудились в коридоре, с волнением разглядывая собрата, а смотритель их успокаивал, словно они понимали речь. Хотя... они и понимали. Наши магические животные все чувствовали и сопереживали.

– Составьте график дежурств, – обратился к адептам нашего отделения декан. – Проверяйте пульс, температуру, давайте пить...

Мы распределили время ухода за гиппогрифом, и мне достались вечерние часы, чему я была очень рада. Как раз почитаю животным сказки на ночь.

Уже у выхода из зверинца мы обменялись впечатлениями. А затем Вилка с Яцеком отправились в библиотеку изучать подступы к «противнику» – ядовито-зубастой книге. В ближайшие дни мы готовились проникнуть в хранилище. Нужно было хорошенько продумать и пути проникновения, и пути отхода, а еще наладить обмен сигналами, чтобы не получилось, как в прошлый раз.

Я же до начала занятий с Райтом решила сбегать в город к лире Эндрю.

За чашкой чая рассказала директрисе об успехах, о том, как прошла операция, и что мне удалось привлечь внимание Матюши. А лира Эндрю похвалилась, что в ее школу пришли учиться две студентки из академии, горячо меня поблагодарив. Не зря я разложила брошюры в женском общежитии.

– Заниматься с девочками я буду в выходные, – поведала директриса. – Их интересуют секреты красоты и зелье для похудения.

– Мне вы тоже обещали такое зелье, – вспомнила я.

– Тебе оно уже не понадобится, – улыбнулась в ответ женщина.

– Полагаете, уже поздно? Мою широкую кость ничем не исправить? – расстроилась я.

– Полагаю, что ты давно не смотрелась в зеркало. Элиска, ты похудела! Посмотри: одежда болтается, лицо осунулось, щеки пропали.

– Как – пропали? – Дотронулась до щек и с облегчением выдохнула – на месте. Но, конечно, не такие, как раньше, будто наливные яблоки.

Лира Эндрю поднесла к моему лицу зеркало:

– Посмотри, какая красавица! И светлые волосы тебе очень идут.

Я нахмурилась, рассматривая свое отражение. Красавицей я бы себя не назвала: кожа бледная, под глазами темные круги. Но я действительно стала тоньше, а с этими светлыми локонами напоминала Валежку.

– Какая-то магия, – прошептала я.

– Никакой магии, – покачала головой директриса. – Просто ты стала больше двигаться и меньше уделять время булочкам.

– Это да, – тяжело вздохнула я, припоминая, что по-прежнему таскала из столовой сладости, так как поужинать толком не успевала, но от усталости забывала их съесть перед сном.

– Нужно еще поработать над волосами и придать им форму. И втереть настойку для блеска. Синяки под глазами мы уберем эмульсией, но лучше бы ты выспалась и отдохнула...

Лира Эндрю принялась колдовать над моим лицом и волосами, а я... задремала прямо с открытыми глазами.

– Ты все поняла? – строго поинтересовалась директриса, повысив голос.

– Да! – вздрогнула я, просыпаясь.

Облизала губы, почувствовав сладкий ягодный привкус.

– Это устойчивый блеск, продержится несколько часов. – Наставница продемонстрировала малиновую субстанцию в прозрачном флаконе. – А это для глаз, чтобы ресницы были темнее и длиннее.

И лира Эндрю протянула мне продолговатый флакон с темной жидкостью.

А я вновь с любопытством рассматривала себя в зеркало. Вроде бы ничего особенного наставница не сделала, локоны уложила в затейливый пучок, выпустив две пряди по бокам. Но шея как-то стала длиннее, а кожа сияла, цвет глаз стал ярче, да и сами глаза – больше. Нет, я не стала яркой красавицей, как моя сестра Валежка или как та же Ханка Беде, которая явно увеличила губы при помощи магических примочек. Но я изменилась, похорошела, и то, что видела в отражении, мне нравилось. Возможно, и ректор Тори заметит мое преображение?

– Не забывай про ежедневный уход за кожей и волосами. А главное, высыпайся, а то у тебя изможденный вид, – в который раз наставляла лира Эндрю. – Тебе пора, Элиска. Как получится – забегай.

Напоследок директриса передала мне печенье, так полюбившееся Матюше, а еще флакончик с симпатическим зельем с едва уловимым ароматом розы и ванили.

– Даже не знаю, буду ли его применять, – засомневалась я, убирая в карман зелье.

– Только если твой ректор вдруг надумает тебя отчислить. Просто незаметно подушишь. Достаточно всего одной капельки, но она вызовет у мужчины легкую симпатию. Да, она быстро исчезнет, но, по крайней мере, в тот момент он передумает тебя выгонять.

Напоследок спросила у директрисы, не слышала ли она о нотилии планифолии.

– Дорогая, ты же знаешь, академических знаний у меня нет. А в растениях я разбираюсь не лучше тебя, больше в алхимикатах, так как муж был алхимиком, – вздохнула она. – Может, спросишь у декана факультета? Уж он-то должен знать.

Я кивнула. Придется и правда обратиться к декану Матеушу, а еще заскочить в книгохранилище, вдруг библиотекарь что-то нашел.

Попрощавшись, я побежала обратно в академию. А переодеваясь в форму для бега, осознала, что она действительно стала велика. И это прекрасно! Значит, тренировки с Райтом помогали лучше моих похудательных настоек. Что ж, «наставнику» не повезло, теперь я с удвоенным рвением приступлю к занятиям.

Джер Райт, как обычно, ждал меня на спортивной арене. Но сегодня я была без группы поддержки. И мои сокурсники и звери остались присматривать за Грифом. И вот что странно, Райт был любезен, как никогда. Не насмехался, а услужливо подхватил под руку, когда я упала. И скостил пару кругов, хотя я заявила, что мне поблажки не нужны.

– Ну и характер у тебя, Комарек, – буркнул юноша.

– Принципиальный, – согласилась я.

– Твердокаменный, – вздохнул Райт. – Я думал, ты сломаешься на втором занятии и согласишься убирать мое жилище. Но ты не сдаешься и даже делаешь определенные успехи...

Я остановилась от таких слов. Это что же, вредный студент меня похвалил?

– Может, у тебя что случилось? – встревоженно спросила его. – Голова не болит? И смотришь ты на меня странно... Гадостей не говоришь!

– Беги уже, – отмахнулся юноша и пробормотал, что я напоминаю ему одну знакомую из прошлого – с таким же упрямым характером, только не столь легкомысленную.

А когда вернулась и спросила: «Какую знакомую?» – Райт встрепнулся и для особо «ушастых» пообещал добавить еще три круга. Ох уж эти мужчины! Мне никогда их не понять. То на что-то злятся, то ворчат, тут же загадочно улыбаются и задумчиво смотрят вслед. Куда проще найти общий язык с тысячелистниковой козявкой или с магическими животными. Даже к Матюше я нашла подход, пусть еще и не до конца подружилась.

После тренировки быстренько переоделась и, захватив лакомство и книгу сказок, побежала в зверинец. Отпустила уставших одnogруппников. Змиевский мирно спал рядом с Грифом, свив «гнездо» из пледа и подушки. Гиппогриф тоже дремал, накрыв друга большим черно-серебристым крылом.

Я же присела на скамью в коридоре, рядом пристроились потто, приползла Полли, Крылатик забрался на деревянную балку и разлегся на ней, как на ветке дерева. Обычно шумный дракономопс сейчас вел себя тихо и выполз из конуры, чтобы тоже послушать сказку. А вскоре раздался «вжих», и рядом со скамьей появилась Матюша. Я обратила внимание, что горгулья еще не успела запачкать шкуру, нос и рожки блестели, а на морде сияла улыбка. Раздала пушистым друзьям сухари и орешки, которые прихватила в столовой во время ужина, а Матюшу угостила печеньем лиры Эндрюс. Звери довольно захрустели, а я приступила к чтению новой сказки.

Сегодня история была об отважной горгулье, которая спасла город от пожара.

Матюша приосанилась и подсела ближе, рассматривая иллюзорную картинку зверя и горожан. Гриф тоже проснулся и приподнял голову, с интересом наблюдая за светящейся иллюзией. А посмотреть было на что: горгулья набирала в огромную пасть воду из пруда и тушила крыши, пролетая над домами. Жители дружно помогали бесстрашному зверю, а потом поставили на городской площади бронзовый памятник. Правда, долго он не простоял. Вскоре вместо бронзовой на постамент взгромоздилась настоящая горгулья, и горожане каждый день приносили зверю лакомство: сахарок с пыльцой планифолии.

Я осеклась – опять эта пыльца! Интересно, может, лира Эндрю тоже добавляет нечто подобное, просто у растения другое название? Что там было в рецепте ванильного печенья? Земляные орехи, изюм,

тертый шоколад, а еще мука, сахар и масло. Возможно, все дело в изюме или в муке?

Звери заверещали, требуя продолжения и отвлекая от мыслей. Матюша придвинулась ближе. Она доела печенье и теперь принюхивалась ко мне.

– Прости, больше нет, – извинилась я и продолжила чтение.

Сказка подходила к завершению, когда я краем глаза заметила у входа тень. Скосив глаза, обнаружила ректора Тори. Он стоял, опершись на дверной косяк, задумчиво смотрел вдаль и улыбался. Таким мечтательным я никогда его не видела. Кажется, кому-то в детстве не хватало сказок. Полли нетерпеливо фыркнула мне на ухо, Вася перевернул пушистой лапкой страницу, и я продолжила. Закончив чтение, обернулась, но ректора уже не было.

Наверняка приходил проверить Грифа. Уж не сказку послушать. И, конечно, решил, что адептка Комарек, вместо того чтобы наблюдать за пациентом, чудит.

Что ж, мое дежурство подошло к концу, меня сменил смотритель. Мы развели зверей по загонам, Вася с Базей потерялись о мою руку носами, выражая признательность, альрун коснулся волос крылом, а Матюша хитро улыбалась – не иначе эта вредина что-то замыслила.

Уже готовясь ко сну, обнаружила, что где-то потеряла флакон с симпатическим зельем. Неужто когда бежала в академию? А может, флакон выпал, когда я переодевалась? Что ж, завтра поищу. Радовало лишь одно: ни на кого другого зелье не подействует, только на ректора. А на нем я опробовать настойку не решалась. Мне по-прежнему хотелось, чтобы Амадор Тори увидел во мне нечто большее, чем неуклюжую, не слишком удачливую студентку. Да и хваленый королевский антидот легко справится с самодельной настойкой. Главное, поскорее найти флакончик, чтобы не пришлось никому объяснять, что там за состав и с какой целью я его сварила.

Глава 20

Мы не ищем приключений – они сами преследуют нас

Этот теплый осенний день будто специально был создан природой для хороших новостей. Одно его омрачало – флакон с симпатическим зельем я так и не нашла.

Зато адепт Змиевский прибежал в общежитие с утра пораньше, сообщив, что гиппогриф вышел на прогулку и взлетел. Пусть пока низко и ненадолго, но все же это значило, что операция прошла успешно.

Второй приятной новостью стало то, что магистр Болек наконец-то аттестовал Вилку по зельеварению и допустил к экзамену. Это была наша общая победа – Виларии, Яцека и немножко моя. Я очень гордилась подругой, которая, не имея склонностей к магии, успешно шла вперед, к своей цели. И вот как раз эту цель, редкую книгу по антидотам, мы постоянно обсуждали в нашем узком кругу. Увы, как нейтрализовать магический контур, чтобы проникнуть в хранилище, мы пока не знали. Более того, после нашей последней вылазки ректор усилил ночную магическую защиту на выходе из парка.

Неожиданное решение подсказал дракономопс. После обеда Яцек его выгуливал в парке, зверь побежал к ограде, разгреб ветки, а под ними оказался внушительных размеров лаз. Вскоре прибежали и хозяева норы – Вася и Базя.

Звери косились на нас с виноватым видом, Яцек же опустил перед ними на корточки и серьезно спросил:

– Это ваш?

Потто переглянулись и неуверенно кивнули.

Радостный дракономопс заглядывал адепту в глаза и вилял хвостом, словно говорил: «Вот видишь, куда я тебя привел? Есть и от меня практическая польза!»

– А прошлой ночью лазили? – прищурился Яцек, и потто вновь кивнули.

– Можно я тоже воспользуюсь проходом?

Вася важно прошел на двух задних лапах к широкому лазу и юркнул внутрь. Базя туда же подтолкнул адепта. Яцек встал на четвереньки и нырнул в лаз за потто.

– Главное, чтобы ты не застрял! – крикнула ему вслед Вилка. – А то как мы будем тебя доставать?

Раздался приглушенный ответ и шелест листвы. А вскоре с той стороны забора из кустов вылез Яцек в окружении зверей.

– Пролезть можно, – отчитался он. – Нужно только проверить, действует ли на него ночной магический контур.

Потто завертели головой и указали передними лапками на вершину забора и на небо.

– Ага, все ясно, – довольно усмехнулся адепт. – Ректор установил защиту на ограждении и выше. Думал, если студенты или звери захотят выбраться, то сиганут через забор.

– Или перелетят, – подсказала я. – Надеюсь, о подкопе лер Тори пока не догадался.

Мы договорились проверить гипотезу после отбоя, а пока направились в библиотеку, чтобы в который раз обследовать объект и обсудить детали. Говорить пришлось шепотом, так как за соседним столом, как назло, засела Ханка Беде с подружками.

– Как ночью проникнуть в главный корпус – ясно, используем лаз и проверенное окно, страж его пока не обнаружил. А вот как залезть в хранилище? Там подкоп не сделаешь, – сокрушался Яцек.

– Придется пойти на крайние меры – запустить Полли, – прошептала Вилка.

– Думаешь, она пройдет через магический контур? – скептически хмыкнул сокурсник.

– А то! У нее же эта... как ее... трансмутация!

– Трансферация, – подсказала я. – У нее и у горгульи.

– Нет-нет, горгулью пока не будем привлекать, – с ужасом отмахнулась Вилка. – Она разрушит книгохранилище вместе с библиотекой!

Это правда, привлекать Матюшу было рискованно. Она может схватить что-нибудь не то или переместиться куда-нибудь не туда. Представив, как горгулья появляется вместе с зубастой книгой в спальне ректора, я рассмеялась.

За что тут же получила нагоняй от библиотекаря.

– Адептка Комарек? – прищурился он, приглядываясь ко мне.

– Я!

– Очень хорошо, что вы зашли. – Он поманил меня за собой к стойке. – Я подыскал вам информацию о нотилии планифолии.

Я подскочила с места, сообщив друзьям, что скоро вернусь. А хранитель знаний с важным видом достал из шкафа сундук, из него извлек книгу в серебристой обложке с малахитовыми листиками. Послунявив палец, открыл страницу с закладкой и указал на изображение знакомых белых цветов.

– Смотрите. – Библиотекарь нацепил на нос очки и прочитал: – «Нотилия планифолия – травянистая лиана, произрастала в диких лесах Протумбрии. Более позднее название – ванилла, или ваниль плосколистная».

– Ваниль! – вскрикнула я на всю библиотеку, старик зашикал, а студенты заозирались.

Все встало на свои места. Вот почему Матюша полюбила ванильное печенье, и в сахарок известные кондитеры частенько добавляли ваниль. А еще... Еще капелька ванили была в симпатическом зелье, которое пропало. Но я тут же постаралась отогнать неприятные мысли.

– Я также уточнил касательно мятликов, – продолжил библиотекарь, вырывая меня из размышлений. – Мятликовые – древнее название вида зерновых.

Пролистнул страницу до второй закладки и указал на пушистую траву.

– Вот! Обычный сорняк, – пояснил он.

Возможно, и сорняк, но именно такой я видела возле пруда. Наверняка горгулья туда бегала не только искупаться, но и полакомиться. Переест сорняков, вот потом и мучается животом.

Поблагодарив вьедливого смотрителя за помощь, я присоединилась к друзьям. Но все мысли были заняты лакомством для Матюши. Неплохо бы у зельевара Болека взять во временное пользование из лаборатории цветки ванили и попросить нашу кухарку приготовить сахарок...

Увы, ни до лаборатории, ни до столовой я так и не дошла. По дороге меня перехватил смотритель Костюшко и потащил в сторону преподавательского коттеджа, причитая:

– Беда, адептка Комарек! Ой беда!

Я ужаснулась: неужели ректор вновь стал фиолетовым? В крапинку?!

Но тогда при чем здесь смотритель магических животных?

Вопрос отпал сам собой, когда мы приблизились к коттеджу.

Ректор Тори стоял, облокотившись на перила, и прикрывал ладонью глаза, а на постаменте у крыльца вместо вазона с цветами... восседала Матюша. Вид у горгульи был довольный, она исподтишка и даже как-то кокетливо косилась на Амадора Тори, а в лапе сжимала... мой флакон с симпатическим зельем. Совершенно пустой!

Я покачнулась, ректор Тори бросил на меня мрачный взгляд и указал на зверя:

– Как ваше животное оказалось возле моего коттеджа, адептка Комарек?

– Так это... Вжих – и оказалось, – заикаясь, объяснила я.

Лер Костюшко предусмотрительно побежал за помощью к декану Матеушу, не желая принимать участие в допросе несчастной адептки. А может, решил, что одному меня перед ректором не отстоять.

– Какой «вжих»?! – рыкнул Амадор Тори, приближаясь ко мне. – Ну какой «вжих»?! Вокруг парка установлен магический контур!

Я не стала напоминать про трансферальный перенос, нам еще со змеелицей в хранилище сегодня проникать. Лишь проямлила, что животное магическое, до конца не изучено, вот и придумало выход.

– И почему же этот выход оказался у моего крыльца? – прищурился ректор. – Признавайтесь, адептка Комарек, это вы подговорили зверя?

– Я?! – искренне возмутилась.

Было, однако, обидно. Ничего же не сделала – и вот опять виновата! Не стала намекать ректору, что если бы подговорила я, то придумала бы что-то более оригинальное, нежели горгулья вместо вазона.

– Тогда зачем он здесь? – строго спросил лер Тори, указывая на зверя. – И что держит в руках?

– Она, – поправила я собеседника. – А что держит? Откуда же мне знать, нашла какой-то пузырек.

Я бочком приблизилась к Матюше и попыталась забрать флакон, но вредная зверюга вновь переместилась. Вжих – и оказалась возле

ректора.

– Боги! – простонал Амадор Тори. – Да уйди ты!

– У-у-у! – Матюша обиженно отвернулась.

Я судорожно пыталась сообразить: даже если горгулья выпила мое симпатическое зелье, то на нее оно не могло подействовать. Ведь не могло? Что там говорила лира Эндрю? Только я и ректор. Или... Зверь-то магический, до конца не изучен, на него зелье подействовало как-то не так. И горгулья вспылала к ректору чувствами...

– Ой! – тихонько взвизгнула я.

– Вижу, пузырек вы наконец-то узнали! Признавайтесь, что сотворили на этот раз?

Я попятилась от дома, Амадор Тори наступал, а Матюша кралась за нами.

– Немедленно рассказывайте! – приказал ректор. – Иначе я вас отчислю!

– А если я вам расскажу, вы меня тоже отчислите, – возразила я и попыталась спрятаться за дерево.

Раздался «вжих», и сильные лапы подтолкнули меня вперед, прямо в ректорские объятия. Вот ведь... предательница!

– Я вам обещаю, – процедил сквозь зубы ректор, крепко сжав мои плечи, – что не отчислю за правду. Ну?!

– Ы-ы-ы! – Матюша переводила взгляд с меня на ректора и довольно улыбалась.

– На место! – рыкнул Амадор Тори, указав горгулье на постамент и подстегнув ее бытовой магией.

Сопrotивляясь и размахивая лапами, Матюша все же угнездилась на возвышении, сев в излюбленной позе.

– Адептка Комарек! Я жду!

– Я... я приготовила симпатическое зелье... с «охмурилисом»... – едва слышно произнесла я.

– Для горгулия?

– Что вы! Для вас, – призналась упавшим голосом. – Чтобы вы почувствовали ко мне легкую мимолетную симпатию, когда решитесь выгнать из академии. И передумали убивать... Брр... в смысле устранять!

Я говорила путано, но собеседник общий смысл ухватил.

– Мда-а... – протянул он, с интересом изучая меня. – Приворотное зелье, чтобы выйти за меня замуж, мне подливали. Отворотное – тоже подсыпали. Но мимолетно охмурить, чтобы задержаться в академии, – это что-то новенькое!

– А чему вы удивляетесь? – всхлипнула я. – Вы с самого первого дня меня невзлюбили! Предвзято относитесь, угрожаете выгнать, орете...

– Я не ору! – рыкнул ректор, а я шмыгнула носом: «Вот видите!»

– Да потому что с самого первого дня вы стали моим...

– Кошмаром, – услужливо подсказала я.

– Вы самая...

– Плохая адептка, – вновь добавила я.

– Так, давайте успокоимся! – Ректор Тори отпустил меня и принялся нервно расхаживать по поляне возле дома, а мы с Матюшей внимательно следили за его перемещениями. – Будем действовать разумно.

Мы с горгульей одновременно кивнули, соглашаясь, а Амадор Тори достал из кармана знакомые красные пилюли, тот самый королевский антидот. Одну зачем-то принял сам, другую протянул Матюше. Горгулья подарку обрадовалась и запихнула лекарство в рот. Но, поморщившись, тут же выплюнула на траву и обиженно насупилась.

– Еще раз все проясним... – тяжело вздохнул глава академии и покосился на меня: – Как зелье попало к зверю?

– Она его стащила у меня из кармана, – призналась я. – В нем капелька ванили, а как оказалось, это любимое лакомство горгульи. С ним даже сахарок делают...

– Без подробностей! По существу, – осек меня ректор. – Вопрос второй. Почему зелье подействовало на горгулью? Ведь только на вас и на меня...

– Да-да. Вы и я! Мимолетная симпатия, как дуновение ветерка... Между прочим, законом не запрещено!

– Но как в эту схему вписалась горгулья? Получается, вы опять что-то перемудрили с рецептурой? – Ректор вперил в меня недовольный взгляд, поправляя лиловую прядь, которую королевский антидот так и не устранил. – Адептка Комарек, делайте что хотите, но

верните зверя обратно в клеть! И чтобы он... она на меня так не смотрела!

– Как – так? – переспросила я и перевела взгляд на горгулью.

Матюша плотоядно облизнулась и оскалилась в улыбке, обнажив крупные редкие зубы. Хотя улыбкой это трудно назвать.

– Вот именно так! – прошипел лер Тори и вновь начал на меня наступать.

Хорошо в этот момент к коттеджу подоспели смотритель с деканом. Иначе не знаю, чем бы закончилась наша беседа.

– Лер Матеуш, мне нужно ненадолго отлучиться, – важно произнес Амадор Тори. – Прошу вас, разберитесь с адепткой Комарек. Она вам все расскажет. Все! Вы слышите, адептка? – И ректор бросил на меня грозный взгляд. Я закивала, а он обратился к смотрителю: – Лер Костюшко, постарайтесь убедить зверя отправиться обратно в зоосад.

Ректор Тори торопливо прошел по тропинке вперед, а у меня сложилось впечатление, что никуда ему отлучаться не надо. Он решил попросту сбежать!

Но на этом мои злоключения не закончились. Ректор обернулся, словно что-то вспомнил:

– Вам, адептка Комарек, я объявляю второй выговор!

– Но это несправедливо! – возмутилась я. – Вы же обещали!

– Я обещал, что вас не отчислю. А о взысканиях уговора не было. И помните, еще один выговор – и вы покидаете академию в тот же день! А ты... – ректор строго посмотрел на горгулью, – только попробуй последовать за мной! Тоже отчислю!

Оставив за собой последнее слово, Амадор Тори гордо удалился. Матюша прикрыла лапами морду, она явно расстроилась. Смотритель принялся ее уговаривать вернуться в загон, а ошарашенный увиденным декан Матеуш взял меня под руку:

– Не нужно нервничать, Элиска. Спокойно и в подробностях расскажите, что случилось. Надеюсь, вместе мы сможем решить проблему.

Вот ведь... настоящий человек! Не кричит, не угрожает, а предлагает помощь. Смахнув слезу, я поведала декану всю правду. Ну... почти всю, умолчав о лире Эндрю и ее участии в этой афере.

Глава 21

О женской солидарности, или Торг здесь неуместен

Вечер выдался безумным. После того как я покаялась, откровенно признавшись, что создала зелье для ректора, мы отправились в лабораторию. И пока смотритель безуспешно уговаривал обиженную горгулью вернуться в загон, я под руководством декана варила лакомство из сахара с ванилью. Хорошо что у магистра Болека были запасы цветов, и хорошо что я прочитала те сказки, а вьедливый библиотекарь нашел название редкого растения. И сейчас вся надежда была на любимое блюдо горгульи.

Нашли мы Матюшу все там же. Она гордо восседала на постаменте возле крыльца ректорского дома, а смотритель Костюшко сидел рядом, утирая пот со лба и уставшим голосом, вероятно, в который раз убеждая зверя вернуться в зоосад.

Вытащив сахарок, я протянула его горгулье. Она смешно повела приплюснутым носом, учуяв любимое лакомство, и оживилась.

– Ы-ы-ы! – обрадовалась Матюша и протянула лапу, выхватывая сладость. Тут же запихнула ее в рот и огласила счастливым воплем эту часть академии: – У-у-у!

Смотритель с деканом взволнованно переглянулись, а я поинтересовалась:

– Хочешь еще?

– Ы-ы-ы! – закивала Матюша.

– Тогда идем в зверинец, – пригласила ее. – Там получишь добавку.

Горгулья на секунду задумалась, а затем спрыгнула с постамента, неожиданно обняла меня... и вжик! – перенесла нас в свой загон. Я толком не поняла, как это произошло, лишь почувствовала, как заложило уши, а перед глазами мелькнули стены строения и зеленая листва. Вот это магия! Вот это я понимаю!

Горгулья устроилась в своем излюбленном углу и промычала, показывая толстой лапой на свою пасть:

– Аммм!

Я достала из кармана еще один сахарок, но зверю отдавать не спешила, а приступила к переговорам:

– Матюшенька, очень тебя прошу, не ходи ты больше к ректору!

– У-у-у? – вопросительно протрубила горгулья.

– Ты же видела, как он на нас с тобой ругался? Потому что расхаживать по территории академии строго запрещено.

– У-у-у?... – вроде как повторила вопрос Матюша.

– Откуда же мне знать почему? Такие правила, – пожала я плечами. – Но если тебе понравился ректор Тори... – На этих словах горгулья оскалилась и мечтательно закатила глаза, а я не удержалась от смешка. И кто-то еще будет утверждать, что это горгулий? Определенно магический зверь женского пола. На полном серьезе продолжила: – Если понравился ректор, мы его завтра попросим тебя навестить.

Матюша почесала бока:

– О-о-о!

– Хорошо, и помыть тебя попросим.

Горгулья раскрыла объятия, пытаясь меня в них заключить, и разинула в широкой улыбке пасть. А я ловко закинула в нее сахарок. С Матюшей мы наконец-то нашли общий язык, но к объятиям со зверем я пока не готова.

– Ты все поняла? К ректорскому коттеджу не подходишь! Иначе меня отчислят, потому что ты – мой питомец. Да и тебя отчислят. Ты же слышала, какой ректор Тори грозный в гневе!

– У-у-у, – печально вздохнула Матюша.

Горгулья вспылала к ректору нежными чувствами, а я где-то в глубине души даже порадовалась, что не ко мне. Если бы это был горгулий, я бы бежала из академии в столицу. Хотя... при таких магических способностях этот зверь везде отыщет. Надеюсь, у симпатического зелья все же действительно мимолетный эффект, хотя выпила горгулья, похоже, целый флакончик.

– Матюша, сегодня ночуешь в своем домике, а я утром дам тебе еще один сахарок, – предложила зверю, махнув рукой на педагогические советы в учебнике. В конце концов, мне нужен быстрый результат.

– Ме-э-э! – покачал в ответ головой хитрый зверь.

– Хорошо, два сахарка, – продолжила я торг.

– Ме-ме-ме! – вредничала Матюша.

– Три! И на этом торг окончен! – строго произнесла я, и горгулья нехотя кивнула. – Но предупреждаю: если нарушишь уговор, ничего не получишь!

Зверь тяжело вздохнул и окончательно согласился.

А я услышала позади шорох. В клеть пробрались прочие обитатели зверинца и теперь с интересом прислушивались к нашему разговору. Судя по настороженным мордочкам, они ждали объяснений. Пришлось быстренько рассказать о наших приключениях, а еще попросить присматривать за Матюшей.

Потто выступили вперед, ударив себя в грудь маленькими кулачками. Полли тоже подползла ближе, кивая пушистой хитрой мордочкой в знак согласия, драконопопс лег в ногах у горгульи с явным намерением ее сторожить, а Крылатик забрался на потолочную балку над входом для лучшей слежки за беглянкой. Хотя... если Матюша захочет переместиться к ректорскому коттеджу, ее не остановить. Но животные хотя бы смогут меня предупредить.

– Спасибо вам, – от всего сердца поблагодарила пушистых и когтистых друзей, иначе магических питомцев уже и не называла.

А друзья заверещали и загалдели в ответ.

Из своего загона выглянул Гриф, пытаюсь понять, что за переполох. Вслед за ним появился Змиевский. Но объяснить сокурснику происходящее не успела – в сарай вбежали декан со зрителем.

– Фух! Слава светлему богу Эвзону, – выдохнул запыхавшийся лер Матеуш. – Я так и думал, что вы здесь!

– Я же говорил, что Матюшенька Элиске не навредит! Они сдружились, да и зверь умный, – вторил ему зритель Костюшко.

«Умный» зверь смотрел на вошедших хитрющими маленькими глазками и загадочно улыбался. Я же поведала преподавателям о договоре, на всякий случай передала часть лакомства зрителю и, обсудив планы на завтра, отправилась в свой корпус. Дело близилось к отбою. Декан Матеуш вызвался меня проводить, и я ожидала получить хорошую взбучку. Но преподаватель, наоборот, меня подбодрил:

– Не переживайте, Элиска, все наладится. Лер Тори – очень серьезный молодой человек, возможно, не в меру строгий, но

справедливый. Уверен, он разберется, что вы не со зла сварили эту симпатическую настойку, вами двигало желание остаться в академии. – Я закивала, подтверждая, что злого умысла в моих действиях не было, а декан пожурил: – Но все же постарайтесь больше не экспериментировать с настойками вне занятий. Направьте вашу любовь к зельеварению в мирное русло.

– Да вы не волнуйтесь! Действие настойки мимолетное, надеюсь, к утру все пройдет... – попыталась оправдаться я.

– Мимолетное для людей, – возразил декан Матеуш. – Из вашего рассказа следует, что настойка действует как эфирное масло и парфюм. А Матюша, похоже, его внутрь приняла. Там ведь не просто микстура была, а зелье, сдобренное заклинанием.

Я тяжело вздохнула – что тут сказать! Сама понимала, что не нужно было связываться с «охмурилисом».

– Но... – декан хитро прищурился, – надобно подробнее изучить рецептуру, которую вы мне оставили. Очень любопытная вещь получилась. Очень! Возможно, есть шанс как-то преобразовать настойку в мирных целях? Для лечения наших мохнатых и пернатых пациентов...

Декан в задумчивости направился к главному корпусу, что-то бормоча себе под нос, я же поднялась на второй этаж. Вилария с Яцеком уже поджидали меня в комнате. Похоже, слух о шумихе возле ректорского коттеджа дошел до моих одноклассников. Да и Полли переместилась в комнату и что-то фыркала Вилке на ухо, не иначе как докладывала обстановку.

– Рассказывай! – Яцек указал мне на стул в центре комнаты, сам уселся на подоконник.

– А что рассказывать? – хмыкнула я... и конечно же поведала друзьям всю правду.

– Ничего себе! Симпатическое зелье! – восхищенно пробормотала Вилария, выслушав мою историю. – Нам бы такое в магазин!

– В какой магазин? – поинтересовалась я.

– Где я раньше работала, – отмахнулась Вилка.

Наверняка именно из него подруга и притащила все эти магические штучки. Но уточнить я не успела, Яцек хмуро произнес:

– Плохо, что ректор увидел воочию способности зверей. Он может догадаться, что животные обходят магический контур. Захочет усилить

охранные ловушки, наш лаз пострадает. О проникновении в хранилище библиотеки придется забыть.

– Что же делать? – расстроилась Вилария. – Мне так нужна та книга! Иначе все зря!

– Значит, необходимо залезть в хранилище сегодня. Медлить нельзя! – решительно произнес Яцек.

– Сегодня? – ужаснулась я, вспомнив, что мне только что влепили второй строгий выговор.

– Ты можешь с нами не ходить, – предложила Вилария. – Мы как-нибудь и вдвоем справимся.

Полли обиженно зафыркала, и Вилка почесала ее за ушком:

– С тобой – втроем.

– А Змиевский разве с вами не пойдет? – удивилась я.

– Он же все дни и ночи проводит в загоне с Грифом, следит за его состоянием, – пояснил Яцек.

Я представила, как друзья вдвоем пробираются в библиотеку. Потто мы взять не можем, они караулят Матюшу. Дракономопс – шумный, Крылатик – приметный, пока будет летать туда-сюда, нас уже засекут. Это Полли – одна нога там, другая здесь. Вернее, хвост. Памятуя о том, как нас схватили в прошлый раз, прикинула, что один должен караулить возле здания, второй останется в подсобке, а третий будет сторожить вход в библиотеку, пока Полли полезет в хранилище. Нет, без меня друзья никак не справятся.

– Я с вами, – твердо произнесла я.

Ну и пусть у меня второе строгое предупреждение. А как не помочь подруге, которая выручала и поддерживала? Однозначно я в деле! Да и неплохо бы изучить ту зубастую книгу – вдруг смогу найти антидот, чтобы нейтрализовать действие симпатического зелья, которое выпила горгулья? Зверь перестанет преследовать ректора, он успокоится и снимет выговор. А может, и полюбует, признав мои таланты в зельеварении!

Глава 22

Второе преступление часто оживляет события

Вилка, как обычно, позаботилась о крепком сне куратора, подсыпав ему под дверь усыпляющий бесцветный порошок «Дымок сновидений». И уже к полуночи второй этаж нашего общежития огласил громкий храп магистра Дуба.

А вот с новой магической ловушкой на входной двери Вилария не справилась – дверь не открывалась, да и на окнах первого этажа кто-то установил охранную магию. Хорошо хоть в наших комнатах не догадались! Пришлось вернуться в спальню и спуститься по крепким веткам старого развесистого дерева, что росло под окном.

На всякий случай я заглянула к горгулье, хоть и был риск нарваться на смотрителя. Внутрь входить не стала, а подсмотрела в окно. Матюша спала на лежанке, посапывая и мечтательно улыбаясь. В раскрытой лапе лежал мой пузырек и сахарок с ванилью. Такой счастливой и умиротворенной я ее раньше не видела. Вот что делают чувства, пусть и мимолетные. Хотя... большой вопрос, о ком или о чем грезила горгулья: о ректоре Тори или о любимом лакомстве с ванилью.

В ногах у Матюши свернулся калачиком дракономопс, с боков ее подпирали потто, а возле двери, перекрыв проход, на раскладушке спал смотритель Костюшко. Только, боюсь, это не удержит нашего зверя от побега. Разве что магистр и питомцы заметят исчезновение хитрой Матюши и побегут спасать ректора.

Возле ног зашуршала трава, и появилась Полли, обозначив свой приход громким фырканием. Вилка шикнула на нас, намекая, что неплохо бы уже отправиться на дело.

Яцек без труда нашел сделанный потто лаз и, помолясь, – кто темной богине Наде, а кто ее светлomu супругу Эвзену, – мы юркнули в проход и пролезли под забором. Как и предполагал сокурсник, ректор установил магический контур по земле и вдоль всего забора, а еще накинул купол на парк, чтобы никто из адептов и зверей не мог перелезть или перелететь. Но про «подползти» он не догадался.

Вилка достала знакомую серебристую сферу, и нас накрыло сизой дымкой. Вскоре друзья исчезли. Да и себя я не видела. Было так чудно смотреть на смятую траву, по которой бежала невидимая я. Увы, эта магия, а по уверениям Вилки – чистая иллюзия и обман зрения, длилась недолго. И когда мы пролезали в окно библиотечной подсобки, тела вновь проявились. Яцек без труда открыл замок, наша компания наконец вошла в читальный зал, где тускло горел свет.

– Элиска, ты карауль здесь и следи за входом. Ты, Вилария, идешь с Полли в хранилище и страхуешь зверя, а я буду ждать вас снаружи, возле окна, – раздавал указания Яцек. – Не забываем об условном знаке.

И приятель чихнул.

– Будь здоров! – дружно прошептали мы с Вилкой.

– Вообще-то это был знак, – нахмурился адепт.

Не стала говорить, что знак так себе. Ну кто чихает или свистит ночью возле библиотеки? Только тот, кто хочет из нее что-то стибрить и привлечь внимание. Но сейчас не было времени на возражения, нужно торопиться.

Яцек вылез обратно и притаился возле окна, Вилка с Полли остановились рядом с железной дверцей хранилища, а я принялась ходить по залу. Ну как ходить... Перебегать от стеллажа к стеллажу, наблюдая за входом, а моя тень весело плясала на полу.

Вилка обняла Полли на прощанье, зверь потерся носом о ее щеку в ответ и... исчез. А подруга прислонила ухо со знакомой слуховой трубкой к двери. Но и без спецустройства можно было расслышать раздавшееся возмущенное ворчание, шипение, возню. Древние магические книги явно не одобряли проникновение на их территорию.

Вдруг в коридоре раздались шаги. Кто-то направлялся в библиотеку. Да что же нам так не везет?! Ну кому понадобилось ночью идти в читальный зал? Не иначе библиотекарь проверяет, все ли в порядке. Или страж опять что-то заподозрил. Странно, что Яцек не подал знак, поэтому чихать пришлось мне.

Вилка сигнал уловила, что-то прошептала в замочную скважину, явно предупреждая Полли об опасности, а сама юркнула в подсобку. А вот мне до заветного укрытия бежать и бежать. Вернее, ползти и ползти, потому что я опустилась на четвереньки и осторожно выглядывала из-за стеллажа.

– Будьте здоровы, ректор Тори, – раздался знакомый писклявый голос Ханки Беде, а вскоре и она сама впорхнула в библиотеку.

Вслед за ней появился Амадор Тори – вновь в пижаме и халате, злющий и заспанный. В отличие от него, адептка Беде была при параде: волосы закручены в мелкие кудряшки, на лице боевой раскрас, а из-под распахнутой мантии виднелась короткая юбочка с какой-то кокетливой розовой кофточкой. Ханка явно готовилась к ночной вылазке.

– Скорее! – раздался шепот Виларии, и она приоткрыла дверцу подсобки.

– Не успею, – отмахнулась я.

Ректор с Ханкой уже приближались к моему укрытию, и я предпочла не перебегать им дорогу, замышляя все равно не сойду. Отползла подальше и залегла на дно, то есть распласталась на полу.

– Надеюсь, вы не зря меня разбудили, адептка Беде, – проворчал ректор. – Вы точно уверены, что здесь кто-то есть?

– Уверена! Я давно за этой компанией наблюдаю. Они явно что-то задумали, и уже не в первый раз! А сегодня засели в том углу и все шушукались! – тараторила шпионка, указывая на столы возле хранилища.

– Вы что, следили за ними? – пробурчал ректор Тори.

– Ну что вы! Я здесь готовлюсь к занятиям и совершенно случайно обратила внимание, что они каждый день по двое, а то и по трое в библиотеку ходят и возле хранилища крутятся...

– Может, они, как и вы, готовились к занятиям? – усомнился в поклёпе ректор.

– Как же, готовились! Я же подслушала... то есть случайно услышала, как они обсуждали какой-то старинный фолиант. Наверняка хотят его выкрасть!

Я подползла ближе и раздвинула пару книг на полке, чтобы лучше видеть гостей. Ректор с Ханкой уже подошли к железной двери. Амадор Тори имел помятый вид, взгляд был злющий. Я бы на месте Ханки к нему лишний раз не подходила, но она словно не замечала раздражения, наоборот, льнула, то касаясь руки, то заискивающе заглядывая в глаза.

Ханка приблизилась к хранилищу и прижала ухо к двери:

– Там они! Разговаривают, дерутся, кажется...

– Это книги разговаривают. Иногда дерутся и кусаются... – Адептка Беде тихонько взвизгнула, повиснув на ректорской руке, а он уставшим голосом пояснил: – А чего вы хотите? Одна книга древнее другой, за столько лет характер испортился. Все же их создавали древние маги, а не современные умельцы, которым лишь бы продать.

– Но я же их видела! – не сдавалась Ханка.

– Кого? Книги? – бросил на нее хмурый взгляд ректор.

– Преступников! – Ханка ойкнула и зачем-то прижалась к ректору грудью: – Там рычат! Ой боюсь!

– Успокойтесь! – строго произнес Амадор Тори и стряхнул с себя навязчивую девицу. – Вы меня разбудили ночью только потому, что вам что-то послышалось или показалось?

– Мне не показалось! – визгливо возразила Ханка. – Я следила... в смысле почувствовала ночью тревогу. Выглянула в окно и увидела три преступные тени, они бежали к окнам библиотеки.

– Удивительная зоркость, учитывая, что окна женского общежития выходят на спортивную арену и на преподавательские коттеджи, а не на главный корпус, – не удержался от укола ректор Тори.

Мне же стало ясно, что Ханка с подругами, услышав краем уха о наших планах, караулили нас каждую ночь возле библиотеки. Вот ведь вредная какая! Получается, не простила она мне ни тошнотных пастилок, ни червячков – шпионила, вынюхивала. Похоже, путь назад нам отрезан, а бедный Яцек, притаившийся в кустах, ничего не знает. Остается надеяться на Вилкин «Иллюзиум». Глядишь, как-нибудь проскочим. Главное, чтобы Полли покинула хранилище с добычей. В древнем «Бестиариуме» Вилка с Яцеком вычитали, что магические животные при трансферальном переходе могут переносить с собой предметы. Так что вся надежда на змеелисицу!

Из-за двери послышался визг и грохот. Судя по всему, там шла битва за жизнь!

В этот момент Вилка вновь приоткрыла дверцу и махнула, призывая к побегу. Противники стояли ко мне спиной, были увлечены беседой, и если бесшумно прошмыгнуть, то, может, и не заметят. Терять время я не могла и поползла на другую сторону.

– Так о каких преступных тенях вы говорили, адептка Беде? – резонно уточнил ректор.

– Как «о каких»? Яцек, Войта, Комарек...

– Комарек? – удивился ректор Тори и пробормотал: – И когда она все успевает?

– Она в этой группировке заводила, – услужливо подсказала Ханка, явно мне польстив.

Я старалась не обращать внимания на обидные обвинения и продолжала ползти, хотя передвигаться на карачках то еще удовольствие. Эх, почему люди не летают? Взлетела бы сейчас, как Крылатик. Или, как Полли, ползла бы змеей...

Вот недаром ректор Тори еще на первом занятии по основам магии говорил, что мысль материальна, а магическая – еще и с моментальным эффектом.

В тот миг, когда я почти уже достигла заветной цели и подползла к подсобке, на меня откуда-то сверху свалилась Полли. Ее приземление выглядело эффектно, а главное, сразу привлекло внимание ректора. Змеелисица обмотала хвостом мои ноги и потащила назад. При этом Полли с кем-то отчаянно боролась, извивалась и кусалась. А нечто, окутанное ядовитой зеленой дымкой, огрызалось в ответ, сопротивлялось и вырывалось. Полли взмахнула кончиком змеиного хвоста, пытаясь уgomонить злобного монстра, но лишь подтолкнула нас вперед. Монстр, который при ближайшем рассмотрении оказался заветной книгой о ядах и противоядиях, вцепился мне в руку зубами-пряжками, а я закричала от боли. Мы сплелись в единый клубок и покатались по коридору напрямик к ногам ректора. Послышался визг адептки Беде, Амадор Тори произнес неприличное слово, не иначе как заклинание высшего уровня. Меня подняло в воздух, перевернуло и опустило на пол. Полли повисла на моей шее меховым воротником, а ядовитая книга удобно легла в руку, словно я ее только что вынесла из хранилища. Да еще и лениво зевнула дымчатой пастью.

– Значит, редкие яды и противоядия? – сверлил нас хмурым взглядом ректор Тори. – Зачем вам это, адептка Комарек?

– Ясно зачем! Она вас хотела отравить! Сперва червяками, теперь ядом! – подсказала Ханка Беде.

Только глупая девица никак не понимала, что у меня нет никакой причины травить ректора академии, в которой я собиралась учиться долго и успешно.

– Зачем вы взяли эту книгу? – повторил вопрос ректор, а в его взгляде сквозила не ненависть или злоба, а жалость, что было еще

хуже.

Я пожала плечами. А что отвечать? Сдавать Виларию я не собиралась.

– Я же говорила! Говорила! – продолжала радостно верещать Ханка. – Воровка! Украла книгу, да еще зверя в сообщники привлекла! Вот как они их исцеляют! Из бедных зверушек монстров делают!

Зверушка в долгу не осталась – зашипела и клацнула зубами, приблизив лисью морду к носу адептки Беде.

– А-а-а!!! Убива-а-ют!!! – завопила дурным голосом девица.

– Успокойтесь, адептка Беде! – рявкнул ректор и подтолкнул ее к выходу. – Возвращайтесь в корпус, вы свое дело сделали.

– Как «возвращайтесь»? Я же ценный свидетель! А снять показания? Записать признания! Допрос провести...

Сразу видно, что у кого-то папа полицейский. Ей бы шпионкой работать или инспектором, а она на зельеварении прозябает с такими талантами. Но, судя по тому, как она льнула к ректору, было очевидно, с какой целью пришла «учиться» адептка Беде.

– Вон! – не выдержал ректор Тори.

– Это правильно, – заулыбалась Ханка Беде и посмотрела на меня с превосходством. – Гнать таких надо из академии!

– Адептка Беде, – процедил сквозь зубы Амадор Тори, багровея, – прошу вас уйти по-хорошему. Или выгоню прямо сейчас за нарушение режима!

– Меня?! Но как же так? Это же я раскрыла преступную группировку! Подслушала, выследила... – Ханка осеклась под строгим ректорским взглядом и, недовольно поджав губы, направилась к выходу.

Фолиант злобно заклацал пряжками, а я виновато потупила взор. Ректор произнес заклинание – и книга вмиг затихла. Более того, дружелюбно ощерилась железной зубчатой обложкой и плавно перелетела в руки к Амадору Тори.

– Элиска, – ректор неожиданно обратился ко мне по имени, – ну почему с вами вечно какие-то проблемы? Ведь вы не лишены таланта, только никак не можете направить его в нужное русло. Вы должны понимать, что яды, о которых говорится в книге, могут навредить. Да и кража – самое настоящее преступление. За подобное я просто обязан назначить вам третий строгий выговор, а это значит...

– Отчисление, – шмыгнула я носом.

Формально лер Тори прав. Но как я могла не помочь подруге?

– Элиска не виновата! Отчисляйте меня! – закричала Вилария, покинув подсобку и подбегая к нам.

А Полли переползла с моей шеи к Вилке, стукнула себя в грудь когтистой лапой и зарычала на книгу, тем самым тоже сознаваясь в своей вине.

– Сообщницы, – покачал головой ректор. – Вы хоть понимаете, что этот фолиант можно брать только с моего ведома?

Книга в руке ректора раздула бока и пыхнула в нас ядовито-зеленым дымком, демонстрируя всю свою важность.

– А что делать, если вы не пускаете в хранилище, сколько вас ни просили? – возразила Вилка.

– Абы кого не пускаю, – согласился Амадор Тори и погладил книгу по корешку, отчего та довольно зашуршала страницами. – Доступ к древним фолиантам есть только у меня, у декана Матеуша и у королевского лекаря.

– Да ваш королевский целитель ничего не смог сделать! Хваленый антидот до конца недоработал! – в сердцах выдала Вилка.

– Поподробнее, – нахмурился лер Тори, а я отметила, что сейчас он походил на нормального человека, который не орет, не важничает, не грозит выгнать, а пытается разобраться в ситуации.

– Да пожалуйста! Вы помните, как год назад невеста наместника Красимирка отравила несчастных жертв запрещенным зельем забвения «Лохеин»? – спросила подруга, а ректор кивнул, хоть и явно удивился, откуда обычная студентка знает подробности дела повышенной секретности. – Среди них был мой жених! Мартин Корф.

– Мартин Корф? Брат Мартишки? Вы что же, приятельница жены моего друга Десмонда? – прищурился ректор Тори, что-то припоминая. – А ведь они оба неоднократно обращались ко мне с просьбой предоставить им доступ именно к этой книге.

– Но вы им отказали! – с обидой произнесла Вилария.

– Отказал, – подтвердил ректор, а книга сердито заворчала, правда, слов было не разобрать. Амадор Тори вновь нацепил на себя маску надменности. – Я считаю, что с подобным материалом должны работать профессионалы, а не некроманты, тем более студенты-недоучки. Королевский лекарь внимательно изучил фолиант, создал

рецептуру уникального антидота и, насколько я знаю, вернул жертвам память.

– Память-то вернул, а вот чувства – нет! – всхлипнула Вилка.

– Подождите... – нахмурился лер Тори. – Так это Мартишка вас устроила в академию?

– Она ничего не знала, пока мы случайно не увиделись в коридоре. Я сама готовилась к экзаменам, сейчас зубрю все эти жуткие рецептуры по зельеварению, изучаю «Бестиарий». И все ради этой книги!

– То есть вы поступили на престижный целительский факультет только ради фолианта о редких ядах и противоядиях? – искренне удивился Амадор Тори, а книга выгнула дугой пряжки, словно округлила глаза. – Но это глупо...

– Я и не надеялась, что вы поймете, – отмахнулась от ректора Вилария. – Мы с Мартином собирались пожениться, были влюблены, а потом случилась эта трагедия, и он потерял память. Приняв антидот, Марти все вспомнил, но чувства прошли. А это значит, королевский целитель что-то напутал в рецептуре.

– Чувства – вещь эфемерная. Алхимия, и ничего более. Дружба гораздо надежнее. А вы, вместо того чтобы выкинуть глупости из головы, учиться и добиваться побед, рискуете сейчас быть отчисленной из академии. И все из-за книги.

Я не выдержала. Ну что же он такой твердолобый! Вилка перед ним всю душу вынула, все рассказала, рассчитывая на помощь и понимание, а он...

– Да не ради книги! – встряла я. – А ради настоящих чувств! Но вам этого не понять! Да и откуда? Вы-то сами невесту выбираете, как новый костюм, и то не вы, а ваш отец! Целовать ее тоже будете с его личного позволения?

– Целовать буду по собственной воле, – зло буркнул ректор.

– В строго отведенные часы, – огрызнулась я.

– Адептка Комарек, по какому праву вы разговариваете со мной в подобном тоне? Это вы совершили преступление, проникнув ночью в хранилище и забрав ценный фолиант! – не сдавался ректор, правда, голос его стал тише, да и смотрел он на меня как-то странно, будто впервые увидел.

– Да я ж не спорю! И готова понести наказание. Но разве в этом дело? Эх, вам никогда не понять, на какое преступление можно пойти во имя любви!

Вилария дернула меня за руку, намекая, что пора остановиться. Но когда я нервничаю, начинаю говорить все, что думаю. Пусть он ректор, пусть маг высшей категории, пусть мой жених! Кстати, неплохо бы ему сообщить, кто именно его невеста. Самое время, чтобы все окончательно прояснить и разорвать помолвку. Замуж за такую бесчувственную ледышку все равно не пойду, да и ему непрестижно иметь в женах самую плохую адептку своей академии.

– Ректор Тори, хочу сообщить вам пренеприятную новость... – решительно начала я.

Но признаться в грандиозном обмане мне не дали. В библиотеку, ругаясь, ворвался сторож, за ухо он тащил адепта Яцека. Из-за двери показались довольные физиономии адептки Беде и двух ее подружек.

– Вот он, голубчик! – довольно ухмыльнулся сторож, подойдя к нам. – Выследил его! В кустах прятался. Теперь все преступники в сборе! Что, всех троих с вещами на выход?

Мужчина обвел нашу троицу довольным взглядом. Но Амадор Тори словно ничего не слышал, он стоял мрачнее тучи и не отводил от меня взгляда. М-да, кажется, я погорячилась, нагрубив ректору. Да и кража книги вещь серьезная. Одним отчислением дело не обойдется, как бы еще полицию не привлекли.

– Проводите адептов в их корпус, – неожиданно произнес ректор. – Продолжим разговор завтра утром в моем кабинете, сейчас уже поздно.

Амадор Тори ушел не прощаясь, прихватив с собой ядовитый зубастый фолиант. Тот махнул напоследок потрепанной лентой-закладкой, словно показал язык.

– А зверя куды? – спросил сторож, с опаской рассматривая змеелисицу.

– Иди домой, Полли, завтра увидимся. И прости, что так получилось, – покаялась Вилка.

Животное кивнуло, вильнуло хвостом и... исчезло.

– Ну и дела... Вроде я сегодня не принимал, – протер глаза сторож и погнал нас к общежитию. А по дороге рывкнул на затаившихся в

коридоре студенток: – И вы, трещотки, расходитесь! Чего тут засаду устроили?

Вслед донеслось шипение Ханки:

– Я же говорила, что ты вылетишь, Комарек! Таким, как ты и твоя подружка, не место в престижной Провинциальной академии!

Яцек выступил вперед, сжав кулаки, девицы ойкнули и побежали в свой корпус. Только мантии развевались в ночи.

Мы же в молчании дошли до наших комнат. Сторож с трудом растолкал магистра Дуба и сообщил о происшествии. Куратор спросонья толком не понял, о чем речь, но пообещал утром всыпать нам по первое число. Так и хотелось сказать: «В очередь! Перед вами ректор Тори, да и декан Матеуш наверняка захочет приложить руку».

При расставании Вилка с Яцеком пообещали, что пойдут на ковер к ректору вместе со мной. Но я лишь отмахнулась:

– Не стоит. Он все равно меня выгонит. Не в этот раз, так в другой.

Но что лукавить, я и сама сделала все возможное, чтобы вылететь, недоучившись до первой сессии. Это дома папенька прощал мне шалости: и многочисленные неудачные опыты с зельями, и взрывы лаборатории, и издевательства над бедолагами-женихами. А ректор Тори подобное хулиганство так просто не спустит. Да и, нужно признаться, это я пронесла на территорию академии не совсем разрешенное симпатическое зелье, и в лаборатории настойку красящую ночью я варила. Что ж, не судьба мне здесь учиться. Но я ни о чем не жалела. Ни о словах, сказанных в сердцах Амадору Тори, ни о проведенных здесь днях. Ведь я познакомилась с магическими животными – трогательными и беззащитными, несмотря на когти и зубы. А еще приобрела новых друзей. Значит, оно того стоило!

Глава 23

Свободу Элиске и всем ее друзьям!

В приемную ректора я зашла на негнущихся ногах. На всякий случай собрала чемодан. Вилка с Яцеком, как и обещали, отправились на ковер со мной. Вилария тоже приготовила вещи и даже попрощалась с Полли: продолжать обучение в академии после случившегося подруга не видела смысла. Адепт Яцек, наоборот, убеждал нас бороться и отстаивать свои права. И даже подготовил речь в нашу защиту, которую репетировал по дороге.

Сопровождаемая ехидными смешками помощника ректора Пшемика Дергуна, наша троица вошла в кабинет. Амадор Тори сидел за столом, вид у него был уставший, но хотя бы не суровый. А может, мне просто хотелось верить, что у этой ледышки были и другие чувства, кроме высокомерия и раздражения.

Помимо главы академии, в кабинете находились декан Матеуш, магистр Болек и куратор Дуб. При виде нас декан тепло улыбнулся, Болек поморщился, а куратор Дуб бросил хмурый взгляд. Вероятно, наши ночные вылазки последний принял слишком близко к сердцу, считая личным педагогическим упущением.

Чтобы не затягивать мучения, я выступила вперед и положила перед ректором заявление об отчислении по собственному желанию. Вилка последовала за мной, и перед Амадором Тори легло второе заявление.

– Вы тоже готовы покинуть академию по собственному желанию, адепт Яцек? – выгнул бровь ректор, скользнув взглядом по бумагам и зачем-то смахнув их в корзину для мусора.

– Нет! Я и по чужому желанию не согласен покинуть! Считаю, что за свои права нужно бороться! Не спорю, мы виноваты, но лишь в том, что рьяно тянулись к знаниям... – начал пламенную речь сокурсник.

– Слишком рьяно, – буркнул куратор Дуб.

– Тяга к знаниям – это прекрасно, – неожиданно поддержал нас декан Матеуш.

– Но тянуться желательно в рамках правового поля, – фыркнул ректор, но, тут же напустив на себя строгий вид, уточнил: – То есть вы, лер Матеуш, выступаете за то, чтобы дать нашим адептам еще один шанс?

– Совершенно верно. Нужно направить их неумную тягу к знаниям в мирное русло. Как я и предлагал...

– Хорошо, ваше предложение повторять не нужно, мы утром его несколько раз обсудили, – прервал декана ректор и обратился к куратору: – Ваше мнение, лер Дуб?

– Бойцы... в смысле студенты, конечно, напроказничали, тут и обсуждать нечего, – тяжело вздохнул куратор. – Но в этом есть и моя вина. Недосмотрел, проморгал...

– То есть вы за то, чтобы оставить студентов в академии? – поинтересовался ректор Тори.

– По этому вопросу воздержусь, – прокашлялся лер Дуб. – Но если оставим, необходимо усилить контроль!

– Ясно, – кивнул ректор, принимая ответ и обращаясь к магистру Болеку: – Ваше решение?

– Студенты нарушили правило и бродили по академии после отбоя – раз! Воровство книги – это дерзкое преступление. Два! Считаю, их нужно наказать и выгнать! – торопливо произнес магистр, нервно смахивая со лба жиденькие пряди волос.

– Получается, двое за то, чтобы студенты остались, один против и один воздержался... – подытожил глава академии, а я с удивлением на него посмотрела.

Это что же – он за нас? Готов дать нам еще один шанс?! Ничего не понимаю.

– Но мы еще не слышали мнение зрителя Костюшко! – встрял вредный Болек. – А он, как всегда, задерживается...

В этот момент дверь распахнулась, на пороге возник Пафнутий Костюшко, запыхавшийся и... в окружении магических зверей.

При виде альруна магистр Болек вскочил с места и ринулся к окну, прикрывшись шторой. Лер Дуб встал по стойке смирно, вероятно, в ожидании указаний вывести посторонних из помещения, а декан Матеуш довольно улыбнулся.

– С магическим зверьем строго воспрещено заходить в приемную, а особенно в кабинет начальства! – взвизгнул секретарь ректора,

ворвавшись в комнату. – Наследят, а мне потом убирай!

Полли приподнялась на хвосте и нависла над главным помощником, оскалив лисью пасть. А дракономопс икнул, выдав порцию пламени и спалив дверной коврик.

– Ах у вас совещание?.. Так бы сразу и сказали! Не буду мешать, – захрипел Дергун и поторопился закрыть дверь. С той стороны.

Радостные Вася с Базей ударили себя в грудь кулачками в знак победы над врагом, Крылатик лениво разлегся на полу, а Полли обняла Вилку за талию змеиным хвостом и привычно положила лисью мордочку на плечо.

– Хорошо хоть гиппогрифа с горгульей не привели, а то кабинет маловат, разгуляться негде, – на полном серьезе заметил ректор Тори, но в некогда холодных глазах теперь плясали смешинки.

А я лишний раз подивилась: неужели он шутит, вместо того чтобы орать и сыпать обвинениями? Очень подозрительно. Может, Матюша не все симпатическое зелье выпила и что-то перепало ректору?

– Горгулий наверняка спит, – предположил куратор Дуб, покосившись на дверь.

Насчет последнего я бы поспорила. Вскоре раздался знакомый «вжих», а возле ректорского стола появилась Матюша. В одной лапе она держала пустой пузырек, прижимая к сердцу, а в другой – цветок дракункулюса, от которого веяло тухлятиной, хоть растение чудесно гармонировало по цвету с лиловой прядью в волосах ректора. И где только сорвала? Горгулья засмущалась, если можно назвать смущением хитрую ухмылку и маленькие бегающие глазки, и протянула подарок ректору Тори.

Все замерли в ожидании бури, но глава академии удивил:

– Благодарю. Положи, пожалуйста, на стол и иди... займи тот угол.

Матюша неловко положила цветок на стол, царапнув по полированной столешнице когтями, ослабилась в щербатой улыбке и... вжих! – переместилась в дальний угол, сев в излюбленную позу и замерев. Сейчас она напоминала каменное изваяние, которые частенько встречались на крышах домов в старинных городках Протумбрии.

– Правильно ли я понимаю, что вы, лер Костюшко, предлагаете оставить студентов в академии и дать им еще один шанс? – нарушил

общее молчание ректор, морщась и торопливо убирая подарок в стол.

– Да! И не только я, а все наши питомцы! Они пришли поддержать адептов. И Комарек, и Войта, и Яцек за это короткое время наладили контакт с магическими животными. Было бы слишком расточительно потерять такие экземпляры... Это же надо искать новых... Приручать... Студентов, я имею в виду...

Магистр говорил сбивчиво, из его речи не всегда было ясно, кого он подразумевает под питомцами, студентов или магических животных. Одно понятно: лер Костюшко нас поддерживал.

– Большинство за то, чтобы дать студентам шанс, – вынес вердикт Амадор Тори и воззрился на нас.

– Мне никакой шанс не нужен, – замотала головой Вилка. – Лучше с Лиски снимите третий строгий выговор и переведите на зельеварение, микстуры – ее страсть! А я пойду. Вы же знаете причину, по которой я поступила в академию...

– Знаю, – кивнул ректор и вытащил из ящика стола знакомую зубасто-ядовитую книгу. – Поэтому удивлен, адептка Войта, что вы так легко сдались. Неужели отступили и больше не хотите найти рецепт антидота?

– Конечно, хочу! Но что я могу...

– Можете идти вперед, преодолевая трудности. На пути у настоящего чувства не должно стоять никаких преград, – сыронизировал ректор и покосился на меня, явно припомнив вчерашнюю отповедь. Теперь уже не только я, но и Вилка с Яцеком, и преподаватели смотрели на ректора с удивлением, только декан Матеуш загадочно улыбался, с отеческой гордостью взирая на коллегу. Амадор Тори продолжил: – Адептка Войта, вы считаете, что королевский лекарь ошибся?

Вилка кивнула, а ректор деловито предложил:

– Значит, возглавьте рабочую группу, изучите материал и найдите ошибку. Королевский лекарь любезно согласился прибыть в академию, посмотреть на ваши расчеты, и если потребуется, изготовить новый антидот. На все про все у вас два дня.

Присутствующие в кабинете с недоумением воззрились на ректора, до конца не веря своим ушам. Неужели Амадор Тори договорился с самым королевским целителем? И согласился дать для

изучения студентам древний фолиант, который не каждый преподаватель имел право взять в руки?

Даже звери заверещали, понимая, что произошло нечто значимое.

– Но я же не... у меня нет нужных знаний... – заикаясь, промямлила Вилка.

– Я так и думал. Куда легче проникнуть ночью в хранилище, чем засесть за учебники. Только как вы собирались прочесть фолиант, выкрыв его? – поинтересовался ректор Тори.

– Я рассчитывала на помощь друзей. С зельеварением у меня туго...

– Не то слово, как туго, – подвякнул из-за шторы магистр Болек.

Змеелисица на него зашипела, и преподаватель вновь спрятался, да еще с ногами залез на подоконник.

– Так и берите в помощники ваших друзей, – предложил ректор. – Помимо студентов Комарек и Яцека, в рабочую группу войдут декан Матеуш, я и двое старшекурсников-зельеваров – наши местные гении. Надеюсь, такой вариант вас устроит?

Мы с Вилкой и Яцеком радостно закивали, соглашаясь на столь неожиданное приглашение. А я не могла избавиться от мысли, что это наш вчерашний разговор так подействовал на непробиваемого мага высшей категории. Неужели он и впрямь решил нам помочь? Или это какая-то уловка?

– Раз мы обо всем договорились, начнем изучение книги сегодня после занятий. Фолиант будет храниться в кабинете, чтение – в моем присутствии или вместе с деканом Матеушем. Книга все же магическая, поведение непредсказуемое, может и укусить. Или отравить.

Фолиант, явно обидевшись, пыхнул в ректора едко-зеленым дымком, принявшим очертания змеи. И лер Тори поторопился спрятать вредную книгу в стол.

– На этом все. Скоро занятия! – Ректор поднялся с места, и все попятились к двери.

– Подождите! Вы сказали, что у нас есть два дня? – уточнила я, а лер Тори кивнул. – Но завтра же суббота?

– А в воскресенье в академию приедет королевский целитель, и мы должны показать ему результат, хотя бы промежуточный, – подтвердил Амадор Тори. Я тяжело вздохнула: как мне объяснить тете

Лижбет отлучку в выходные? Ректор будто прочитал мои мысли и добавил: – Я слышал от куратора Дуба, что в Будеже у вас живет больная тетушка. Езжайте сегодня ее навестить, а завтра утром возвращайтесь в академию и присоединяйтесь к сокурсникам. Если у вашей троицы все получится, сниму строгий выговор.

Я задумчиво кивнула. А что оставалось? Ректор Тори и так превзошел себя, выдвинув совершенно справедливые условия. Не могла же я сейчас все испортить, сообщив, что тетушка меня не отпустит, потому что о моей учебе в академии ни сном ни духом? Эх, придется как-то задобрить старушку, наварить ей омолаживающих настоек, приготовить примочки от радикулита или... во всем сознаться.

Пока же было не до тетушки. Пришлось четверть часа уговаривать Матюшу покинуть кабинет ректора, выдав ей два внеплановых сахарка. При взгляде на хитрющую горгулью у меня закралось подозрение, что действие настойки давно прошло. Зверю просто понравилось повышенное внимание, сладости и... ректор Тори.

Последний вздохнул с облегчением, когда раздался знакомый «вжих» и Матюша исчезла. Смотритель Костюшко увел остальных зверей, а главный помощник тут же принялся опрыскивать помещение приторно-цветочным парфюмом «Розовая мечта». Амадор Тори, поморщившись, поторопился на лекцию, сбежав от этой «мечты».

Мы же с Яцеком и Вилкой столкнулись в коридоре с друзьями. Оказывается, слух, что нас выгоняют из академии, уже прошел. Воганька со Змиевским и еще несколько ребят, с которыми мы успели сдружиться во время оперирования Грифа, явились в приемную, чтобы за нас заступиться, но вредный Пшемик Дергун их не пускал. Адепт Райт тоже стоял неподалеку, подпирая стену. Но как только Яцек выкрикнул: «Мы остаемся!» – смылся. Неужели хотел поддержать? Или наоборот – утопить? Вот и гадай теперь!

Зато Ханка с подружками сразу показали свое отношение, небось они и распустили по академии слух о нашем отчислении. Магистр Боек подбежал к девицам и зашептал, указывая на нас. Не иначе как сообщил, что нашу «преступную группировку» не только оставили, но и доверили серьезный проект. Красивое лицо адепки Беде стало похоже на протухший плод. Девушка скривилась и поторопилась уйти.

– Этот Болек работает на вражеский стан, – задумчиво протянула Вилария. – С чего это у простой адепки и магистра возникла такая дружба?.. Нужно бы ими заняться...

Договорить она не успела, а тем более осуществить задуманное. К нам подбежала девушка с рыжеватыми вьющимися волосами, которую я уже ранее видела. Кажется, она училась на факультете магической механики. Мартишка Десмонд, супруга лучшего друга ректора и по совместительству заслуженного некроманта Протумбрии.

– Вилка! – вскрикнула она, бросившись к Виларии. – Я только сейчас узнала от студентов, что тебя то ли выгнать собираются, то ли влепить строгий выговор! Почему ты мне ничего не сказала? Пойду разберусь с Амадором!

– Мартишка, все в порядке, – обрадовала ее Вилария. – Нам с Элиской разрешили остаться. Более того, меня назначили руководить группой по изучению королевского антидота. Представляешь? У меня будет доступ к той самой книге! А значит, я смогу вернуть Мартина!

– Но у тебя ведь нет нужных знаний и магического уров... – Мартишка осеклась и покосилась на меня.

– Знакомься, моя сокурсница и подруга Элиска, она все знает, – успокоила собеседницу Вилария и обратилась ко мне: – А это моя подруга Мартишка, мы вместе работали в магазинчике «Магические штучки».

– Амадор и правда согласился помочь? – удивилась Мартишка. – Что-то неслыханное! Уж не заболел ли? А может, влюбился?

– Это вряд ли, – отмахнулась Вилка. – Но, может, что-то понял после вчерашней отповеди Элиски? Ой, она ему такое выдала! И про то, что невесту выбирает, как костюм, и что не способен на настоящие чувства...

– Наш человек! – одобительно подмигнула Мартишка.

Я смутилась. Уже сомневалась в своей правоте. Резкая отповедь теперь казалась мне неправильной. Все же Амадор Тори старше меня, да к тому же ректор и еще жених... Хорошо раздался звонок, и подруги не заметили моего смущения. Мы с Вилкой попрощались с Мартишкой и побежали в аудиторию – как раз на лекцию ректора Тори, который уже воспринимался не ледяным и бесчувственным, а справедливым, хоть и строгим. И это открытие заставило меня до конца занятий пребывать в растрепанных чувствах. Я даже не

заметила, как завершился учебный день. А завершился он вполне неплохо, ибо Райт отменил вечернюю тренировку, а Матюша больше не вредничала. Наоборот! Горгулья серьезно внимала моим советам, что нечего сидеть у ректорского порога, давя на жалость.

– Понимаешь, мужчины не любят, когда им навязываются, – повторяла я тетушкины наставления. Хотя сама вряд ли могла похвастаться богатым личным опытом общения с теми самыми мужчинами. – Это они должны заботиться о дамах и о более слабых существах. Не ты должна дарить цветы, а тебе... Правда, от нашего ректора этого вряд ли дождешься.

– У-у-у! – разочарованно прогудела Матюша, внимательно слушая и шевеля маленькими рожками.

Горгулья попыталась сжать меня в объятиях, приняв за сестру по несчастью. Я была приятно удивлена подобным проявлением чувств, но все же вовремя отскочила подальше. Правда, пообещала побыстрее вернуться и нарвать ее любимых мятликовых сорняков, а еще искупать.

На этом мои приключения не закончились. Возле ворот академии меня поджидал еще один сюрприз в лице адепта Райта. Он ни с того ни с сего предложил подбросить меня до станции на своем модном серебристом мобиле. Подобную роскошь я как-то видела под окнами нашего дома, очередной ухажер подвозил мою ветреную сестрицу. Задержался у нее в поклонниках он ненадолго. Его сменил блондин на красном техномобиле. Хотя о чем я? Джер Райт уж точно не являлся моим ухажером или поклонником, а его предложение заставляло задуматься. Отказываться не стала, чтобы не подумал, что струсил. Но всю дорогу гадала, в чем подвох. Райт же всю дорогу молчал, а подъехав к станции, произнес:

– Рад, что тебя оставили... – Только я расплылась в благодарной улыбке, как он добавил: – А то кого мне мучить на тренировках? И я не теряю надежды, что ты передумаешь и выберешь уборку. Надо бы пол оттереть от твоей липучки и брюки зашить, которые кто-то прогрыз...

Вот ведь! Я выскочила из мобилы, с силой хлопнув дверцей, а этот наглый тип укатил, довольно ухмыляясь. И чего подвозил? Чтобы наговорить гадостей? Мужчины все же странные создания, мне их никогда не понять.

Но, как только я обустроилась в вагоне поезда, тут же позабыла и о Джере Райте и об Амадоре Тори. Мысли завертелись вокруг разговора с тетушкой.

И не зря.

Тетин водитель, встретив меня в Будеже, не сыпал привычными шутками. А едва я вошла в дом, почувствовала неладное. Напряжение витало в воздухе. Марта, тетушкина помощница, попросила срочно подняться в свою комнату. Даже не ответила на вопрос о здоровье хозяйки. Лишь зачем-то попросила светлого бога Эвзена защитить меня от гнева какой-то мегеры.

Я поднялась на чердак и сразу догадалась, о какой такой мегере говорила Марта. В плетеном кресле-качалке восседала тетя Лижбет – раскрасневшаяся, злющая, с некрасиво поджатыми губами. В руках она держала две метрики: одну Валежкину с ее портретом, а вторую – собственную, с моими исправлениями. Средний ящик комода, где среди белья хранились документы, был выдвинут и распотрошен.

– Хотела сделать тебе подарок – купить белье и новое платье. Решила сверить размер. Но никак не ожидала обнаружить поддельные документы! Как это понимать? – хмуро процедила тетя, потрясая метриками. – В моем доме живет аферистка!

Я обессиленно плюхнулась на кровать, готовясь к неприятному разговору.

– Нет, я ничего не имею против изменений собственного возраста. – Тетя повертела в руках свою обновленную метрику. – Даже как-то пикантно, мне вновь восемнадцать! Но вопрос в другом!

– В чем? – пролепетала я.

– Кто ты? – грозно спросила тетя, поднимаясь с кресла и подходя ближе.

Я тоже поднялась, ощущая всем своим первым магическим уровнем: быть беде. Тетя раскусила обман, обо всем сообщит папеньке, тот поменяет нас с сестрицей местами, и поеду я далеко и надолго... в магический пансион. Танцевать краковяк раскорякой и плести кружева на коклюшках. Но придумать прямо сейчас что-то оригинальное была не в силах, поэтому, набрав побольше воздуха в легкие, выдала:

– Я не аферистка! Я Элиска! Ваша внучатая племянница и старшая из сестер Кошмарек! Младшая, Валежка, вместо меня поехала

в пансион, а я сюда – учиться в Провинциальной академии на целительском факультете. Это моя мечта! – Полезла в сумочку и извлекла в качестве доказательства студенческий пропуск, письма Валежки и прошлогодние тетушкины послания ко мне, Элиске. Тетя Лижбет выудила из кармана монокль и принялась изучать новые доказательства, а я продолжала каяться: – Вы вправе рассказать все папеньке, но будет скандал. Папа может отменить денежные переводы. Если вы имеете хоть каплю сострадания, сжальтесь! Не выдавайте меня! Пощадите, любимая тетушка!

С последним я, конечно, перегнула. Но куда деваться-то?

Зажмурилась, готовясь к приговору. И вздрогнула, когда тетя Лижбет бросилась мне на шею:

– Конечно, я тебя не выдам, Элиска! То-то я сразу прониклась к тебе симпатией! И на лицо ты вылитый Адам в молодости! – Я открыла глаза, с удивлением воззрившись на тетю. А недавно она говорила, что я похожа на маменьку. Да и никакой симпатии со стороны хитрой родственницы я прежде не замечала. Но тетушку было не остановить. Старушка меня облобызала, потискала за щеки и рассмеялась: – Хорошо-то как, что именно ты ко мне приехала! У меня как раз была особенная просьба: нужно бы сварганить примочку для увеличения... кхм... бюста...

Я охнула. Вроде бы в ее возрасте об этом не стоит беспокоиться, скорее уж о примочках от подагры. Хорошо одно: тетя на меня не злилась! Наоборот – строила грандиозные планы. Она усадила меня на кровать, сама пристроилась рядом и мечтательно улыбнулась:

– Рассказывай все! Как ты поступила в академию, есть ли там женихи...

– Один есть, которого папенька выбрал, только он еще не знает, что я его невеста... – от страха сразу выдала я правду.

– Ой, как мне нравится читать о подобном в любовных романах! – хлопнула в ладоши старушка. – Высокий? Блондин? Красавец?

Я кивнула, а тетя с придыханием прошептала: «Все как я люблю».

Недоверчиво покосилась на тетушку. Ее муж Вольдемар, судя по портрету, был полной противоположностью описанного типажа: чернявый, хмурый, красавцем назвать сложно. А вот обаятельный лер Гульфрик, нынешний тетин поклонник, под описание подходил. Как и

лер Сигизмунд. Правда, что там было у последнего в молодости с волосами, сейчас трудно сказать в связи с полным отсутствием оных.

После настойчивых уговоров пришлось вкратце, часа за два, обрисовать свои приключения. В подробностях поведать об Амадоре Тори, который меня сразу невзлюбил, ибо невесту ему навязали. И о магических животных... Но эта часть тетю заинтересовала меньше всего, а вот интрига с женихом – вдохновила.

– Какая прелесть! – мечтательно всплеснула руками старушка. – Так и вижу: ректор пылко полюбит красавицу-студентку и во имя страсти откажется от навязанной ужасной невесты! Хи-хи...

– Угу, только я и есть его ужасная невеста, – напомнила тете сюжет и буркнула: – Да и вряд ли он в меня влюбится, красавицей я никогда не была...

– Не была, так сделаем! Над бедрами еще нужно поработать и грудь побольше хорошо бы намагичить. – Тетя взглядом приказала мне встать и пристально осмотрела: – А вот талия уже проявилась! И ножки постройнели – можно юбочку покороче приобрести!

Я опустила взгляд на балахонистое платье. Где там тетя разглядела талию и увидела стройные ноги, так и не поняла. Наоборот, ткань пузырилась на животе и груди, потому что наряд странным образом стал великоват.

– Решено! Завтра идем по магазинам! А потом ты сваришь мне зелье красоты... И не забудь про примочку для увеличения бюста, а заодно можно и губы чуток увеличить... – Тетушка подмигнула: – Мне срочно нужно устроить личную жизнь, пока ты здесь. Тех жалких крох, что присылает Адам, никак не хватает.

– А-а-а... Ну-у-у... – протянула я с сомнением. – А не вредно ли применять подобные средства в вашем возрасте?

– Очень даже полезно! – горячо уверила тетушка Лижбет и вмиг погрустнела. – А куда деваться-то? Я ведь после смерти Вольдемара едва выжила. Он столько долгов после себя оставил, дом совсем пришел в упадок, а про наряды вовсе молчу... А еще лекаря надо оплачивать, ведь с радикулитом и подагрой трудно кокетничать и найти приличного мужа! Если бы не твои целебные настойки, не знаю, как бы выбралась. И вот что я тебе скажу, Элиска: женщине нельзя прозябать одной! У нее должен быть покровитель. Но лучше муж! Тогда и финансы и удовольствие будут в одном флаконе.

Я покраснела от столь откровенных признаний, а тетя все продолжала щебетать. Жаль, что к ней приехала не Валежка. С моей сестрицей они бы быстро нашли общий язык, я же лишь кивала и поддакивала. С трудом успела вставить, что завтра никак не смогу пройтись по магазинам, мне нужно возвращаться в академию.

– Ну и ладно, – ничуть не расстроилась тетя. – Пробежимся сегодня, Адам как раз деньги прислал. И даже хорошо, что ты в выходные уезжаешь: у меня финальная стадия отбора. Лер Гульфрик или лер Сигизмунд – вот в чем вопрос!..

Тетушка крепко задумалась, а я перевела дух. Не так я представляла наш разговор с тетей Лижбет, но из дома не выгнали, и то хорошо.

– А с Адамом мы что-нибудь придумаем, – успокоила меня тетушка и потянула к выходу. – С сестрой вы похожи, но тебе нужно еще похудеть. Раза в два... – Я вздрогнула, а тетя покачала головой: – Ладно, отпишу твоему отцу, что приболела, принять не могу, ждем его не раньше чем через месяц, а там что-нибудь решим.

Тетушка вновь меня обняла уже на лестнице под радостные вздохи помощницы Марты и водителя, заодно в пятый раз напомнила о молодильной эмульсии, красителе и примочках. И потащила за собой по магазинам.

Жизнь потихоньку налаживалась: из академии не отчислили, со строптивой Матюшей подружилась, ректор уже не обзывает личным кошмаром, вот и с тетей построила отношения. Глядишь, так и до первой сессии дотяну!

Глава 24

Совместное изучение редких ядов и забота о горгулье сближают

В субботу я встала ни свет ни заря. Приготовила для тетушки кремы с настойками и примерила обновки. Из всего вороха одежды, которую прыткая старушка скупала в магазинах, мне больше всего понравился брючный костюм веселенькой зеленой расцветки, ну прямо как мох сфагнум оттопыренный. Зауженные брюки и легкий приталенный жакет делали фигуру стройнее. А с туфельками на высоком каблуке наряд смотрелся не хуже, чем на высокой Виларии или на Ханке Беде. Раньше я бы никогда не позволила себе надеть подобное, в столице модницы предпочитали носить платья с глубоким декольте и открытыми плечами, а талию утягивали так, что забывали, как дышать. У меня в прошлом талии не наблюдалось, а полные руки лучше не обнажать, так что я предпочитала свободные фасоны. В академии-то проще, наряд можно прикрыть мантией, но принарядиться, как остальные студентки, мне тоже хотелось.

Уложив волосы, как учила лира Эндрю, замазав тени под глазами эмульсией и проведя по губам ярким блеском, я спустилась в гостиную. Тетушка, которая за один вечер вспылала ко мне любовью, захохала, уверяя, что лер Тори потеряет голову от моей неземной красоты. В этом я сильно сомневалась. Не отчислил бы, и на том спасибо.

– Но я бы лучше надела то розовое платьице с рюшами. Там такое декольте, твой ректор закачается и упадет без чувств! Точнее, от переизбытка чувств, – фантазировала тетушка.

Я уже жалела, что рассказала о женихе. Рано или поздно помолвку придется разорвать. Ну не подходим мы друг другу, хоть ректор мне и нравится! Я не горела желанием становиться женой, не сильно отличающейся от домашнего питомца.

Чтобы не отвечать на дальнейшие вопросы о внешности и характере так называемого жениха, поторопилась оставить тете

дюжину баночек с кремами и примочками, пожелала удачи в отборе и побежала на поезд, направлявшийся из Будежа в Жижу.

По прибытии в академию Вилку с Яцеком в комнатах не обнаружила, наверняка засели в ректорском кабинете и изучают вредный зубастый фолиант. Но перед тем как присоединиться к друзьям, заскочила в зоосад проверить Матюшу. Дракономопс огласил зверинец радостным тьяканьем, Гриф забил копытами, приветствуя меня, а вот горгульи на месте не оказалось.

– Матюшенька утром вас так ждала, Элиска, но затем направилась в гости к ректору Тори, – пояснил появившийся в пустом загоне смотритель.

Что значит «в гости»? Совсем недавно ректор рвал и метал при виде ужасного зверя.

Я понеслась в сторону преподавательских коттеджей, а войдя во двор дома, обнаружила удивительную картину. На траве стоял огромный таз, в нем сидела довольная горгулья, сверху из ведер на нее лилась вода, а ректор Тори в рубашке с закатанными рукавами тер зверю бока и что-то насвистывал. Я остолбенела. Суровый ректор, маг высшей категории, вечно надменный красавчик, который лишний раз в зверинец не заходил, лично намывал Матюшу!

Заметив меня, Амадор Тори странно замер, похоже, тоже был чем-то удивлен. Я занервничала. Неужели переборщила с помадой? Или одежда полнит и подчеркивает недостатки?

Смущенно отвела взгляд, пробормотав приветствие.

– Что вы там застыли, адептка Комарек? – пришел в себя ректор и принялся ворчать в своей обычной манере: – Берите мочалку и присоединяйтесь, коли пришли. Вместо того чтобы отправиться к родителям или встретиться с друзьями в столице, я сижу тут с вашим горгулием...

Матюша обиженно завывала, а ректор исправился:

– С горгульей.

– Ы-ы-ы! – довольно замычала зверюга и почесала бок, намекая, что неплохо бы там потереть.

– А как же рецептура королевского антидота? – поинтересовалась я, подходя ближе.

– Без нас пока справятся, – отмахнулся ректор и протянул мне мочалку. – Мы все утро усаживали фолиант, наконец-то упрямая книга

позволила ее прочитать. Сейчас с адептами декан Матеуш.

Я обнаружила в корзине кусок мыла. Принюхавшись, почуяла знакомый сладковато-цветочный запах.

– Пришлось найти мыло с ванилью, иначе Матюшу не заманить, – пояснил ректор.

– А зачем ее заманивать? – спросила я.

– Похоже, с утра пораньше она искупалась в пруду, а по мне, так в самом настоящем болоте. Может, расстроилась, что вы не прочитали ей на ночь сказку или не покормили любимыми сладостями?

Точно! Я же пообещала нарвать горгулье болотных сорняков. Она, видимо, не дождалась и полезла лакомиться в заросший пруд.

Ректор заметил, как я нахмурилась, и сделал иные выводы:

– Вот именно, адептка Комарек... то есть Элиска. Звери – большая ответственность! Иногда недостаточно их только кормить и учить. Им необходимы забота, внимание, ласка...

Я грустно улыбнулась. Кажется, кто-то сам в детстве не получил ни внимания, ни ласки.

– ...обнаружил горгулью возле крыльца, – продолжал объяснять ректор, натирая мочалкой животному спину. – Запах тины стоял невообразимый! Что будешь делать – пришлось мыть!

– Ы-ы-ы! – радостно ощерилась зверюга.

Я подавила смешок. Хитрющая горгулья и ворчливый ректор – то еще зрелище!

Сняла жакет, под которым была мятного цвета блуза из легкой ткани, и присоединилась к омовению зверя. Так мы и провели время, перекидываясь с Амадором Тори короткими репликами и бросая друг на друга настороженные взгляды. А Матюша хитро улыбалась.

Вскоре водные процедуры были завершены, горгулья повернулась ко мне спиной, явно больше не нуждаясь в заботе.

– Ну... я пойду? – обратилась я к леру Тори, протягивая ему полотенце.

– Идите. Встретимся в моем кабинете, – кивнул ректор, нежно сжимая мою ладонь. – Надеюсь, вы сегодня почитаете животным сказки на ночь?

– Да, – подтвердила я, высвобождая руку.

Подхватила пиджак и побежала к учебному корпусу, оборачиваясь и ловя на себе задумчивые взгляды ректора Тори и Матюши.

Мне вдруг пришла мысль, что они похожи. Нет, не внешне. Со стороны эта парочка походила на Красавца и Чудовище из детских сказок. Только и Матюша и Амадор Тори, как и каменный зверь из истории про девочку Каю, все это время надежно скрывали под толстой «шкурой» свои истинные чувства и почему-то боялись их проявить. Одна каменела и относилась ко всему с показным безразличием, другой надевал каменную маску. И оба рычали на окружающих, словно защищались. Что уж растопило сердце горгульи, не знаю: сказки, ванильный сахарок или наши ежедневные разговоры. Что именно проняло ректора, тоже неясно: отчаянный поступок Виларии – ее поступление в академию и кража ради любви, мои резкие слова или трогательное внимание Матюши. Только в эти дни я наконец увидела перед собой истинное лицо светлого мага высшей категории и обнаружила совершенно другого мужчину. Этот новый Амадор Тори мне очень понравился.

А в кабинете ректора засела компания студентов во главе с деканом Матеушем. На столе лежал не только зубастый фолиант, который уже не скалился и не пыхал дымом, а раскрыл свои страницы с объемными картинками растений и мерцающими рецептурами. Рядом находились не менее уважаемые книги: «Знаменитые антидоты Протумбрии», «Справочник по запрещенным в королевстве ядам» – и прочие полезные издания. Все фолианты тихонько переговаривались, некоторые ворчали, а «Справочник» любезно подсказывал, какой яд лучше использовать в том или ином жизненном случае. Вилария отвлеклась от изучения одной из книг, улыбнулась мне и вновь уткнулась носом в странички. Остальные поздоровались, даже не поднимая взгляда, – работа кипела.

– Элиска, очень хорошо, что вы пришли! – обрадовался декан Матеуш и указал на стул рядом со старшекурсником с отделения зельеварения. Именно он помогал нам с Яцеком изготовить настойки для Грифа.

Студент придвинул мне книгу и тетрадь, в которую что-то выписывал:

– Мы с тобой выискиваем растительные антидоты, влияющие на чувства. Я читаю первым, ты проверяешь, чтобы ничего не упустить.

Кивнула, подвинула стул ближе и принялась за дело.

Спустя час в кабинет вошел ректор Тори. Без привычной мантии и зачесанных назад волос он казался моложе и не столь строгим. Амадор Тори склонился к декану, о чем-то пошептался, а затем взял один из фолиантов и принялся его изучать.

Позже Ян, Вилка и Яцек ушли на ужин. Я же решила не отвлекаться и не терять времени зря.

– Элиска, идите сюда, – подозвал меня ректор, вновь обратившись по имени.

Я придвинула стул ближе, а лер Тори указал на зубастую книгу и на лист с перечнем растений.

– Это компоненты печально известного зелья «Лохеин», – пояснил он, а я удивилась. Зелье не только печально известное, но еще и запрещенное, а уж рецептура охранялась законом. Только лер Тори с его связями и под личную ответственность мог ее добыть. – Мы с вами посмотрим третий и четвертый компоненты и попробуем подобрать противоядие, исходя из описания.

– Не опираясь на рецептуру королевского антидота, – кивнул декан Матеуш, прислушиваясь к разговору. – Пойдем параллельным путем и, возможно, найдем нашу пропажу. Хотя... – декан покосился на дверь, убеждаясь, что Вилария не войдет, – не думаю, что лекарь ошибся.

– Но мы должны все проверить, раз уж взялись, – возразил ректор, а я благодарно ему улыбнулась.

Мы с ним уткнулись в книгу, листая страницы и изучая каждую строчку. Периодически переговаривались, а еще соприкасались руками и слышали дыхание друг друга. Это было так волнительно, что я была рада, когда наступил вечер и мы завершили наше исследование, обнаружив кое-что любопытное. Одного из растений, нейтрализующего действие яда, в рецептуре королевского антидота не оказалось!

Ближе к ночи мы свели все данные вместе, записав наш собственный рецепт на доске, которую с ворчанием притащил из аудитории Пшемик Дергун. Ректор отпустил нас, а сам закрыл кабинет на магический ключ.

Вилка с Яцеком и старшекурсниками перед сном еще раз обсудили рецептуру, устроившись в общей гостиной общежития. Ведь завтра в академию приедет сам королевский лекарь, создатель

уникального антидота! А я взяла книгу сказок и побежала в парк выполнять обещание.

Звери уже поджидали меня, рассевшись на каменной ограде возле пруда. Гриф удобно устроился в траве, лениво что-то поклеывая и с интересом разглядывая книгу. Зеленые светлячки образовали над нами мерцающий купол, отражаясь огоньками в воде. А я открыла очередную сказку.

Новая история была не о горгулье, а про отважного, но хвастливого лисенка, который постоянно попадал в разные передряги. Сказка оказалась смешной и поучительной и, как всегда, о настоящей дружбе. Громче всех над приключениями лисенка смеялась, фыркая, Полли – сказка ей пришлась по душе. Матюша издавала странные звуки, похожие на хмыканье, Вася и Базя в особо смешных местах заваливались на спину и держались за животы, а позади нас слышался еще один смешок. Я обернулась и обнаружила возле развесистого дерева ректора Тори. Он прислонился спиной к стволу, внимательно слушал сказку и с интересом наблюдал за магическими животными.

– Не отвлекайтесь, Элиска, – прошептал он, и я тут же отвернулась, продолжив чтение.

Вскоре Матюша громко зевнула, дракономопс захрапел, а потто пристроились на траве, подложив под щеки лапки.

– Кажется, кому-то пора спать, – произнес Амадор Тори, подходя ближе.

Матюша понятливо кивнула, подхватила потто и Зубастика в лапы. Вжих! – и горгулья с друзьями исчезла. Полли стремительно переместилась следом, только в темноте мелькнул змеиный хвост. Крылатик разбежался, взмахнул крыльями и взлетел, направляясь к загону. Гриф рисковать не стал – горделиво поднялся и важно удалился, цокая копытами по каменной дорожке.

А я закрыла книгу и посмотрела на ректора:

– Вот и все. Спокойной ночи, лер Тори.

– Я вас провожу, Элиска, – предложил он.

Выглядела наша вечерняя прогулка очень романтично: красивый мужчина, я, парк с диковинными деревьями и цветами, стрекочущие на разный лад местные обитатели и звездное небо над головой. Хотя я понимала, что это не свидание.

Заговорить никто из нас не решался, мы шли рука об руку, искоса поглядывая друг на друга. Уже подойдя к зданию корпуса, ректор вдруг коснулся моих волос, а я задержала дыхание.

– Светлячок, – пояснил он, снимая зеленого светящегося жучка. Тот застрекотал, взмахнул крыльями и улетел в небо.

А лер Тори по-прежнему перебирал пальцами мои пряди и удивленно всматривался в лицо.

– Что-то не так? – тихо спросила я, стараясь не нарушать таинство момента.

– Все не так, – отчего-то горько усмехнулся он. – Вы, я, горгулья...

– Горгулья-то в чем виновата? – спросила я, невольно подаваясь вперед.

– Наверняка втихаря подлила мне ваше симпатическое зелье, – пробурчал Амадор Тори и придвинулся ближе, не отрывая взгляда от моих губ.

Вдруг раздался «вжих», а в соседних кустах возник знакомый силуэт.

Мы одновременно отпрянули друг от друга, а ректор строго произнес:

– Если кто-то немедленно не отправится спать, завтра не получит любимое лакомство. И ванильным мылом его больше мыть не будут!

Прозвучало тихое «У-у-у!», прошелестел очередной «вжих», и метнувшаяся тень сообщила нам, что горгулья угрозы испугалась и убралась восвояси.

Но сказочный момент был нарушен. Ректор Тори открыл дверь, пропуская меня в помещение:

– Спокойной ночи, Элиска.

– Спокойной ночи, лер Тори, – отозвалась я.

– Амадор, – послышалось в ответ.

Но когда я обернулась, ректор уже ушел.

Мне все показалось! И свидание, которого не было, и заинтересованные взгляды, и нежность, звучавшая в голосе. И поцелуй, который так и не случился.

Не об этом я должна думать. Не об этом! Я пришла в академию учиться, а не строить глазки ректору, а тем более крутить с ним роман.

Так я себя убеждала. Только, засыпая, вновь вспомнила о не случившемся поцелуе и всхлипнула от обиды.

Глава 25

Вера в собственные силы творит чудеса, а любовь, особенно когда летишь на гиппогрифе, – окрыляет

Королевский целитель Леонард Пусля оказался премилым старичком. Немного ворчливым, слегка глуховатым и большим любителем поспорить. Но в целом добродушным и открытым. Самым неприятным в нашем знакомстве с целителем оказалось то, что лер Пусля прекрасно знал моего папеньку. А как иначе? «Кошмарековы зелья» – одна из самых известных аптечных сетей в Альмерии, даже королевские лекари иногда к нам заходят.

– Кошмарек? – переспросил старик после того, как я представилась. – Не старшенькая дочка Адама? Она, кажется, увлекалась зельеварением. Какие-то там дамские настойки варила.

– Нет-нет, вы ошиблись, – отмахнулась я, стараясь избегать пристального взгляда ректора Тори. – Моя фамилия Комарек. Я из Ликарнии.

– А-а-а... Послышалось, – пожал плечами лекарь и перешел знакомиться к следующему члену нашей команды. – Войта? Не та ли самая, что заваривала всю эту кашу?

Вилка отважно шагнула вперед.

– Значит, вы утверждаете, юная лира, что в рецептуру моего антидота закралась ошибка?

– Предполагаю, – робко ответила подруга.

– И что же вас навело на эту мысль?

– Мой жених, Мартин Корф, потерял память под воздействием «Лохеина». После приема вашего антидота память вернулась, но вот чувства... – Вилария запнулась, а старик покачал головой:

– Ну да, ну да. Бывает. Адептка Войта, а проводите-ка меня в лабораторию, а по дороге я с удовольствием выслушаю вашу историю. С подробностями!

Королевский целитель взял Виларию под руку и направился в коридор, явно пощадив ее чувства. Все в нашей группе в общих чертах знали, в чем дело. Но именно в общих, без подробностей.

Как только лекарь в компании Виларии покинул кабинет, Амадор Тори дал указание собирать книги с записями, забирать доску и переносить все в лабораторию.

Через полчаса лер Пусля с Виларией зашли в храм зельеварения, как называл лабораторию магистр Болек. Королевский лекарь после беседы с адепткой явно расчувствовался – он шумно сморкнулся в огромный клетчатый платок, а затем направился к доске с обновленным рецептом антидота.

– Значит, вы полагаете, что в моем антидоте не хватает именно этого компонента? И думаете, что я позабыл его включить? Так, Матеуш?

Пожилой декан вытянулся перед лекарем в струну и принялся объяснять нашу общую версию. А ректор Тори шепнул мне на ухо:

– Лер Пусля много лет назад преподавал в Столичной академии, а лер Матеуш был его учеником.

– А вы тоже были его учеником? – зачем-то спросила я.

Ведь не просто так ректору удалось уговорить королевского лекаря нам помочь.

– У меня другая специализация, – напомнил лер Тори, а затем добавил: – В прошлом году после всей этой истории с «Лохеином» лера Пуслю пытались обвинить в халатности, ведь королевское хранилище с редкими зельями и ядами находится в его ведомстве. Как правовой маг высшей категории, я защищал интересы лера Пусли перед правителем и министрами...

– И, как я понимаю, успешно, – догадалась я, судя по тому, что старик все еще пребывал на своей должности.

– Молодой Тори, – недовольно буркнул лер Пусля, заметив наше перешептывание. – Если у вас есть что сказать, идите к нам, а не любезничайте с очаровательной лирой Кошмарек.

– Комарек, – поправила я.

Но меня уже никто не слышал.

Ректор подключился к дискуссии лекаря и декана, к ним подошли старшекурсники, через четверть часа присоединились мы с Виларией и Яцеком. Еще через полчаса беседа из спокойной превратилась в

жаркую, спустя двадцать минут воздух накалился, по лаборатории летали магические книги, клялая обложками и пряжками, а доска вся была исписана рецептами антидотов.

Через час декан Матеуш толк в ступе редкие растения, ректор Тори разжигал горелки, а королевский целитель, скинув мантию и бархатный пиджак, поправил разноцветные подтяжки и направился к столу.

– Лира Войта, прошу вас ассистировать мне, – обратился лекарь к моей подруге.

– Я?! – ужаснулась Вилка. – Но я же не...

– Вы читали эту книгу? – поинтересовался лер Пусля, ткнув костлявым пальцем в «Редкие яды и противоядия».

– Прочитала от корки до корки, – закивала Вилария.

– Основы зельеварения прошли? – строго уточнил лекарь.

– Базовую часть, к экзамену допущена.

– Мою рецептуру антидота изучили? – прищурился старик.

– Выучила наизусть!

– Тогда чего вы робеете? За дело!

Вилария подошла к столу, и лер Пусля принялся сыпать указаниями. Так в компании с ректором и деканом Вилка принялась ассистировать самому королевскому лекарю. А меня распирало от гордости за подругу.

– Признаюсь честно, я специально не стал добавлять тот компонент, – хитро произнес старичок, когда Вилария передала ему эмульсию из цветов эхинопсиса колючего.

– Но почему? – искренне удивилась она. – В книге написано, что именно желтые лепестки эхинопсиса влияют на чувства.

– Влияют, – согласился лекарь и добавил в шипящую колбу поданный ректором раствор. – А точнее, обостряют чувства. Но к исцелению это не имеет никакого отношения. Именно поэтому я и не стал включать данный компонент в антидот.

– Но ведь вы слышали, о чем я вам поведала. И согласились! – не отставала Вилария.

– Согласился. Но по-прежнему убежден, что ваш жених все вспомнил. А то, что его чувства могли измениться, так это жизнь! Допустим... – Лекарь понизил голос, а мы все превратились в слух. – Только допустим, что изначально детскую нежную дружбу меж вами

он принимал за любовь. Но первична-то была именно дружба! Именно поэтому при возвращении памяти у него к вам остались лишь эти теплые дружеские чувства.

– Тогда что нам даст новый антидот с добавлением цветков эхинопсиса? – расстроилась Вилария, а декан Матеуш по-отечески приобнял ее, утешая.

– Антидот с новым компонентом обострит чувства и отсекает истинное от иллюзорного, – пояснил лер Пусля. – Возможно, в вашем случае любовь действительно имела место быть. Но частенько так случается, что многие принимают иные чувства за любовь, а многие и вовсе отрицают.

– Вы отрицаете? – осторожно поинтересовалась Вилка.

– Храни меня светлый бог Эвзен от подобного! – Лекарь широко улыбнулся. – Я слишком стар, чтобы отрицать очевидное. Любовь была и остается высшей ценностью. Для того и даются испытания, для того мы и преодолеваем трудности, чтобы понять, истинны ли чувства или иллюзорны. Все проверяется опытным путем.

– И как проверить? – неожиданно задал вопрос ректор Тори, скользя по мне задумчивым взглядом.

– Не бояться бросать вызов себе и судьбе, мой мальчик! – вскрикнул старик, не забывая при этом помешивать зелье. – И не бояться получить отрицательный результат, потому что это тоже опыт. Лучше сделать ошибку, чем ничего не делать, а потом сожалеть об этом всю свою жизнь. Именно по этой причине я и согласился помочь адептке Войте!

После пламенной речи лер Пусля снял с горелки колбу и разлил зелье в формы. Жидкость тут же загустела, а мы, словно зачарованные, слушали странного старика и наблюдали, как ловко он орудует в лаборатории, чувствуя себя среди склянок и растений в родной стихии. Даже редкие ворчливые книги затихли и выстроились в ряд на соседнем столе, прислушиваясь к речам королевского лекаря.

– М-да, что-то я ушел в дебри, – по-стариковски прошамкал Леонард Пусля. – Что ж, лира Войта, новое противоядие можно давать пациенту без опаски.

Лекарь разложил две зеленые пилюли в коробочки, одну передал Виларии, другую – ректору Тори, пояснив: «Про запас».

– Рецепт я заберу с собой, а вы, мои юные исследователи, займитесь учебной программой и на время позабудьте о подобных опытах, – обратился к нам королевский лекарь, а затем повернулся к декану: – Матеуш, я доволен твоими студентами. Пытливые умы – лучшая награда для учителя!

Декан довольно хмыкнул, а мы засмутились, но слова лекаря нам польстили.

– Что ж, мне пора. – Лер Пусля надел пиджак. – Амадор, проводи меня! – Ректор открыл дверь, но старик напоследок обернулся: – Лира Войта, не волнуйтесь, антидот в любом случае не навредит, но все же сообщите мне о результате.

Вилка серьезно кивнула, прижимая к сердцу заветную пилюлю, а ректор Тори обвел нас взглядом и сообщил:

– Адепты Войта, Комарек и Яцек, я снимаю с вас строгий выговор. Вы выполнили условие и с задачей справились.

Как только Амадор Тори в компании королевского лекаря покинули лабораторию, мы огласили помещение радостным победным визгом и свистом.

Солнце уже завершало свой дневной путь, окропив небо розовым, а мы вернулись в корпус. В комнате Вилария убрала антидот в шкатулку с секретом и произнесла:

– Не знаю, стоит ли...

– Остановишься на полпути? – удивилась я.

– Нет, конечно. Нет! Просто я боюсь.

Я обняла подругу, даря ей уверенность и поддержку:

– Я так горжусь тобой, Вилка! Ты такая целеустремленная!

– Никогда бы не подумала, что мне понравится учиться на целительском, – усмехнулась Вилария. – Только надо признаться ректору и декану в отсутствии у меня магического дара. Ведь на последних курсах пойдут сложные зелья, и нужна какая-никакая магическая сила.

– Уверена, с твоей фантазией ты что-нибудь придумаешь. Но признаться, наверное, надо... как только сдашь сессию на отлично и докажешь всем, что и без магии можно учиться, – подбодрила подругу и вздохнула: – Мне тоже не мешало бы во многом признаться и тебе и ректору Тори...

Я уже была готова обо всем рассказать, но перед нами закрутилась вихревая воронка, из которой буквально выпрыгнула встревоженная Полли. Она указывала мордочкой в окно, на зверинец, и громко верещала. Было очевидно: в парке что-то произошло!

На поляне возле зверинца творилось невообразимое. Животные во главе с лером Костюшко высыпали из помещения и смотрели в небо. А там... Там парил Гриф. Но не один. Адепт Змиевский восседал верхом на гиппогрифе, держась за мощную шею птицеконя и раскатисто выкрикивая: «Ура-а-а!!! Лети-и-им!!!»

– Ой! – взвизгнула Вилка. – Как бы не разбился!

– Не должен, там же магический купол, – попытался успокоить ее смотритель, но уверенности в его голосе не было. – На всякий случай я отправил Васю с Базей за ректором.

– Кто позволил? – позади нас раздался суровый голос Амадора Тори.

Рядом с ним стояли важные потто, сложив, как и глава академии, руки на груди.

Воздух вокруг ректора заискрился, с губ готовы были слететь заклинания, но магистр Костюшко его остановил:

– Нет-нет! Не стоит! Наша бытовая магия действует на животных не так, как на предметы. Звери магические! Пусть немного полетают, ведь купол не позволит им взлететь высоко.

– А если зверь сбросит студента? – нахмурился ректор. – Мне отвечать перед законом!

– Да-да, я разделяю ваше волнение, но Гриф – очень умный зверь. Он не причинит Змиевскому вреда. Адепт – его друг и в какой-то мере спаситель, – возразил магистр Костюшко и кинул на ректора умоляющий взгляд.

Звери уже обступили Амадора Тори со всех сторон. Полли подползла выше и заискивающе заглядывала в ректорские глаза. Дракономопс ластился к ногам. Даже Матюша возникла рядом и жалобно замычала, всем своим несчастным видом показывая, что ректор просто обязан позволить друзьям полетать.

– Пожалуйста! – жалобно протянули мы с Вилкой.

Амадор Тори закатил глаза и... нехотя кивнул.

– Дам им еще пару минут, и пусть снижаются. Но как-то нужно их предупредить...

Альрун ринулся исполнять ректорский указ. Крылатик разбежался и воспарил ввысь, догоняя большого собрата.

Я же запрокинула голову, любуясь мощной красотой гиппогрифа. Он словно мчался по небу галопом, в закатных лучах солнца черное оперение серебрилось, стального цвета клюв и золотистые глаза поблескивали – зверь был мифически прекрасен. Взмах крыльев, поворот корпуса, и вот уже Гриф снижается. Через несколько секунд конские копыта коснулись земли, Змиевский напоследок обнял друга за шею, что-то шепча, а затем спрыгнул на траву.

– Вы видели?! – засмеялся он. – Это так здорово – ощущать небо, как чувствует он! Вы же не накажете нас?

Последние слова были обращены к ректору, тот неопределенно качнул головой.

Гриф чинно подошел к главе Провинциальной магической академии и опустился, подогнув передние копыта и склонив голову.

– Признаёт вас старшим в нашей стае и предлагает прокатиться, – пояснил смотритель, выжидающе глядя на ректора.

Но Амадор Тори неожиданно отпрянул назад, а в глазах мелькнуло восхищение вместе с ужасом. Я знала этот взгляд. Точно такой же был у моей сестры, когда мы с ней в детстве на отдыхе сбежали от родителей и забрались на высокую гору. Подобное бывает, когда мечтаешь о небе, но боишься упасть.

– Не стоит отказывать, зверь не должен почувствовать слабость, – тихо подсказал лер Костюшко, подливая масла в огонь.

Ректор не слишком уверенно кивнул и направился к гиппогрифу.

Магическое животное, почувствовав слабость, насмешливо фыркнуло. А в глазах зажегся озорной блеск. Кажется, кто-то кому-то готовит сюрприз! Ой что будет...

– А можно я тоже с вами покатаюсь? – вскрикнула я, скорее от волнения, чем от смелости. – Всю жизнь мечтала полетать на гиппогрифе, но очень боялась! А с вами, лер Тори, мне ничего не страшно!

Вилка обо всем догадалась, потому что одобрительно улыбнулась. А вот смотритель нахмурился, покачав головой. Наверняка в его глазах я выглядела глупо, но больше всего мне хотелось спасти ректора Тори

от позора. Да и уберечь Грифа от опрометчивого поступка. Ведь если гиппогриф что-то учудит в полете, магический зверинец придется закрыть.

Поэтому я подбежала к Грифу, обняла его за шею и прошептала на ухо, чтобы он вел себя прилично. Зверь недовольно взмахнул хвостом, но позволил нам с ректором забраться себе на спину.

Амадор Тори устроился позади, держа одной рукой меня за талию, а второй цепляясь за жесткие перья, как за поводья.

– Будем надеяться, что ни один человек не пострадает, – вздохнул ректор.

Гриф по-орлиному заклекотал и, оттолкнувшись от земли задними копытами, взмахнул крыльями.

Мы поднимались все выше и выше, звери и люди стали крошечными, деревья и здания академии – игрушечными, а мы удалялись все дальше и дальше. Ректор Тори прижимал меня к своей груди, я чувствовала биение его сердца, и мое сейчас билось в унисон.

Гриф чуть повернул голову, щелкнул клювом, словно что-то задумал. А затем резко рванул вперед, разрывая невидимый глазу магический купол. Тот заискрился, спружинил, на долю секунды заставив остановиться, и замерцал, выпуская беглеца на свободу. А вместе с ним и нас.

Получается, что для сильных магических зверей, таких, как гиппогриф или горгулья, весь этот магический контур настоящей преградой не был? Зверей держало в академии нечто другое? Возможно, Грифа – больное крыло, кого-то – забота зрителя, а кому-то просто некуда и не к кому было идти.

Но что гадать, как оно было, ведь сейчас мы с каждым взмахом крыльев отдалялись от академии, оставляя позади маленький городок Жижу и приближаясь к дикому, запретному лесу.

– Не бойся, Элилка! – крикнул Амадор Тори, крепче обхватив меня за талию. – Гриф не причинит нам вреда. Не так ли, друг?

Зверь в ответ закурлыкал и направился к скалам – его родному дому. Не то чтобы я боялась, но все же не хотелось стать пищей для маленьких гиппогрифов. И в то же время от необыкновенной красоты захватывало дух. Вершины скал окутало багрянцем, а верхушки деревьев покрылись золотом, дикая природа притягивала и завораживала. А когда Гриф, пролетев над скалами и лесом, принялся

кружить над поляной, я охнула. Мы словно спускались на огромной скорости с высокой горы напрямик в серебристое звездное небо. Подлетев ближе и присмотревшись, я поняла, что поляну усеивали белые, звездчатой формы цветы. Плавно опустившись на траву, Гриф преклонил передние копыта, позволяя нам слезть. Как только мы ступили на землю, гиппогриф разлегся в тени деревьев и начал лениво клевать цветы.

Ректор по-прежнему держал меня за талию, а я и не возражала. Меня переполняли эмоции – и этот полет, и первозданная красота лесов, и мощный прекрасный зверь, и близость мужчины, который мне очень нравился, хотя я постоянно гнала от себя это чувство.

– Это так здорово! – вскрикнул Амадор Тори, переводя восхищенный взгляд с Грифа на небо, а затем на меня. – Как же приятно испытать чувство полета!

Ректор Тори от избытка чувств крепче прижал меня к себе, а я прошептала:

– Не переживайте, не вы один, кто боится высоты. Главное вы сделали – преодолели страх.

– Всё благодаря тебе, – тепло улыбнулся Амадор и вмиг стал серьезным: – А знаешь, Элиска, ты была права, бросив мне в лицо те обидные слова. Я действительно до конца не понимал, каково это – испытывать сильные чувства. Отец всегда говорил, что чувства только мешают идти к цели...

– А кто ваш отец? – на всякий случай поинтересовалась я, раз уж пошли такие откровения.

– Судья, – ответил лер Тори. – Он привык всех судить со всей строгостью. По мнению отца, я принял глупое и опрометчивое решение, возглавив академию. Этот полет он бы тоже не одобрил. А уж подобное – точно осудил бы...

– Что именно? – не поняла я, наблюдая за тем, как Амадор Тори медленно склоняется ко мне.

Вместо ответа он взял в ладони мое лицо и поцеловал – осторожно, бережно, нежно, словно боялся, что я не позволю. Но я позволила. Более того – ответила на поцелуй. Свой первый настоящий поцелуй, который состоялся в волшебном лесу на цветочной поляне в золотистых лучах солнца.

Вдруг раздался знакомый «вжих», мы оба простонали и прервали поцелуй. А возле деревьев возникла знакомая массивная фигура. Вернее, фигуры, потому что неугомонная горгулья притащила с собой всех остальных магических животных. Звери, облепив Матюшу, зачарованно смотрели на нас.

– Прости, – прошептал Амадор, то ли смущаясь свидетелей, то ли своего поступка. – Я не должен был...

– Ничего-ничего, продолжайте. Ой, то есть не переживайте! Я никому не скажу. Тем более все произошло совершенно случайно... – Я нервничала, а когда волнуясь, то говорю, что думаю. В основном, конечно, глупости.

– Да. Случайно, – согласился Амадор Тори и неожиданно вновь поцеловал, но уже не столь нежно, а страстно и очень горячо.

Послышался гомон, вскрики, нетерпеливое фырканье. Увы, ректору Тори пришлось отвлечься от увлекательного занятия.

Он строго посмотрел на зверей:

– Надеюсь, вы умеете хранить секреты?

Магические животные одновременно закивали, кто пушистой мордой, кто щелкая птичьим клювом. А Матюша мечтательно закатила глаза и замычала:

– Ы-ы-ы!..

– Хорошо. А теперь отправляемся домой, а то зритель и ваши наставники будут волноваться. Вы ведь этого не хотите?

Звери вновь загалдели, Матюша подхватила своих пушистых и пернатых друзей мощными лапами. Вжих! И питомцы исчезли.

Ректор, не скрывая сожаления, разорвал наши объятия и подошел к Грифу. Он погладил зверя по холке и что-то произнес. Ну как можно говорить так тихо? Мне же ничего не слышно, а ведь интересно, о чем он договаривается с гиппогрифом. Лишь расслышала: «Ты всегда можешь вернуться в лес...» и «академия – тоже твой дом, помни об этом».

Гриф покорно склонил перед ректором голову, а я подошла ближе, понимая, что гиппогриф согласился вернуться, и наша волшебная поездка подошла к завершению.

Вскоре мы вновь парили в облаках, а лер Тори крепко сжимал меня в объятиях. Я счастливо улыбалась, то и дело прижимая пальцы к губам, которые все еще пылали от моего первого поцелуя. И в то же

время понимала, что, как только мы ступим на землю, Амадор вновь станет ректором, а я – самой плохой адепткой. Хотя... почему это самой плохой? Я стану самой хорошей, самой любимой... Но для начала желательно не вылететь из академии раньше срока и сдать первую сессию. И получить еще один поцелуй. Ведь три поцелуя что-то да значат! Докажу, влюблю и растоплю ледяное сердце жениха, ведь каменное сердце горгульи уже дрогнуло под моим напором!